У 304/233.

ЛАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
Полоцкаго Кадетскаго Корпуса.
Отд. VIб
№ ~~1225~~ 1000

И 304/233

1225

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

И 304/233
355.48/Б 87

ПОЛЬСКІЙ МЯТЕЖЪ

1863 г.

Библиотека ... № 11551
Погашено
№ 3990

СОЧИНЕНІЕ

П. Дм. Брянцева.

ВИЛЬНА.
Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собств. д. № 88.
1892.

830

ПОЛЬСКІЙ МЯТЕЖЪ

1863 г.

СОЧИНЕНІЕ

П. Дм. Брянцева.

ВИЛЬНА.
Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собств. д. № 88.

1891.

Дозволено цензурою 17 іюля 1891 года. Рига.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
3521-45

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составляя эту монографію, я по возможности старался быть безпристрастнымъ и объективнымъ. Три года я собиралъ матеріалъ для этой монографіи; собралъ его много; тщательно провѣрилъ, при чемъ не разъ вступалъ въ переговоры и обсужденія какъ съ лицами русскаго происхожденія, такъ и польскаго, которыя были очевидцами бурныхъ событій послѣдняго польскаго мятежа. Но, къ глубокому сожалѣнію, я не могъ воспользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ: непредвидѣнныя обстоятельства заставили меня поспѣшить окончаніемъ моей монографіи, а потому я долженъ былъ отбросить большую часть весьма цѣннаго матеріала.

Нѣтъ спору, что поспѣшность много повредила достоинству моей монографіи, а потому неудивительно будетъ, если найдутся люди, которые, читая ее, скажутъ: лучше было бы, если бы авторъ совсѣмъ не выпускалъ въ свѣтъ своей монографіи. И я дѣйствительно на первыхъ порахъ думалъ было это сдѣлать, т. е. не выпускать въ свѣтъ моей монографіи. Но лица весьма компетентныя въ дѣлѣ литературномъ, прочитавши мою монографію въ рукописи, отклонили меня отъ сего намѣренія, т. е. они уговорили меня напечатать мою монографію, даже въ такомъ сокращенномъ видѣ, въ какомъ она теперь есть. И я напечаталъ. Но хорошо ли я сдѣлалъ—судить не мнѣ, автору сей монографіи. Я скажу только одно: когда я писалъ

мою монографію, то, несмотря на сжатость ея, употреблялъ всѣ зависящія отъ меня силы и средства, чтобы сдѣлать ее болѣе интересною и занимательною, не говоря уже о правдивости.

Въ заключеніе прибавлю: если обстоятельства позволятъ, то я постараюсь скоро напечатать книжку подъ заглавіемъ: „Борьба казаковъ съ поляками за православіе и русскую народность", а также нѣсколько брошюръ церковно-историческаго характера, имѣющихъ тѣсную связь съ исторіею Сѣверо-Западнаго края, такъ какъ (повторяю то, что уже говорилъ разъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій) въ популярныхъ книжкахъ и брошюрахъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ ощущается большая потребность, особенно въ Ковенской губерніи (въ Жмуди) [1]).

П. Дм. Брянцевъ.

1891 г. Іюля 15-го.
Село Ильинское, Сычевскаго уѣзда,
Смоленской губерніи.

---

[1]) Я недавно познакомился съ однимъ весьма образованнымъ человѣкомъ, который служилъ 5 лѣтъ въ Ковенской губерніи и хорошо изучилъ этотъ край; онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что въ Ковенской губерніи тайно по рукамъ жмудиновъ ходитъ масса книжекъ и брошюръ, написанныхъ на польскомъ и литовскомъ языкахъ съ содержаніемъ весьма враждебнымъ по отношенію къ Россіи и православію (книжки эти и брошюры попадаютъ туда изъ-за границы, путемъ контрабаннымъ). Народъ съ большимъ интересомъ читаетъ эти книжки и брошюры, даже православные читаютъ ихъ. „Я", сказалъ затѣмъ мой собесѣдникъ, „замѣтилъ, что у жмудиновъ развита большая охота къ чтенію, и они съ великимъ удовольствіемъ читали бы книжки и брошюры, написанныя въ православно-русскомъ духѣ, лишь бы эти книжки и брошюры относились къ ихъ родинѣ, но, къ глубокому сожалѣнію, подобныхъ книжекъ и брошюръ у насъ почти нѣтъ".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе III

Возстаніе поляковъ въ Царствѣ Польскомъ.

Заговоры польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ противъ Россіи. Демократическое общество. Залавскій. Конарскій. Мирославскій. Дѣйствія Мирославскаго для возстановленія Польши. Арестъ его 1

Надежды поляковъ на французскаго императора Наполеона III. Отправка агентовъ Демократическаго общества въ Россію. Смерть Паскевича—Эриванскаго и назначеніе Горчакова намѣстникомъ Царства Польскаго. Амнистія полякамъ. Составленіе поляками тайныхъ обществъ 13

Періодъ манифестацій и разнаго рода демонстрацій. Манифестація въ Варшавѣ на улицѣ Лешнѣ; манифестація 27 февраля 1861 г.; столкновеніе съ войсками; погребеніе убитыхъ. Новое столкновеніе съ войсками. Смерть Горчакова. Графъ Ламбертъ. Графъ Лидерсъ. Основаніе революціоннаго общества „Варшавскій городской комитетъ.“ Еврейскія манифестаціи. Появленіе революціонныхъ подпольныхъ газетъ и брошюръ. 19

Дѣйствія революціонеровъ въ 1862 г. Ярославъ Домбровскій. Центральный народный комитетъ. Сигизмундъ Подлевскій. Назначеніе намѣстникомъ Царства Польскаго великаго князя Константина Николаевича. Маркизъ Велепольскій. Покушеніе на жизнь великаго князя и маркиза Велепольскаго. Адресъ Варшавскаго дворянства. Реформы въ Царствѣ Польскомъ. Рекрутскій наборъ 29

Періодъ вооруженнаго возстанія. 1863 годъ. Прибытіе въ Варшаву агентовъ Мирославскаго. Временный народ-

Стр.

ный жондъ. Нападеніе революціонеровъ на русскія войска. Объявленіе осаднаго положенія. Двоевластіе въ Царствѣ Польскомъ. Уничтоженіе лѣсныхъ бандъ русскими войсками. Прибытіе Мирославскаго. Бѣгство его. Лянгевичъ. Бѣгство его. Уничтоженіе революціонныхъ бандъ. Политическія убійства. Уничтоженіе бандъ. Крестьяне и ихъ отношеніе къ мятежу . . . 36

Католическое духовенство и его участіе въ мятежѣ. Произнесеніе революціонныхъ проповѣдей. Изданіе брошюръ. Съѣзды духовенства. Перечисленіе лицъ католическаго духовенства, принимавшихъ участіе въ мятежѣ. Участіе католическихъ епископовъ въ мятежѣ. Отношеніе римскаго папы къ польскому мятежу . . . 66

Перемѣны въ администраціи. Отъѣздъ великаго князя Константина Николаевича за границу. Графъ Бергъ—намѣстникъ Царства Польскаго. Инструкція его. Жондъ Хмѣленскаго или жондъ анархистовъ. Покушеніе на жизнь графа Берга. Политическія убійства 86

Дипломатическая переписка по поводу польскаго возстанія. Рѣчи англійскихъ ораторовъ въ парламентѣ. Англійская депеша къ Горчакову; отвѣтъ Горчакова. Рѣчи французскихъ ораторовъ въ національномъ собраніи. Депеши Франціи, Англіи и Австріи къ русскому канцлеру. Патріотизмъ русскаго народа. Отвѣты русскаго канцлера на депеши иностранныхъ державъ. Дипломатическія ноты Франціи, Англіи и Австріи къ русскому правительству; отвѣты Горчакова. Депеши Франціи, Англіи и Австріи къ русскому канцлеру; отвѣты канцлера. Переговоры Франціи съ Пруссіею. Англійская депеша къ Горчакову, возвращеніе ея изъ Берлина. Мысли Наполеона III о созваніи конгресса. М. Н. Катковъ и его патріотизмъ 98

Продолженіе усмиренія мятежа русскими войсками. Уничтоженіе лѣсныхъ бандъ: Чаховскаго, Басака или Гауке, Хмѣленскаго и Рембайла. Поручикъ Опопріенко. Жондъ Траугута. Рѣчь Траугута. Арестъ его. Вашковскій; арестъ его и его казнь 126

Стр.

Возстаніе поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи.

Признаки революціонныхъ движеній въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Устройство школъ. Построеніе костеловъ. Основаніе музея. Безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ . . 143

Періодъ манифестацій. Манифестація въ Вильнѣ 8-го мая 1861 г. Демонстрація Виленскихъ дворянъ. Манифестація виленскихъ дворянъ на Бельмонтѣ. Манифестація на Погулянкѣ. Произнесеніе проповѣдей . . . 148

Образованіе революціонныхъ обществъ. Партія Бѣлыхъ. Партія Красныхъ. Старжинскій, Калиновскій. Планъ возстанія; несогласіе Красныхъ. Дюлоранъ. Торжество Бѣлыхъ 155

Петербургскіе польскіе революціонные кружки: кружокъ Сѣраковскаго и кружокъ Огрызки. Литературные вечера. Центральный революціонный кружокъ. Образованіе поляками русскаго революціоннаго кружка „Земля и Воля“. Герценъ и Бакунинъ. Подлевскій. Программа общества „Земля и Воля“ 164

Дѣятельность Бѣлыхъ. Призваніе Сѣраковскаго въ Литву. Планъ Сѣраковскаго о борьбѣ съ Россіею. Открытіе военныхъ дѣйствій. Плятеръ, арестъ его. Разбитіе Сѣраковскаго и его плѣнъ. Захватъ власти Красными. Провозглашеніе Константина Калиновскаго диктаторомъ. Мученическая кончина трехъ православныхъ священниковъ 176

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Характеристика М. Н. Муравьева. Біографія его. Назначеніе М. Н. Муравьева въ Вильну. Пріѣздъ его. Пріемъ сословій. Обнародованіе инструкцій. Казнь ксендза Ишоры. Ссылка Красинскаго. Казнь Сѣраковскаго. Увольненіе чиновниковъ. Судъ надъ Старжинскимъ. Очистительная присяга 188

Мнѣніе о М. Н. Муравьевѣ за границею. Прибытіе иностранныхъ корреспондентовъ въ Вильну. Подача адресовъ.

Стр.

Покушеніе на жизнь Домейки. Новыя распоряженія М. Н. Муравьева съ цѣлію скорѣйшаго подавленія мятежа. Арестованіе членовъ жонда. Арестъ Калиновскаго. Арестъ ксендза Мацкевича 210

Внутреннія преобразованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Устройство быта крестьянъ. Постройка православныхъ церквей. Преобразованіе учебныхъ заведеній. Иванъ П. Корниловъ. Мѣры противъ католическаго духовенства. Закрытіе трехъ католическихъ обществъ. Арестъ Огрызки. Отставка М. Н. Муравьева. Назначеніе Кауфмана. Корреспонденціи изъ иностранныхъ газетъ о М. Н. Муравьевѣ 229

Возстаніе поляковъ въ Царствѣ Польскомъ.

За свое первое возстаніе поляки, какъ намъ извѣстно, были сильно наказаны императоромъ Николаемъ I: у нихъ отнята была конституція, отобраны привиллегіи, и все Царство Польское въ административномъ отношеніи сравнено было съ собственною Россіею. Кромѣ этого, чтобы поляки не вздумали въ другой разъ поднять возстанія, императоръ Николай I построилъ цитадель въ Варшавѣ, какъ главномъ пунктѣ, откуда началось первое возстаніе, вооружилъ ее пушками самаго тяжелаго калибра и затѣмъ, прибывъ въ Варшаву, призвалъ въ залъ дворянскаго собранія высшую польскую аристократію и тутъ сказалъ ей: „Если вы еще разъ рѣшитесь поднять бунтъ, то я разрушу вашъ городъ до основанія и не оставлю въ немъ камня на камнѣ и при этомъ завѣряю васъ, что вашу столицу не возстановятъ ни я, ни мои наслѣдники".

И дѣйствительно, послѣ этихъ грозныхъ словъ поляки сидѣли спокойно, пока не вступилъ на русскій престолъ сынъ Николая I-го, Александръ II, при которомъ они подняли новый бунтъ.

Во время возстанія въ Варшавѣ въ 1830 году, поляки тысячами бѣжали за границу. Большинство ихъ, особенно образованныхъ, бѣжало во Францію и поселилось въ Парижѣ; къ числу послѣднихъ, между прочимъ, принадлежали три весьма даровитыхъ лица: князь Адамъ Чарторыйскій, историкъ Лелевель и калишскій

помѣщикъ Немоевскій. Проживая въ Парижѣ, эти три лица, не смотря на послѣднюю неудачу, въ первый же годъ своего пребыванія въ столицѣ Франціи задумали посредствомъ тайныхъ агентовъ поднять новое возстаніе въ Царствѣ Польскомъ.

Съ этою цѣлію въ концѣ 1831 г. Чарторыйскій, Лелевель и Немоевскій составили въ Парижѣ изъ польскихъ эмигрантовъ общество подъ названіемъ: „Польскій народный комитетъ“. Предсѣдателемъ этого общества избранъ былъ Немоевскій. Но едва появилось это общество, какъ въ немъ образовались двѣ враждебныя другъ другу партіи; одна изъ этихъ партій требовала немедленной отправки тайныхъ агентовъ въ Царство Польское для поднятія новаго возстанія, а другая, наоборотъ, хотѣла обождать, отдохнуть, собраться съ силами и средствами, и начать свои дѣйствія только тогда, когда произойдутъ какія-нибудь замѣшательства въ Европѣ, въ которыя будетъ втянута и Россія. Первая партія получила названіе „Красные“, представителемъ которой былъ историкъ Лелевель, а вторая— „Бѣлые“, представителями которой были Чарторыйскій и Немоевскій [1]). Между этими двумя партіями на общихъ собраніяхъ постоянно происходили крикъ, ссоры, а нерѣдко и драки. Дѣло, наконецъ, кончилось тѣмъ, что „Красные“ отдѣлились отъ „Бѣлыхъ“ и составили свое отдѣльное общество, которое получило названіе

---

[1]) Партія „Бѣлыхъ“ всегда отличалась умѣренностію и никогда не прибѣгала (или по крайней мѣрѣ очень рѣдко) къ крутымъ террористическимъ мѣрамъ: она хотѣла достигнуть возстановленія Польши путемъ дипломатическихъ переговоровъ и разнаго рода уступокъ. Партія „Красныхъ“, наоборотъ, всегда отличалась страшною энергіею, необузданностію и неукротимостію; для возстановленія Польши она проповѣдывала самыя крайнія средства: ядъ, кинжалъ, убійства и т. п. Къ несчастію поляковъ эта партія всегда брала перевѣсъ.

„Общество демократическое“, переименованное затѣмъ въ „Общество Централизаціи“ [1]).

Новообразовавшееся общество, какъ извѣстно, сдѣлалось впослѣдствіи главнымъ факторомъ всѣхъ революціонныхъ движеній поляковъ во всей Европѣ. На первыхъ порахъ оно не отличалось энергическимъ образомъ дѣйствій и, очень можетъ быть, долго сидѣло бы смирно, если бы къ нему не прибылъ изъ Австріи польскій эмигрантъ Заливскій.

Заливскій былъ отставной поручикъ Царства Польскаго. Въ 1830 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ возстаніи и затѣмъ бѣжалъ за границу. Человѣкъ этотъ отличался въ высшей степени безпокойнымъ и строптивымъ характеромъ; онъ не могъ ни съ кѣмъ ужиться: постоянно шумѣлъ, кричалъ, ссорился и дрался; „впустить этого человѣка куда-нибудь“, говоритъ Бергъ въ своихъ запискахъ О польскихъ заграхъ и возстаніяхъ [2]) „и дать ему волю—это значило все разрушить“; Заливскій, „говоритъ другой писатель“, „въ первый день революціи незамѣнимый человѣкъ, а во второй—его нужно повѣсить“. Но несмотря на это, Демократическое общество встрѣтило Заливскаго съ распростертыми объятіями; въ честь его устроило обѣдъ, на которомъ Лелевель сказалъ блестящую рѣчь, въ которой назвалъ Заливскаго великимъ человѣкомъ, вторымъ Наполеономъ и будущимъ возстановителемъ Польши, а въ заключеніе вручилъ ему отъ имени всѣхъ членовъ общества какой-то священный мечъ.

Съ прибытіемъ Заливскаго дѣятельность Демократическаго общества въ самомъ дѣлѣ закипѣла: то и

---

[1]) См. „Воспоминанія Руфина Піотровскаго“ Познань 1860 г.; отрывки есть и на русскомъ языкѣ и см. Русскій архивъ 1870 г.

[2]) Записки Берга помѣщены въ Русскомъ архивѣ за 1873 г. Есть и отдѣльною книгою.

дѣло происходили засѣданія, на которыхъ больше всѣхъ ораторствовалъ Заливскій. На одномъ изъ такихъ засѣданій, бывшемъ въ концѣ 1832 года, по настоянію Заливскаго, между прочимъ положено было немедленно отправить въ Царство Польское тайныхъ агентовъ или эмиссаровъ, чтобы подговорить поляковъ къ новому возстанію, а на другомъ—выработанъ былъ и самый планъ борьбы съ Россіею [1]).

Въ началѣ марта 1833 года десятка полтора тайныхъ агентовъ Демократическаго общества дѣйствительно выѣхали, какъ положено было, изъ Парижа, а въ концѣ марта голодные, оборванные, изнуренные долгимъ путешествіемъ (большую часть пути они, по неимѣнію денегъ, шли пѣшкомъ и питались Христовымъ именемъ) перебрались въ Царство Польское. Но возстанія имъ, конечно, не пришлось поднять: всѣ они скоро были схвачены и получили должное наказаніе. Дѣло вотъ въ чемъ:

Въ это время въ качествѣ намѣстника управлялъ Царствомъ Польскимъ графъ Паскевичъ-Эриванскій. Правленіе его, какъ извѣстно, отличалось твердостью, систематичностью и въ высшей степени честностью и правдивостью; онъ не давалъ пощады никому, если кто уклонялся отъ исполненія своего долга и своихъ обязанностей, и безпощаденъ былъ къ крамольникамъ и всякаго рода заговорщикамъ. И вотъ когда были схвачены вышеозначенные агенты Демократическаго общества, то Паскевичъ скоро съ ними раздѣлался: большинство ихъ были повѣшены, а остальные разстрѣляны, и только пяти человѣкамъ дарована жизнь, но за то ихъ прогнали сквозь строй, дали имъ по 1000 палокъ въ спину и затѣмъ отправили въ Сибирь, въ каторжныя работы на вѣчныя времена.

[1]) Смотри „Записки“—Берга, 1873 г.

Такъ трагически кончили свою жизнь эмиссары Заливскаго, какъ ихъ обыкновенно называютъ. Вмѣстѣ съ этимъ окончилась и дѣятельность самого Заливскаго: въ это самое время онъ былъ пойманъ въ Австріи, въ Галиціи, куда прибылъ съ цѣлію подбить тамошнихъ помѣщиковъ противъ Россіи. Австрійцы заковали Заливскаго въ цѣпи и бросили въ тюрьму; тамъ онъ просидѣлъ 15 лѣтъ и, выпущенныйна свободу, скоро умеръ.

Гибель эмиссаровъ Заливскаго и арестъ его самого произвели сильное впечатлѣніе на польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ: партія Бѣлыхъ съ ожесточеніемъ напала на партію Красныхъ, стала называть членовъ ея безумными, съумашедшими за то, что они, не соображаясь ни со средствами, ни съ обстоятельствами политическими, безъ всякаго разсужденія, смысла и толка, вздумали поднять возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и начать новую борьбу съ Россіей [1]).

Но ни гибель эмиссаровъ Заливскаго, ни укоры партіи Бѣлыхъ не образумили Красныхъ: на одномъ изъ своихъ засѣданій они опять рѣшили послать въ Царство Польское тайныхъ агентовъ съ тою же цѣлію, съ какою посылаемы были эмиссары Заливскаго. Но только долго не могли подыскать пригодныхъ для этого дѣла лицъ, такъ какъ всѣ, кому только ни предлагали они, отказывались отъ этой чести, а нѣкоторые прямо заявляли, что пока Царствомъ Польскимъ управляетъ Паскевичъ, туда идти страшно: „живъ не вернешься“. Наконецъ нашелся человѣкъ, который согласился на предложеніе Демократическаго общества отправиться въ Польшу; человѣкъ этотъ былъ отставной капитанъ Царства Польскаго, Симонъ Канарскій, который, подобно другимъ своимъ соотечественникамъ-по-

[1]) См. сочиненіе Барковскаго „Экспедиція Партизановъ въ 1833 г.“

лякамъ, въ 1831 году эмигрировалъ за границу. Канарскій былъ человѣкъ очень умный, но, подобно Заливскому, отличался безпокойнымъ характеромъ, а по смѣлости стоялъ далеко выше его.

Послѣ бѣгства изъ Россіи Канарскій большею частію проживалъ въ Италіи, гдѣ изъ-за куска хлѣба принималъ участіе въ разнаго рода возстаніяхъ.

Отправляясь въ Россію, Канарскій далъ слово Демократическому обществу составить въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ множество тайныхъ революціонныхъ кружковъ, опираясь на которые, оно могло бы произвесть возстаніе. Но и эта миссія кончилась весьма печально: весною 1838 года. Канарскій былъ пойманъ недалеко отъ Минска, а 15 февраля 1839 года, въ 12 часовъ дня, при огромномъ стеченіи народа, въ Вильнѣ, за троекою заставой, былъ повѣшенъ [1]).

Ошеломленные казнію Канарскаго, члены Демократическаго общества въ Парижѣ цѣлыхъ пять лѣтъ сидѣли тихо и спокойно. Но вотъ въ 1844 году, въ предсѣдатели общества избранъ былъ нѣкто Людовикъ Мирославскій и работа снова закипѣла, даже съ большею силою, чѣмъ въ предыдущіе годы, такъ какъ Мирославскій былъ несравненно умнѣе и энергичнѣе, чѣмъ его предшественники: Заливскій и Канарскій.

Мирославскій родился въ 1813 г. во Франціи; отецъ его былъ русскій полякъ, а мать француженка. Воспитаніе онъ получилъ въ Россіи, именно въ калишскомъ кадетскомъ корпусѣ. По окончаніи курса ученія поступилъ въ польское войско и дослужился до чина поручика. Въ 1830 году принималъ дѣятельное участіе въ возстаніи въ Варшавѣ и затѣмъ, вмѣстѣ съ другими, бѣжалъ за границу.

---

[1]) Русскій архивъ 1873 г. Записки Берга.

Сдѣлавшись предсѣдателемъ Демократическаго общества, Мирославскій на первомъ же засѣданіи предложилъ членамъ собранія такого рода грандіозный планъ возстановленія погибшей Польши: немедленно послать агентовъ не только въ Россію, но и въ Австрію и Пруссію, именно въ тѣ области этихъ государствъ, которыя населены поляками, и при этомъ поручить тайнымъ агентамъ, чтобы они въ поселившихся областяхъ образовали революціонные кружки, которые бы подчинили своему вліянію все остальное польское населеніе,— а затѣмъ, опираясь на эти кружки, одновременно произвести возстаніе во всѣхъ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Въ началѣ лѣта 1845 года агенты Демократическаго общества въ самомъ дѣлѣ отправлены были по назначенію, и имъ дѣйствительно до нѣкоторой степени удалось исполнить порученіе своего общества, по крайней мѣрѣ они въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ образовали тайныя революціонныя общества. За всѣмъ этимъ наблюдалъ самъ Людовикъ Мирославскій: онъ какъ буря носился изъ Парижа въ Россію, изъ Россіи въ Австрію, изъ Австріи въ Пруссію.

Въ концѣ декабря 1845 г., въ праздникъ Рождества Христова, Мирославскій прибылъ въ вольный городъ Краковъ [1]), куда, по его требованію, прибыли и представители кружковъ, созданныхъ эмиссарами Демократическаго общества. На этомъ съѣздѣ, 6 января 1846 года, положено было: всѣмъ представителямъ кружковъ немедленно вернуться назадъ къ своимъ мѣстамъ, а затѣмъ въ полночь съ 9 на 10 февраля произвести возстаніе. Самъ Мирославскій взялъ на себя трудъ

[1]) По Вѣнскому конгрессу въ 1815 году, Краковъ (бывшая древняя столица Польши) сдѣланъ вольнымъ городомъ, т. е. непринадлежащимъ ни одному изъ европейскихъ государствъ.

поднять возстаніе въ Познани (въ Пруссіи). Въ предѣлахъ Россіи дѣло это поручено было двумъ лицамъ: на Волыни—помѣщику Домбровскому, а въ Царствѣ Польскомъ—помѣщику Потоцкому. Первый, по плану Мирославскаго, долженъ былъ взять крѣпость Иванъ-городъ, а второй—г. Сѣдлецъ.

Но и этотъ заговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, окончился скандальнымъ образомъ; въ Познани Мирославскій самъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму; Домбровскаго отговорила жена [1]), а Потоцкаго выдали русскому правительству собственные крестьяне [2]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* Домбровскій былъ очень богатый человѣкъ, имѣлъ большія имѣнія въ Россіи и Пруссіи. Онъ никогда не помышлялъ о возстаніи, но его принудили къ тому агенты Мирославскаго угрозою лишить жизни.

Крѣпость Иванъ-городъ, которою долженъ былъ овладѣть Домбровскій, только что была отстроена и вооружена пушками весьма тяжелаго калибра; взять ее трудно было 25-ти тысячной арміи, а между тѣмъ Домбровскій думалъ овладѣть ею при помощи только 5 человѣкъ. Правда, это смѣшно, даже трудно повѣрить, чтобы у Домбровскаго явилась мысль съ 5-ю человѣками напасть на крѣпость Иванъ-городъ; тѣмъ не менѣе это фактъ.

Наканунѣ 10-го Февраля Домбровскій дѣйствительно прибылъ съ 5-ю своими сообщниками въ мѣстечко Куфлёвъ, Люблинской губерніи, чтобы оттуда произвесть нападеніе на крѣпость Иванъ-городъ. Но передъ самымъ выступленіемъ для нападенія на крѣпость, въ ту квартиру, гдѣ онъ расположился со своими сообщниками, прибыла жена его. Войдя въ комнату, она схватила мужа за руку и произнесла: „Безумные! куда вы, очертя голову, идете? Гдѣ у васъ средства и силы? подумайте, развѣ можно 5 человѣкамъ взять первоклассную крѣпость? Бросьте ваше дѣло!“ Стоявшій тутъ Гружецкій, сообщникъ Домбровскаго, схватилъ было пистолетъ и хотѣлъ убить самого Домбровскаго, полагая, что онъ нарочно вызвалъ жену; но жена стала между мужемъ и имъ, Гружецкій опустилъ оружіе. Дѣло кончилось тѣмъ, что Домбровскаго увезла жена, а его сообщники бѣжали, при чемъ каждый изъ нихъ получилъ отъ жены Домбровскаго по небольшой суммѣ денегъ, такъ какъ у нихъ не было ни копѣйки, и имъ не съ чѣмъ было выѣхать изъ мѣстечка Куфлёва.

[2]) Потоцкій, впрочемъ, до выдачи его русскому правительству, сдѣлалъ нападеніе на г. Сѣдлецъ, но только весьма неудачное.

5 марта въ 3 часа дня, его повѣсили въ г. Сѣдлецѣ, а его тремъ друзьямъ дали по 1000 палокъ въ спину и сослали въ каторгу.

Примѣчаніе. Нападеніе Потоцкаго на г. Сѣдлецъ составляетъ также въ высшей степени курьезный фактъ, подробности котораго тоже безъ смѣху нельзя читать. Вотъ эти подробности, которыя мы беремъ изъ записокъ Берга... Но прежде всего мы должны замѣтить, что г. Сѣдлецъ, на который думалъ напасть Потоцкій, имѣлъ болѣе 10,000 ч. жителей, нѣсколько баталіоновъ войска, подъ начальствомъ генерала Ладыженскаго, и сильный артиллерійскій паркъ.

9 февраля (наканунѣ нападенія) къ Потоцкому въ его имѣніе Цысь, отстоявшее отъ г. Сѣдлеца въ 10 верстахъ, прибыли три его сообщника—Жарскій, Коцишевскій и Литынскій. Тутъ составленъ былъ планъ нападенія. Прежде всего положено было ударить на гауптвахту, перебить солдатъ и ихъ ружья раздать тѣмъ полякамъ, которые пристанутъ къ нападающимъ въ городѣ. (Потоцкій думалъ, что какъ только раздадутся выстрѣлы, жители города высыплютъ на улицу и, увидѣвъ въ чемъ дѣло, станутъ на его сторону); затѣмъ, захвативъ въ уѣздномъ казначействѣ и въ провіантской комиссіи деньги (которыхъ считали болѣе милліона). идти въ собраніе, гдѣ долженъ быть балъ (дѣло было на масляной), перебить тамъ всѣхъ русскихъ, въ числѣ ихъ ненавистнаго всѣмъ начальника уѣзда Гинча и арестовать начальника войска Ладыженскаго, при чемъ вынудить у него приказаніе войскамъ, какое будетъ имъ нужно; потомъ: съ тѣми, кто присоединится въ собраніи, идти и освободить арестантовъ, снабдить ихъ оружіемъ, а далѣе — дѣйствовать по усмотрѣнію.

Составляя планъ нападенія на городъ, заговорщики не могли не видѣть, что выполнить его съ 4-мя человѣками невозможно и что, слѣдовательно, необходимо увеличить свои силы. Положили привлечь мужиковъ, для чего и пригласили ихъ въ комнаты Потоцкаго, стали давать имъ деньги и поить водкой. Но большинство угощаемыхъ наотрѣзъ отказалось слѣдовать за панами и заявило: „не пойдемъ, бунтовать не будемъ!“ Нашлось только 10 человѣкъ, которые, напившись пьяными, начали плакать и заявлять, что готовы идти со своими панами и въ огонь и въ воду. Ихъ отдѣлили. Потоцкій произнесъ имъ рѣчь, которая заканчивалась словами: „И такъ, сегодня Польша подымается, какъ одинъ человѣкъ, и мы съ вею!“ Коцишевскій же прочелъ прокламацію, которой, впрочемъ, мужики, будучи сильно пьяными, не поняли.

Было 12 часовъ ночи. Мужиковъ усадили въ четверо саней, и поѣздъ тронулся. Потоцкій, какъ предводитель, ѣхалъ впереди. Литынскій и Жарскій сидѣли на саняхъ съ мужиками, которыхъ

при отправленіи оказалось девять человѣкъ (одинъ исчезъ неизвѣстно куда). Коцишевскій ѣхалъ верхомъ сзади и наблюдалъ за тѣмъ, какъ бы кто-либо изъ мужиковъ не вздумалъ бѣжать. Но несмотря на такую предусмотрительность, лишь только поѣздъ очутился въ лѣсу, двое мужиковъ тихонько свалились въ кусты, и давай Богъ ноги.

Съ остальными семью Потоцкій и трое его пріятелей прибыли къ Варшавской заставѣ г. Сѣдлецъ во второмъ часу ночи (слѣдовало пріѣхать скорѣе, но они попали не на ту дорогу и долго блуждали). Оставивъ лошадей подъ присмотромъ кучера въ полѣ, они сами пошли по тихимъ и темнымъ улицамъ, толкуя о томъ, какъ и съ чего начать нападеніе.

Поспоривъ немного съ Жарскимъ, который находилъ болѣе выгоднымъ аттаковать прежде собраніе, а потомъ гауптвахту, Потоцкій настоялъ, чтобы отъ плана нисколько не отступали, и повелъ свою команду къ гауптвахтѣ, отстоявшей отъ заставы почти на 400 саженъ.

На платформѣ бродилъ чуть видимый во мракѣ часовой, слабо озаряемый близъ висѣвшимъ фонаремъ. Подойдя къ нему внезапно и уставя въ упоръ ружье, Потоцкій сказалъ: „кричи пардонъ!“ Но часовой, вмѣсто всякаго отвѣта, спустилъ на руку ружье. Тогда Коцишевскій, бросившись съ другой стороны, ударилъ его въ бокъ кинжаломъ; солдатъ упалъ, застонавъ. Потоцкій взялъ его ружье и отдалъ одному изъ мужиковъ, которые во всё время держались боязливо, поодаль. Происшедшій на платформѣ шумъ и стоны раненнаго солдата, разбудили часть команды; двери отворились, и оттуда выглянуло нѣсколько головъ. Потоцкій закричалъ: „клади ружья, клади ружья!“ хотя никакихъ ружей не было видно, и съ этими словами выстрѣлилъ въ дверь и ранилъ солдата. Потомъ кто-то изъ его людей пустилъ два-три выстрѣла въ окна, послѣ чего всѣ побѣжали къ казначейству, которое было недалеко. Тамъ вышла точно такая же исторія: ранены часовой и солдатъ; послѣдній выстрѣломъ, пущеннымъ въ окно. Потоцкій опять кричалъ: „клади ружья!“ Разумѣется, нападающіе ожидали помощи, но ея ни откуда не являлось. Улицы были тихи. Только немного погодя, раздался звонъ какихъ-то шпоръ: это шёлъ жандармъ, посланный уѣзднымъ начальникомъ изъ Собранія узнать, гдѣ и кто стрѣляетъ? Едва люди Потоцкаго его увидѣли, какъ грянуло нѣсколько выстрѣловъ, изъ которыхъ одинъ сбилъ жандарма съ ногъ. Сочтя его убитымъ, Потоцкій съ командою пошелъ поспѣшно въ собраніе. Мужики опять держались поодаль.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ, не смотря на позднее время. Многіе изъ находившихся тамъ поляковъ поджидали Потоцкаго, но только не съ семью человѣками его собственныхъ крестьянъ.

возстанія не было. Правда, въ Галиціи поднялись было

Вдругъ грянули выстрѣлы. Дамы бросились въ заднія комнаты. Съ иными сдѣлалось дурно. Мужчины, подбѣжавъ къ нимъ, сказали: „не бойтесь—это наши!"

Одинъ выстрѣлъ ранилъ жандармскаго унтеръ-офицера, а другимъ служителя при шинеляхъ. Потоцкій кричалъ: „кто полякъ—къ оружію и соединяйся съ нами!" Но и здѣсь никто не шелъ. Уѣздный начальникъ Гинчъ выскочилъ на крыльцо посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Потоцкій узнавъ его, подбѣжалъ и, уперши пистолетъ въ самую грудь, спустилъ курокъ. По счастію произошла осѣчка. Въ дверяхъ стали показываться военные... Видя, что дѣло плохо, заговорщики бѣжали въ разсыпную по Флоріанской улицѣ, къ Збучинской заставѣ. Впрочемъ Гинчъ захватилъ двухъ мужиковъ.

Проблуждавъ цѣлый день, 11 февраля, по лѣсамъ, Потоцкій, Жарскій и Коцишевскій очутились къ вечеру въ д. Млынки (21 верста отъ Сѣдлеца), гдѣ наняли подводу до Мелехова; но доѣхавъ до д. Жебрака (отъ Млынокъ 4 версты), бросили ее и пошли пѣшкомъ. Въ 11-мъ часу ночи они добрели до дер. Новаки (отъ Жебрака 8 верстъ) и постучались въ одной крестьянской избѣ, прося пустить ихъ переночевать. Хозяинъ пустить пустилъ, но со страху бѣжалъ куда-то, а жена его изготовила гостямъ яичницу. Это была первая ихъ пища послѣ того, какъ они оставили Цысь. Изъ Новакъ Жарскій и Коцишевскій перебрались въ дер. Пирогъ (отъ Новакъ 3 версты), принадлежавшую матери Потоцкаго, къ крестьянину Пессеку, а самъ Потоцкій попалъ на мельницу той же деревни, называвшуюся Деркачъ. Мельникъ Яворскій, узнавъ барина и догадавшись, что заставило его искать пріюта на мельницѣ въ такую пору (слухи о затѣяхъ пановъ проникли во всѣ села и деревни), перепугался и далъ знать въ Цысь тамошнему солтысу; тотъ явился съ мужиками и арестовалъ своего помѣщика.

Между тѣмъ Жарскій и Коцишевскій, отдыхая у Пессека, своими разговорами внушили подозрѣніе крестьянину, который, сочтя ихъ за недобрыхъ людей, собралъ 9 человѣкъ мужиковъ, но не рѣшился съ ними идти на двухъ вооруженныхъ лицъ и побѣжалъ въ ближайшую деревню къ эконому Фридриховичу за народомъ. Фридриховичъ сказалъ, что у него весь народъ пьянъ, не кого дать. „А ты покарауль бунтовщиковъ, сказалъ онъ затѣмъ, я смахаю въ городъ и возьму оттуда казаковъ!" сѣлъ верхомъ и, проскакавъ 16 верстъ въ $^3/_4$ часа, явился къ уѣздному начальнику, и тотъ далъ казаковъ; но когда они прибыли въ Пирогъ, Жарскій и Коцишевскій были уже связаны тамошними мужиками, при помощи трехъ, пришедшихъ изъ Котуни. (Записки Берга стр. 88 и 89-я).

польскіе помѣщики, но ихъ скоро усмирили собственные крестьяне, которыхъ подбилъ къ этому тогдашній австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Меттерних ъ [1]). Въ это время, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, галицкіе крестьяне вырѣзали 800 польскихъ панскихъ семействъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣдняя неудача удручающимъ образомъ подѣйствовала на членовъ Демократическаго общества; она ошеломила ихъ гораздо болѣе, чѣмъ казнь Канарскаго; самые рьяные члены этого общества опустили головы и пріуныли; всѣ видѣли, что дѣло проиграно, и что теперь долго нельзя будетъ начинать новыхъ дѣйствій.

Между тѣмъ въ концѣ 1848 года въ Парижѣ снова явился Людовикъ Мирославскій [2]), который опять началъ говорить пламенныя патріотическія рѣчи и снова сталъ подбивать членовъ Демократическаго общества къ поднятію возстанія въ Россіи, Австріи и Пруссіи. Но на этотъ разъ никто не обратилъ вниманія на его рѣчи, всѣ остались глухи къ его словамъ; теперь онъ не нашелъ сочувствія въ самыхъ преданныхъ и искреннихъ друзьяхъ своихъ.

Оскорбленный такимъ равнодушіемъ, Мирославскій бросилъ Демократическое общество, потомъ скоро покинулъ и Парижъ, и отправился странствовать по Европѣ, ища себѣ мѣста, гдѣ бы приклонить свою голову. Въ это время онъ побывалъ въ Баденѣ, Австріи, Швей-

---

[1]) Разсказываютъ: когда Меттерниху донесли, что въ Галиціи волнуются польскіе паны, то онъ на это сказалъ: „я усмирю бунтовщиковъ, не потерявъ ни одного солдата, не истративъ ни одного гульдена“. Такъ и было: онъ, какъ мы сейчасъ сказали, подбилъ крестьянъ, а тѣ перерѣзали пановъ.

[2]) Мирославскій, арестованный нѣмцами, два года просидѣлъ въ Берлинской тюрьмѣ; его даже приговорили къ смертной казни, но наканунѣ казни онъ былъ освобожденъ толпою прусскихъ революціонеровъ.

царіи и Италіи; въ послѣдней онъ подружился съ народнымъ италіанскимъ героемъ Гарибальди и принималъ участіе въ неаполитанскомъ походѣ; наконецъ остановился въ Генуѣ, гдѣ при помощи друзей основалъ военную школу для польскихъ эмигрантовъ, и самъ въ ней читалъ лекціи.

Такъ протекло болѣе 10 лѣтъ. Поляки сидѣли смирно; члены Демократическаго общества дремали, такъ сказать, отъ бездѣлья.

Но вотъ въ Италіи произошли событія, которыя сильно подѣйствовали на горячія головы польскихъ эмигрантовъ, а особенно на членовъ Демократическаго общества и самого Мирославскаго, и возбудили надежду на возстановленіе Польши, покрайней мѣрѣ изъ тѣхъ областей, которыя находятся подъ властію Россіи. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ концѣ 50 годовъ между мелкими италіанскими государствами обнаружилось стремленіе къ объединенію въ одно политическое тѣло. Благодаря предводителю италіанскихъ волонтеровъ Гарибальди и французскому императору Наполеону III, стремленія эти отчасти дѣйствительно осуществились; но при этомъ, какъ извѣстно, Австрія поплатилась Ломбардіей (сѣверная часть Италіи, орошаемая системою р. По): она должна была уступить ее сардинскому королю, Виктору-Эммануилу (отцу нынѣшняго короля Италіи Гумберта). Поляки, между прочимъ, увлеклись этимъ примѣромъ и рѣшились поднять возстаніе противъ Россіи, разсчитывая при этомъ на помощь Гарибальди, какъ друга Мирославскаго и Наполеона III, который помогъ Ломбардіи отдѣлиться отъ Австріи, и теперь, чтобы по-

вредить Россіи, дѣйствительно началъ ласкать поляковъ въ Парижѣ и подавать имъ нѣкоторыя надежды [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ Людовикъ Мирославскій въ концѣ 1859 года покинулъ свою школу и уѣхалъ изъ Генуи въ Парижъ, гдѣ принятъ былъ съ большимъ почетомъ, и снова сдѣлался душою Демократическаго общества.

Разсчитывая на помощь французскаго императора и италіанцевъ, Демократическое общество, по приказанію Мировскаго, которому уже теперь никто не противорѣчилъ, въ началѣ 1860 года отправило въ царство Польское своихъ тайныхъ агентовъ, чтобы образовать тамъ революціонные кружки.

Агенты, прибывъ въ Царство Польское, нашли тамъ уже достаточно подготовленную почву для своего дѣла. Дѣло вотъ въ чемъ:

20 января 1856 года, въ 9 часовъ утра, скончался намѣстникъ Царства Польскаго Паскевичъ-Эриванскій, гроза и ужасъ всѣхъ крамольниковъ и революціонеровъ [2]); мѣсто его занялъ кроткій, добродушный и, нужно прибавить, менѣе энергичный, чѣмъ Паскевичъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ. Поляки сразу это почувствовали, они поняли, что русское правительство желаетъ измѣнить систему правленія въ Царствѣ Польскомъ и сдѣлаетъ полякамъ уступки.

---

[1]) Больше всѣхъ ласкалъ поляковъ и подбивалъ ихъ къ возстанію двоюродный братъ императора Наполеона III-го, принцъ Наполеонъ.

[2]) Заграничныя польскія газеты представляютъ правленіе Паскевича въ самомъ черномъ свѣтѣ, но это рѣшительно несправедливо: безпристрастные нѣмецкіе, французскіе и англійскіе печатные органы говорятъ совершенно иное. По сообщеніямъ этихъ послѣднихъ, Паскевичъ далеко двинулъ впередъ народонаселеніе Царства Польскаго въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ; при немъ, передаютъ они, значительно уменьшилось число

И дѣйствительно такъ было: государь императоръ, Александръ Николаевичъ, отличаясь, какъ извѣстно, необыкновенною добротою сердца и пламеннымъ желаніемъ свободы и счастья своимъ подданнымъ, думалъ многое сдѣлать въ этомъ отношеніи и для поляковъ; онъ это и высказалъ польскому дворянству 14 мая 1856 г., во время пребыванія своего въ Варшавѣ, и какъ признакъ сего, тогда же подписалъ амнистію всѣмъ полякамъ, осужденнымъ за политическія преступленія.

Но, къ сожалѣнію, добрыя и благородныя дѣйствія русскаго царя поляки приняли за слабость и боязнь передъ западными державами [1]) и потому, послѣ амнистіи, пришли въ движеніе и немедленно приступили къ составленію разнаго рода тайныхъ обществъ; особенную энергію въ этомъ дѣлѣ проявили лица, возвратившіяся, вслѣдствіе амнистіи, изъ-за границы и Сибири [2]).

преступленій, простой народъ избавился отъ нищенства и значительно поправился.

Самая Варшава, по свидѣтельству современниковъ, при Паскевичѣ сильно измѣнилась къ лучшему: изъ грязнаго города она превратилась въ опрятную европейскую столицу, снабжена была водою, тротуарами, фонарями и т. п. См. записки Берга, 1883 г., и Западный Вѣстникъ 1864 г., мѣсяцъ іюль.

[1]) Такъ какъ все это случилось сейчасъ послѣ парижскаго мира, то поляки тогда во всеуслышаніе заговорили, что всѣ милости русскаго царя дѣлаются по приказанію Наполеона III и Англіи.

[2]) Недавно одинъ весьма образованный и почтенный полякъ передавалъ мнѣ слѣдующее: „Государь императоръ Александръ II находился въ Варшавѣ въ 1856 году, въ маѣ, при мнѣ; я тамъ былъ въ это время и, слѣдовательно, все слышалъ и все видѣлъ самъ. Мы, поляки, говорилъ мнѣ мой собесѣдникъ, какъ извѣстно, всегда отличались мечтательностью и увлекались несбыточными планами, если только это касалось Польши; такъ и на этотъ разъ было: незадолго до пріѣзда императора Александра II въ Варшаву, кто-то распустилъ молву, что императоръ по пріѣздѣ въ этотъ городъ коронуется польскою короною; это, конечно, была нелѣпость, но ей всѣ повѣрили, и вслѣдствіе этого императору

Прежде всего образовались общества въ Варшавѣ. Первое общество образовано было въ октябрѣ 1857 г. Оно извѣстно было подъ именемъ „Общества Юргенса“, такъ какъ основателемъ его былъ студентъ Дерптскаго университета Эдуардъ Юргенсъ [1]).

Второе общество образовано было польскими помѣщиками 12 ноября 1857 года и носило названіе „Земледѣльческаго общества“. Въ этомъ обществѣ участвовали всѣ Варшавскіе аристократы. Предсѣдателемъ этого общества былъ графъ Андрей Замойскій. Общество это утверждено было правительствомъ, не знавшимъ его тайныхъ цѣлей, а явная цѣль его состояла въ поддержаніи упадавшаго въ Царствѣ Польскомъ земледѣлія.

сдѣланъ былъ восторженный пріемъ. Между тѣмъ молва эта, какъ нужно полагать, сдѣлалась извѣстною и самому государю, и потому онъ 14 мая, говоря рѣчь къ дворянству, два раза повторилъ фразу: „Point de rêveries, point de rêveries“. (Отбросьте всякія мечтанія). Это былъ чанъ холодной воды на горячія головы поляковъ. Послѣ этого они повѣсили головы. И мнѣ кажется, заключилъ мой собесѣдникъ, это разочарованіе было главною причиною движенія поляковъ и составленія ими тайныхъ обществъ. По крайней мѣрѣ Земледѣльческое общество явилось на свѣтъ Божій вслѣдствіе вышеупомянутой фразы государя императора; наши аристократы думали такъ: Государь добровольно не желаетъ признать нашего отечества свободнымъ, такъ мы сами добьемся этого силою.

[1]) Общество это существовало до февраля 1863 г.; но въ теченіе этого времени (т. е. съ октября 1857 до февраля 1863 г.) составъ его членовъ постоянно измѣнялся; само названіе его измѣнялось шесть разъ, именно:

I. Дирекція Бѣлыхъ перваго состава.
II. Дирекція Бѣлыхъ второго состава.
III. Дирекція Бѣлыхъ третьяго состава.
IV. Дирекція Бѣлыхъ четвертаго состава.
V. Дирекція Бѣлыхъ пятаго состава.
VI. Дирекція Бѣлыхъ шестого состава.

Послѣднее названіе общество Юргенса получило въ декабрѣ 1862 г. Затѣмъ оно было уничтожено, такъ какъ главный дѣятель Юргенсъ былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ
Духовныхъ

Третье общество образовано было въ 1858 году отставнымъ поручикомъ уланскаго полка, Наркисомъ Янковскимъ и другомъ его, послушникомъ монастыря піаровъ, Иваномъ Кржиною; общество это носило названіе „Тайнаго академическаго кружка“ [1]).

Четвертое общество основано было въ 1859 году студентомъ Варшавской медицинской академіи, Карломъ Маевскимъ и называлось „Конспираціоннымъ академическимъ обществомъ.“ Общество это имѣло огромное вліяніе на обывателей Варшавы; оно выпустило цѣлыя тысячи разнаго рода революціонныхъ брошюръ. Особенно замѣчательна была брошюра „Народъ, проснись!“ Общество это имѣло тѣсную связь съ Демократическимъ обществомъ въ Парижѣ и постоянно сносилось съ этимъ послѣднимъ.

Словомъ, послѣ смерти грознаго и энергичнаго Паскевича и упомянутой выше амнистіи, среди поляковъ образовалось множество тайныхъ обществъ. Цѣль ихъ была одна и та же: возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Но средства, предлагаемыя этими обществами для достиженія цѣли, были неодинаковы: одни общества предлагали пустить въ ходъ всѣ законныя и незаконныя средства: ядъ, кинжалъ, убійства, поджогъ, грабежъ, ложь, обманъ, воровство и т. п., и при этомъ считали необходимымъ немедленно приступить къ революціоннымъ дѣйствіямъ,—это были обще-

---

[1]) Это общество существовало тоже недолго: вслѣдствіе ареста Янковскаго и Кржины, оно, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1859 года, распалось.

Примѣчаніе. Впрочемъ Янковскій и Кржина вскорѣ были освобождены изъ-подъ ареста и бѣжали въ Парижъ. Въ 1862 г. они снова явились въ Царствѣ Польскомъ и принимали дѣятельное участіе въ мятежѣ. Янковскій опять былъ пойманъ и сосланъ въ каторжныя работы, а Кржина бѣжалъ въ Швейцарію, въ Цюрихъ, гдѣ потомъ убитъ былъ на дуэли.

ства партіи Красныхъ; другія—наоборотъ: желали не спѣшить съ этимъ дѣломъ, ждать благопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ въ Западной Европѣ и рѣшительно возставали противъ террорическихъ мѣръ, предлагая дѣйствовать путемъ переговоровъ, путемъ дипломатическимъ,—это были общества партіи Бѣлыхъ. Къ первой категоріи, т. е. къ партіи Красныхъ, можно отнести общества Янковскаго и Карла Маевскаго, а ко второй категоріи, т. е. къ партіи Бѣлыхъ—общество Юргенса и Земледѣльческое [1]).

Такимъ образомъ въ правленіе князя Горчакова въ Царствѣ Польскомъ началось сильное движеніе среди поляковъ; всѣ революціонные элементы закопошились и засуетились. Словомъ, работа началась, нужно было только объединить все это, нужно было одному человѣку стать во главѣ всего этого движенія. Таковымъ явился Мирославскій. Правда, самъ лично онъ не присутствовалъ въ Царствѣ Польскомъ, по прежнему продолжая жить въ Парижѣ и предсѣдательствовать въ Демократическомъ обществѣ, но за то агенты его постоянно наѣзжали сюда, черезъ нихъ онъ и дѣйствовалъ.

Первые агенты Мирославскаго, отправленные Демократическимъ обществомъ въ 1860 г., прибыли въ Варшаву въ концѣ апрѣля.

Самымъ энергичнымъ и самымъ выдающимся по своимъ способностямъ изъ числа агентовъ Мирославскаго, прибывшихъ въ Варшаву, былъ нѣкто Францъ Годлевскій, который привезъ съ собою и инструкціи Мирославскаго относительно способа веденія на первыхъ по-

---

[1]) О революціонныхъ обществахъ, существовавшихъ въ Варшавѣ во время послѣдняго мятежа, см. соч. М. П. Устимовича: „Заговоры и покушеніе на жизнь Берга". 1870 г. и сочиненіе П. Пв. Павлищева „Семмицы Польскаго мятежа 1861—1863 г." часть II, 1887 г.

рахъ дѣла революціи въ Царствѣ Польскомъ. Годлевскій, по прибытіи въ Варшаву, немедленно приступилъ къ составленію своего тайнаго революціоннаго общества. Къ концу мая общество это было готово и получило названіе „Общества Годлевскаго.“ Въ составъ этого общества вошли ученики Варшавской художественной школы и большинство праздношатающейся городской молодежи. Затѣмъ къ обществу этому примкнулъ кружокъ Карла Маевскаго или „Конспиративное академическое общество.“

Предсѣдателемъ этого общества былъ Годлевскій, а главными помощниками — Карлъ Маевскій и Карлъ Новаковскій [1]).

Общество это сначала занялось выпускомъ прокламацій и разнаго рода плакатовъ, а потомъ приступило, какъ положено было по инструкціи Мирославскаго, къ устройству революціонныхъ демонстрацій, уличныхъ манифестацій и кошачьихъ концертовъ.

Варшавскія демонстраціи на первыхъ порахъ состояли въ пѣніи патріотическихъ гимновъ, совершеніи процессій, собраніи многочисленныхъ сходокъ на улицахъ и площадяхъ г. Варшавы, кощунствѣ и оскорбленіи словами и дѣйствіями всего русскаго и православнаго.

Первая манифестація съ демонстративною цѣлью устроена была, по распоряженію Годлевскаго, 17 ноября 1860 года. Въ этотъ день въ Варшавѣ, по улицѣ Лешнѣ, около статуи Богоматери, недалеко отъ костела кармелитовъ, въ 7 часовъ вечера собралась громадная толпа и, по предложенію Карла Новаковскаго, чело-

---

[1]) Годлевскій убитъ въ бандѣ, а Маевскій и Новаковскій сосланы въ Сибирь.

вѣка громаднаго роста и атлетической силы, пропѣла революціонный гимнъ: „Боже! Который Польшу столько вѣковъ окружалъ сіяніемъ могущества и славы“... [1])

Послѣ этого, манифестаціи въ Варшавѣ стали повторяться все чаще и чаще. Въ 1861 году онѣ усилились. Въ началѣ этого года произошли двѣ особенно замѣчательныя манифестаціи: 25 и 27 февраля.

25 февраля, въ понедѣльникъ, въ день годовщины Гроховской битвы [2]), въ Варшавѣ, на площади, называемой „Старый Базаръ“, собралась необозримая толпа поляковъ. Около 6 часовъ вечера изъ костела св. Паулины, находящагося на этой площади, выступила процессія со свѣчами въ рукахъ и зажженными факелами. Впереди несли крестъ, а за нимъ польское знамя, на которомъ изображенъ былъ бѣлый орелъ на золотомъ колѣ. Народъ встрѣтилъ процессію торжественными восклицаніями: „Да здравствуетъ Польша! Долой москалей!“ и вслѣдъ затѣмъ запѣли: „Боже! Который Польшу...“ Процессія прошла нѣсколько улицъ, повернула къ Краковскому предмѣстью, гдѣ наткнулась на пикетъ казаковъ, начала съ ними перебранку, и дѣло кончилось тѣмъ, что казаки пустили въ ходъ нагайки и этимъ разогнали процессію, которая, какъ потомъ оказалось, устроена была Годлевскимъ и Новаковскимъ.

27 февраля произошла вторая манифестація, гораздо серьезнѣе первой, но она и кончилась далеко печальнѣе первой.

---

[1]) Гимнъ этотъ написанъ въ 1815 году Алоизіемъ Фелинскимъ, по случаю пріѣзда императора Александра I въ Варшаву, послѣ Вѣнскаго конгресса.

[2]) Гроховская битва между русскими и поляками произошла въ 1831 году; русскими командовалъ Дибичъ-Забалканскій, а поляками—Михаилъ Радзивиллъ. Поляки были разбиты, но русскіе лишились около 10,000 человѣкъ. Гроховъ находится около Варшавы.

Въ этотъ день,—это было въ среду,—поляки, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, собрались около костела кармелитовъ, что на улицѣ Лешнѣ. Въ 11 часовъ утра изъ него выступила точно такая же процессія, какая дня три тому назадъ выступила изъ костела паулиновъ. Эта процессія, неся крестъ впереди, подобно паулинской, также направилась по разнымъ улицамъ и также наткнулась на пикетъ казаковъ, который на этотъ разъ заступилъ ей дорогу. Началась ругань, а потомъ драка, во время которой, между прочимъ, былъ попорченъ крестъ. Это незначительное обстоятельство произвело взрывъ въ толпѣ; толпа съ крикомъ: „Кресты наши москали ломаютъ, въ Бога не вѣруютъ!“ ринулась впередъ, прорвала цѣпь казаковъ и пошла дальше съ пѣніемъ гимна: „Боже! Который Польшу...“ Проходя по одной изъ улицъ Краковскаго предмѣстья, толпа увидѣла стоявшій въ сторонѣ взводъ солдатъ, при которомъ находился начальникъ штаба мѣстныхъ войскъ, генералъ Заболотскій. Поравнявшись со взводомъ, толпа разразилась страшною бранью и начала бросать камни; генералъ крикнулъ ей: „Перестаньте бросать камни, а то я велю стрѣлять!“ На это ему отвѣтили: „Не смѣешь, Наполеонъ запретилъ!“ Генералъ Заболотскій повторилъ свои слова еще два раза, но въ отвѣтъ на это его сильно ударили камнемъ, отъ чего онъ едва не упалъ. Послѣ этого генералъ дѣйствительно приказалъ стрѣлять въ толпу; выпущено было нѣсколько зарядовъ, — толпа шарахнулась въ сторону и быстро разсѣялась; процессія исчезла, но на мѣстѣ осталось пять труповъ, которые подобраны были полиціей и переданы родственникамъ для погребенія [1]).

[1]) Собственно говоря, убито было четыре человѣка, а пятый, тяжело раненный, умеръ къ вечеру. Убиты были трое рабочихъ:

2 марта хоронили убитыхъ; въ погребеніи участвовало до 100 тысячъ человѣкъ. Впереди гроба шли ксендзы и депутація отъ евреевъ въ своихъ національныхъ костюмахъ; за гробами тянулись тысячи экипажей, въ которыхъ сидѣли польки самыхъ аристократическихъ фамилій въ глубокомъ траурѣ. Погребеніе кончилось благополучно, безпорядковъ не было.

Послѣ погребенія вышеозначенныхъ убитыхъ, къ князю Горчакову явилась депутація съ просьбою позволить написать государю адресъ и изложить въ немъ свои нужды и причины манифестацій. Горчаковъ дозволилъ. Адресъ былъ написанъ въ Земледѣльческомъ обществѣ подъ диктовку помѣщика Ставицкаго. Написанъ онъ былъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Въ немъ поляки просили возстановить въ Царствѣ Польскомъ національное управленіе и даровать нѣкоторыя вольности дворянству. Государь благосклонно принялъ адресъ. 5 марта на имя намѣстника получень былъ отвѣтъ въ формѣ письма, въ которомъ извѣщалось, что въ непродолжительномъ времени при Варшавскомъ намѣстничествѣ будетъ учреждено особое отдѣленіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго образованія, а также польскій государственный совѣтъ и выборные окружные, и муниципальные (городскіе) совѣты. Словомъ, полякамъ предполагалось дать все, чего они просили въ своемъ адресѣ.

И дѣйствительно, 12 марта изъ Петербурга получена была бумага объ административномъ переустройствѣ Царства Польскаго, согласно желанію поляковъ, а на другой день уже объявлено было намѣстникомъ объ учрежденіи въ Варшавѣ особой комиссіи вѣроиспо-

---

Карчевскій, Брендель и Адамовичъ; одинъ помѣщикъ—Рутковскій и одинъ ученикъ V класса реальной гимназіи—Арцыхевичъ.

вѣдавій и народнаго просвѣщенія подъ предсѣдательствомъ маркиза Велепольскаго (поляка и католика), и обѣщаны дальнѣйшія преобразованія, какъ только правительство подготовитъ все необходимое для этой цѣли.

Но поляки, какъ извѣстно, вслѣдствіе природнаго отсутствія у нихъ политическаго ума, такта и умѣнья сдерживать въ границахъ свои чувства, никогда не умѣли пользоваться тѣмъ, что имъ давали, и спокойно, безъ увлеченія, переходить отъ одной уступки, дѣлаемой имъ, къ другой: они всегда требовали всего сразу или ничего. Такъ было и на этотъ разъ: уступки русскаго правительства не только не удовлетворили поляковъ, но еще усилили ихъ требовательность; при этомъ, объясняя эти уступки боязнью Россіи предъ Западною Европой, они еще съ большею силою возобновили свои демонстраціи, вслѣдствіе чего Горчаковъ, при всемъ своемъ миролюбивомъ характерѣ, долженъ былъ употребить оружіе, какъ это было 8 апрѣля.

Въ этотъ день Новаковскій устроилъ процессію самаго буйнаго характера и оскорбительную для русскаго чувства. Когда войска хотѣли разогнать толпу, то народъ съ ожесточеніемъ бросился на нихъ, началъ бить палками, кирпичами, камнями, всѣмъ, что попадалось подъ руки. Солдаты пришли въ ярость и по приказанію генерала Хрулева, одного изъ севастопольскихъ героевъ, дали по процессіи нѣсколько ружейныхъ залповъ; около двухсотъ человѣкъ оказалось убитыми и нѣсколько десятковъ раненными. Толпы народа съ ужасомъ разсыпались, и процессія моментально исчезла. Все успокоилось. Новаковскій былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость.

Это послѣднее кровавое столкновеніе имѣло благодѣтельное вліяніе на всю Варшаву; оно ясно показало,

какія мѣры нужно было принять противъ разбушевавшихся страстей:

„Польша въ бреду, ей нужно кровь пустить“ [1]), сказалъ на сеймѣ въ 1688 году старый воинъ Бидзинскій, каштелянъ сандомирскій, когда открытъ былъ заговоръ магнатовъ противъ короля Собѣсскаго, и король хотѣлъ сложить съ себя корону. Почтенный каштелянъ хорошо зналъ, что Польша, какъ больной человѣкъ, періодически впадаетъ въ бредъ, отъ котораго лучшимъ лѣкарствомъ служитъ кровопусканіе, послѣ чего она успокоивалась и принималась опять за дѣла. Такъ теперь и вышло: Хрулевъ пустилъ полякамъ кровь, и они успокоились.

Дѣйствительно, послѣ апрѣльскаго кровопусканія, манифестаціи прекратились мѣсяца на три: поляки увидѣли, что правительство не шутитъ, и потому умолкли, присмирѣли. Въ это время, между прочимъ, закрыто было Земледѣльческое общество, какъ обнаружившее сочувствіе революціонному движенію варшавскаго населенія.

19 мая 1861 г. умеръ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ. Мѣсто его заступилъ графъ Ламбертъ, человѣкъ умный, честный и энергичный; но онъ недолго управлялъ Царствомъ Польскимъ: осенью сильно простудился, получилъ чахотку и вышелъ въ отставку [2]).

---

[1]) Шуйскій: Dzieje Polskie, IV, III.

[2]) Впослѣдствіи онъ уѣхалъ лѣчиться на островъ Мадейру и тамъ, кажется, умеръ.

Примѣчаніе. Послѣдніе дни пребыванія Ламберта въ Варшавѣ омрачились таинственною смертью его друга и сослуживца, генералъ-губернатора города Варшавы, Герштенцвейга. Подробности этого интереснаго дѣла см. въ Русскомъ Архивѣ за 1885 г. или въ Запискахъ Берга, а также въ Воспоминаніяхъ Теобальдта, часть IV. Вильна 1890 г.

По удаленіи на покой графа Ламберта, намѣстникомъ Царства Польскаго сдѣланъ былъ графъ Лидерсъ. Этотъ благородный и черезчуръ гуманный человѣкъ не хотѣлъ руководствоваться по отношенію къ полякамъ мудрымъ совѣтомъ сандомирскаго каштеляна Видзинскаго, а потому демонстраціи при немъ приняли угрожающій характеръ, и дѣло дошло до того, что русскому человѣку, особенно военному, нельзя было показаться на улицахъ Варшавы, вслѣдствіе чего, по предписанію изъ Петербурга, все Царство Польское объявлено было на военномъ положеніи.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ сего года появилось въ Варшавѣ новое революціонное общество, основанное партіею Красныхъ, при помощи эмиссаровъ Мирославскаго; оно получило названіе „Варшавскій городской комитетъ“ [1]). Главными дѣйствующими лицами этого общества были: Игнатій Хмѣленскій, сынъ промотавшагося помѣщика, Верещинскій, чиновникъ банка и Головацкій, студентъ Кіевскаго университета.

Въ концѣ ноября съ этимъ обществомъ соединилось общество Годлевскаго.

Общество это занималось формированіемъ инсуррекціонныхъ войскъ: пятковъ, десятковъ, сотенъ, во-

---

[1]) Общество это, собственно говоря, называлось „Варшавскій комитетъ перваго состава“, такъ какъ оно потомъ, вслѣдствіе вступленія новыхъ членовъ, пять разъ измѣнялось и получало названія:

I. Варшавскій комитетъ перваго состава.
II. Варшавскій комитетъ второго состава.
III. Варшавскій комитетъ третьяго состава.
IV. Варшавскій комитетъ четвертаго состава.
V. Варшавскій комитетъ пятаго состава.

Затѣмъ этотъ послѣдній комитетъ (т. е. Варшавскій, пятаго состава) въ 1862 году, въ іюлѣ, Ярославомъ Домбровскимъ переименованъ былъ въ „Центральный народный комитетъ“. Подробности см. ниже.

ображаемыхъ тысячъ и учрежденіемъ революціонной городской организаціи.

Это общество особенно хлопотало о скорѣйшемъ начатіи вооруженнаго возстанія.

Въ это время еврейское населеніе примкнуло къ революціонерамъ. Евреи подобно полякамъ, стали устраивать манифестаціи, оскорбительныя для правительства и русской народности; въ ихъ синагогахъ, какъ и въ костелахъ, постоянно произносились проповѣди самаго возмутительнаго содержанія. Особенно преступнымъ содержаніемъ отличались еврейскія проповѣди во время панихидъ, которыя совершались евреями въ синагогахъ по поводу кончины въ Парижѣ Лелевеля и Адама Чарторыйскаго [1]). Изъ евреевъ агитаторовъ больше всѣхъ извѣстны своимъ буйнымъ поведеніемъ три лица: раввинъ Майзельсъ и два проповѣдника — Ястровъ и Крымштыкъ [2]).

Видя такое сочувствіе къ дѣлу возстанія среди евреевъ, поляки начали брататься съ ними и называть ихъ своими друзьями. Въ то же время польская печать стала требовать, чтобы поляки съ этихъ поръ не называли евреевъ жидами, а „польскимъ израилемъ“. Въ концѣ декабря Велепольскій внесъ даже въ только что открывшійся въ Варшавѣ Государственный совѣтъ докладную записку о равноправности евреевъ, которая впрочемъ была отвергнута самими же поляками [3]).

---

[1]) Лелевель умеръ въ 1861 году, 17 мая, а Чарторыйскій 3-го іюня того же года.

[2]) Всѣ трое были арестованы. Смотри „Седмицы Павлищева“, т. I, стр. 3,52.

[3]) *Примѣчаніе.* Издаваемая въ сіе время въ Варшавѣ еврейская газета „Заря“ совѣтовала своимъ соотечественникамъ, съ цѣлью скорѣйшаго сліянія съ поляками, отказаться отъ своей народности и называться поляками Моисеева закона. См. сочиненіе Павлищева, ч. I, стр. 3.

Въ это время въ Варшавѣ появились четыре подпольныя революціонныя газеты: Побудки, Щербицъ, Стерникъ и Стражница. Первыя три печатныя, а четвертая—литографированная. Номера газетъ для выхода своего опредѣленнаго времени не имѣли: они выпускались мятежниками, смотря по необходимости—черезъ недѣлю, двѣ, три, а иногда и черезъ мѣсяцъ.

Кромѣ газетъ, въ это же время появилось много мелкихъ брошюръ, въ которыхъ все русское и православное смѣшивалось съ грязью и предавалось проклятію. Появились также сотни подпольныхъ писемъ и тысячи воззваній самаго зажигательнаго свойства.

Изъ брошюръ особенно замѣчательны двѣ:

I. „Житіе мученика блаженнаго Іосафата“ [1]). Въ этой

---

[1]) Іосафатъ Кунцевичъ былъ полоцкимъ уніатскимъ епископомъ въ началѣ XVII стол. Кунцевичъ отличался страшнымъ фанатизмомъ: въ нынѣшней Полоцкой губерн. (тогда она составляла воеводство и принадлежала Польшѣ) онъ закрылъ всѣ православныя церкви, священниковъ заковалъ въ цѣпи, бросилъ въ тюрьму и тамъ предалъ разнаго рода мученіямъ.

Кунцевичъ былъ настоящій разбойникъ: онъ до того ненавидѣлъ православныхъ, что во многихъ мѣстахъ приказывалъ вынимать мертвецовъ изъ гробовъ и разбрасывать по землѣ. Когда онъ пріѣзжалъ въ какое-либо мѣстечко или городъ, населенный православными, то эти послѣдніе въ ужасѣ разбѣгались въ разныя стороны и прятались въ лѣсахъ, болотахъ и т. п.

Въ 1823 г., въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Кунцевичъ прибылъ въ гор. Витебскъ и тамъ воздвигъ на православныхъ такое гоненіе, что тѣ думали, что наступилъ конецъ міра. Но потомъ, опомнившись, 12 ноября, напали на этого злодѣя и въ собственной квартирѣ убили его.

Но это убійство не прошло для православныхъ даромъ. По приказанію папы, 100 православныхъ жителей г. Витебска осуждены были на смерть, 200 человѣкъ наказаны кнутомъ и нѣсколько сотъ сосланы были въ каторжныя работы.

Примѣчаніе. Въ 1865 г. между папою и русскимъ правительствомъ произошелъ, по поводу польскаго мятежа, дипломатическій разрывъ, и Папа Пій IX, желая чѣмъ-нибудь насолить, такъ сказать, Россіи, канонизировалъ Кунцевича, т. е. объявилъ его святымъ.

брошюрѣ, описывающей смерть Іосафата, безпрестанно приводятся въ параллель варшавскія событія, бывшія въ февралѣ 1860 г., именно: „москали, говорится въ брошюрѣ, эти безбожные схизматики, напали на блаженнаго Іосафата, сломали на немъ крестъ, какъ это они теперь сдѣлали въ Варшавѣ, затѣмъ начали мучить блаженнаго архіепископа за нашу святую вѣру, за наше отечество и убили его, какъ теперь въ Варшавѣ они убили многихъ нашихъ людей за нашу св. вѣру и за наше отечество“... и т. д. [1]).

II. „Предсмертный разговоръ пустынника Петра.“ Въ этой брошюрѣ, назначенной для простого народа, разсказывается, какъ одинъ ста-сорокалѣтній старецъ Петръ прожилъ 90 лѣтъ въ пещерѣ и затѣмъ, получивши даръ пророчества, вышелъ изъ пещеры и заявилъ народу: „Въ древнее время, говорилъ старецъ, весь польскій народъ жилъ счастливо и благоденствовалъ; онъ не зналъ ни податей, ни панщины, ни карауловъ, ни другихъ тягостей. Но вотъ пришли москали, овладѣли Польшею и весь народъ нашъ обратили въ холоповъ, сдѣлали изъ него быдло и предали тяжкимъ мученіямъ“. Но заключаетъ пустынникъ, „скоро настанетъ время — милосердый Богъ приведетъ короля съ польскимъ войскомъ, которое, вмѣстѣ съ французскимъ, прогонитъ москалей, освободитъ весь народъ отъ схизматиковъ, и тогда вы запоете молитву радости: „Боже! Который Польшу столько вѣковъ окружалъ могуществомъ и славою“...

Изъ воззваній особенно замѣчательно „Голосъ изъ Варшавы.“ Въ этомъ воззваніи революціонеры требовали, чтобы всѣ поляки поголовно вооружились на русскихъ, иначе подвергаются проклятію и осужденію.

---

[1]) См. Павлищева „Седмицы“ ч. I, стр. 79.

Заканчивалось воззваніе слѣдующими словами: „дочь должна оттолкнуть отца, жена мужа, дѣвица жениха, если онъ не представитъ ей каждой одной Московской головы! Питайтесь трупами вашихъ тирановъ и одѣвайтесь въ ихъ шкуры!“ [1])

Насталъ 1862 годъ. Члены названнаго выше „Варшавскаго городского комитета“ удвоили свою энергію въ дѣлѣ революціи, а потому этотъ годъ особенно отличался демонстраціями и разнаго рода манифестаціями самаго буйнаго характера. Самое общество это въ семъ году значительно увеличилось поступленіемъ въ него новыхъ членовъ. Особенно важно было вступленіе въ число членовъ сего общества Ярослава Домбровскаго, основателя въ Петербургѣ такъ называемаго „Литературнаго кружка!“ [2]).

Ярославъ Домбровскій прибылъ въ Варшаву въ концѣ апрѣля этого года, а въ маѣ онъ былъ уже членомъ „Варшавскаго городского комитета“, гдѣ въ короткое время обнаружилъ такую энергію, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ избранъ былъ, вмѣсто Хмѣленскаго, предсѣдателемъ общества.

Въ концѣ іюля Домбровскій переименовалъ „Варшавскій городской комитетъ“ въ „Центральный народный комитетъ.“ [3]) Главными членами его были: Галлеръ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. ниже.

[3]) Центральный народный комитетъ, говоря вѣрнѣе, образовался изъ такъ называемаго „Варшавскаго городского комитета пятаго состава“. Самъ же „Центральный народный комитетъ получилъ названіе „Центральнаго народнаго комитета перваго состава“, такъ какъ онъ, подобно Варшавскому городскому комитету, пять разъ измѣнялся, именно:

I. Центральный народный комитетъ перваго состава.
II. Центральный народный комитетъ второго состава.

Агафонъ [1]), Матусевичъ Станиславъ [2]) и Марчевскіе [3]). Самъ Домбровскій оставался по прежнему предсѣдателемъ, а помощникомъ—Хмѣленскій.

Центральный народный комитетъ, по предложенію Домбровскаго, занимался вербовкою людей въ революціонную организацію, а затѣмъ отсылкою ихъ въ лѣса для сформированія бандъ [4]).

Въ концѣ сентября Домбровскій уѣхалъ въ западныя области Царства Польскаго и тамъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Куровскимъ сталъ формировать банды.

Мѣсто Домбровскаго занялъ отставной подпоручикъ гвардейской артиллеріи, Сигизмундъ Подлевскій. Подлевскій оказался такимъ же энергичнымъ, какъ и Домбровскій. Онъ съ такою же энергіею, какъ и Домбровскій, продолжалъ вербовать людей въ мятежническую организацію и высылать ихъ въ банды. Въ то же время, по иниціативѣ Подлевскаго, Центральный народный

III. Центральный народный комитетъ третьяго состава.
IV. Центральный народный комитетъ четвертаго состава.
V. Центральный народный комитетъ пятаго состава.

Затѣмъ этотъ послѣдній тоже, подобно Варшавскому городскому комитету, измѣненъ былъ въ первыхъ числахъ января 1863 года Лянгевичемъ, Подлевскимъ и Годлевскимъ въ такъ называемый „Временный Народный жондъ“. См. объ этомъ ниже.

[1]) Былъ литераторъ, человѣкъ способный. Въ 1857 году онъ, по амнистіи, возвращенъ изъ Сибири. Въ 1864 г. бѣжалъ за границу. Въ Цюрихѣ издавалъ газету и написалъ исторію о возстаніи поляковъ въ 1863 году, которая издана была въ Парижѣ.

[2]) Помѣщикъ Подольской губерніи. Бѣжалъ за границу.

[3]) Два брата: Витольдъ и Брониславъ, инженеры, служили на варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ. Сосланы въ Сибирь.

[4]) Съ поступающихъ въ банды обыкновенно брали присягу; къ присягѣ приводилъ ксендзъ; для присяги ставили распятіе, по бокамъ его—два заряженныхъ пистолета. См. „Седмицы Павлищева“, т. II-й, стр. 32.

комитетъ раздѣлилъ Царство Польское на воеводства и въ каждое изъ нихъ назначилъ особаго начальника [1]).

Со стороны же правительственныхъ распоряженій этотъ годъ замѣчателенъ тоже многими весьма важными перемѣнами въ администраціи края. Самыми крупными фактами въ этомъ отношеніи было: а) назначеніе намѣстникомъ Царства Польскаго великаго князя Константина Николаевича и б) назначеніе маркиза Велепольскаго (поляка и католика) управляющимъ гражданскою частію Царства Польскаго.

Эти два назначенія были великою милостью со стороны русскаго царя и великимъ благодѣяніемъ для поляковъ: они ясно, до очевидности, показывали, что русское правительство желаетъ жить съ поляками въ мирѣ и согласіи, какъ съ добрыми подданными; желаетъ дать имъ большія привиллегіи и произвесть коренныя реформы въ Царствѣ Польскомъ. Это и высказано было великимъ княземъ на другой день послѣ своего пріѣзда въ Варшаву, во время пріема польскаго дворянства, и

---

[1]) *Примѣчаніе.* Всѣхъ воеводствъ было 8, именно: а) Варшавское (или Мазовецкое), главнымъ начальникомъ его былъ помѣщикъ Свіонтковскій Людвигъ; б) Люблинское, начальникомъ былъ помѣщикъ Григоровичъ; в) Подлясское (Сѣдлецкое), тутъ сначала былъ начальникомъ помѣщикъ Краковъ Людвигъ, а потомъ—Равичъ (казнепъ); г) Сандомирское, начальникомъ сначала былъ ксендзъ Котовскій, а потомъ—Чаховскій; д) Августовское, начальникомъ былъ помѣщикъ Аккордъ Кипріанъ (бѣжалъ); е) Краковское (Келецкое), начальникомъ былъ помѣщикъ Хвалибогъ; ж) Калишское, начальникомъ былъ ксендзъ Цепть, и з) Плоцкое, начальникомъ сначала былъ самъ Подлевскій, а потомъ—Конрадъ Блащинскій (Вонча). У Блащинскаго самымъ довѣреннымъ лицомъ былъ помѣщикъ Ходзынскій. Ходзынскій былъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей мятежа: онъ сформировалъ въ Плоцкомъ воеводствѣ шайку жандармовъ—вѣшателей, которые, дѣйствуя по инструкціи Ходзынскаго, совершили болѣе 200 самыхъ варварскихъ убійствъ. См. Устимовича, стр. 123—135.

Въ каждомъ городѣ были особые начальники; они подчинялись воеводамъ.

потомъ подтверждено было маркизомъ Велепольскимъ, когда дворяне отъ великаго князя явились къ нему съ поздравленіемъ по случаю назначенія его управляющимъ гражданскою частію.

Но все было напрасно: 20 іюня Константинъ Николаевичъ прибылъ въ Варшаву, а 21-го на его жизнь сдѣлано было покушеніе. Объ этомъ грустномъ событіи очевидцы передаютъ такъ:

Вечеромъ великій князь отправился въ театръ. Давали оперу „Александръ Страделла.“ Послѣ второго акта, въ 9½ ч., его высочество удалился изъ театра. Лишь только онъ сѣлъ въ коляску, подошелъ съ лѣвой стороны молодой человѣкъ и, протягивая руку, какъ бы для подачи прошенія, вдругъ приставилъ къ нему въ упоръ пистолетъ и выстрѣлилъ. Пуля пробила пальто, эполетную канитель, сюртукъ, рубашку и галстухъ, оцарапала руку подъ лѣвой ключицей и, запутавшись въ канители, повисла между рубашкою и тѣломъ. Рана состояла въ легкомъ поврежденіи кожицы подъ лѣвою ключицей.

Злодѣй былъ схваченъ на мѣстѣ преступленія; онъ назывался Людовикъ Ярошевскій, 28 лѣтъ, родомъ изъ д. Войцѣховицы, Сандомирскаго уѣзда, Радомской губ., сынъ эконома, подмастерье портного [1]).

На слѣдующій день великій князь чувствовалъ себя удовлетворительно. Принимая поздравленія отъ польскаго дворянства по случаю спасенія отъ угрожавшей опасности, Константинъ Николаевичъ заявилъ, что происшедшій случай не будетъ препятствовать введенію реформъ въ Царствѣ Польскомъ, но что для этого ему нужно помощь со стороны самого народа.

---

[1]) 9-го августа 1862 года онъ казненъ.

Въ тотъ же день маркизъ Велепольскій собралъ Государственный совѣтъ, на которомъ высказалъ глубокое сожалѣніе по поводу гнуснаго покушенія и просилъ членовъ Государственнаго совѣта употребить все свое вліяніе съ цѣлію прекращенія мятежа, такъ какъ государь императоръ и великій князь одушевлены самыми благими намѣреніями по отношенію къ полякамъ, въ доказательство чего объявилъ имена трехъ поляковъ, назначенныхъ губернаторами въ Ц. Польскомъ.

Но и это не помогло. Два новыя покушенія—27 іюля и 3 августа—на жизнь самого маркиза Велепольскаго выставили націю въ настоящемъ свѣтѣ: ясно было, что она неисправима и неспособна къ выжидательной политикѣ, хотя бы ей грозила гибель [1]).

Подъ впечатлѣніемъ этихъ трехъ покушеній, Варшавское дворянство, по иниціативѣ Андрея Замойскаго, въ началѣ сентября написало адресъ и представило его великому князю Константину Николаевичу. Въ этомъ адресѣ польское дворянство категорически и даже дерзко заявляло, что если правительство не соединитъ съ Царствомъ Польскимъ Литвы, Бѣлоруссіи, Подоліи и Малороссіи, словомъ, не возстановитъ Польши въ предѣлахъ 1772 года и не отдастъ въ управленіе самимъ полякамъ, то оно, польское дворянство, больше не будетъ служить правительству, а всецѣло перейдетъ на сторону мятежниковъ. „Мы, говорилось въ адресѣ, любимъ наше отечество въ цѣломъ, въ гра-

[1]) Первое покушеніе на жизнь Велепольскаго сдѣлано было въ коррндорѣ дома, занимаемаго комиссіею финансовъ. Убійца былъ схваченъ, оказался рабочимъ изъ одной литографіи, имя его Людовикъ Раль, 19 лѣтъ. Второе покушеніе сдѣлано было на Уяздовской аллеѣ, когда маркизъ ѣхалъ въ открытомъ экипажѣ. Убійца тоже схваченъ, оказался товарищемъ Раля, по имени Янъ Рожопьца. Оба злодѣя 19 августа повѣшены въ Варшавѣ въ присутствіи громадной толпы народа.

ницахъ, указанныхъ Богомъ, утвержденныхъ преданіемъ, свободнымъ и ни отъ кого независимымъ [1]).

Это было первое коллективное заявленіе польскаго дворянства. Правительство, само собою разумѣется, не одобрило этого адреса и самого Замойскаго, какъ руководителя, выслало изъ Варшавы. Но польское дворянство съ этого времени дѣйствительно стало на сторону мятежниковъ, только очень немногіе изъ дворянъ обнаружили гражданское мужество—не измѣнили правительству.

Но, несмотря на все это, правительство не хотѣло прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ: оно все-таки надѣялось успокоить поляковъ мирными и кроткими мѣрами, именно: путемъ новыхъ реформъ и новыхъ уступокъ. Съ этою цѣлію въ октябрѣ мѣсяцѣ великій князь Константинъ Николаевичъ открылъ въ Варшавѣ Государственный сеймъ; въ рѣчи, произнесенной по сему случаю на польскомъ языкѣ, великій князь снова увѣрялъ поляковъ, что скоро приступлено будетъ къ радикальнымъ реформамъ въ Царствѣ Польскомъ, только просилъ польское дворянство быть терпѣливымъ, имѣть довѣріе къ правительству и помогать ему, если оно желаетъ добра націи.

И дѣйствительно, послѣ рѣчи великаго князя правительство приступило къ реформамъ и разнаго рода административнымъ перемѣнамъ, соединеннымъ со смѣщеніемъ лицъ неугодныхъ, по своему патріотизму, полякамъ. Такъ, между прочимъ, уничтожено званіе главнокомандующаго арміи и корпусныхъ командировъ, а вмѣсто того установлено шесть военныхъ округовъ: августовскій, варшавскій, калишскій, люблинскій, плоц-

---

[1]) См. сочиненіе Павлищева „Седмицы Польскаго мятежа“, ч. I, стр. 131. Исторія Шлоссера, т. VIII.

кій и радомскій; генералъ-губернаторъ Варшавы, Хруловъ, отчисленъ въ запасъ, а вмѣсто него назначенъ генералъ Семека; вмѣсто оберъ-полиціймейстера Муханова, опредѣленъ генералъ Левшинъ [1]); десять уѣздныхъ начальниковъ замѣнены новыми; дозволено ходить ночью безъ фонарей; открыты уѣздные совѣты; преобразованы комиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія; составлены новыя учебныя программы для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; основанъ въ Люблинской губерніи, въ г. Александріи, лѣсной институтъ; прекращены иски со стороны казны съ конфискованныхъ имуществъ; приступлено къ очиншеванію (надѣлу землею) крестьянъ и, въ заключеніе, снято военное положеніе [2]). Словомъ, полякамъ дано было больше того, что они просили при Горчаковѣ: имъ сдѣланы были такія уступки, о какихъ они раньше и не мечтали.

Но и эти уступки, сдѣланныя полякамъ, остались безъ послѣдствій: „Польской шляхтѣ, по словамъ одного нѣмецкаго историка, пріятнѣе было составлять несбыточные планы, тайныя сходки и въ безцѣльной суетѣ сновать изъ одного угла въ другой, скакать изъ одного мѣста въ другое, забывая необходимыя работы въ домѣ, не заботясь ни о чемъ въ хозяйствѣ, не уплачивая ни долговъ, ни процентовъ“.

Между тѣмъ пламя бунта все болѣе и болѣе разгаралось и, наконецъ, по случаю рекрутскаго набора достигло своего апогея. Дѣло вотъ въ чемъ:

---

[1]) Левшинъ получилъ это мѣсто во второй разъ, въ первый разъ онъ былъ полиціймейстеромъ при Ламбертѣ. Дѣятельность его хорошо охарактеризована у жандармскаго генерала В. А. Роткирха, въ его „Воспоминаніяхъ Теобальдта (псевдонимъ автора). Г. Роткирхъ въ качествѣ жандармскаго офицера все время мятежа служилъ въ Варшавѣ и былъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

[2]) Обо всемъ этомъ см. въ „Седмицахъ“ Павлищева, ч. I-й, стр. 109, 111, 113, 115, 128, 129 и 133.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Царствѣ Польскомъ образовался огромный контингентъ лицъ преимущественно изъ шляхетскаго званія, которыя рѣшительно ничего не дѣлали и не хотѣли дѣлать. Большая часть такихъ лицъ, проживая въ городахъ, шлялись по трактирамъ и гостинницамъ, занимаясь темными дѣлами, и при этомъ вели себя въ высшей степени предосудительно, особенно во время послѣднихъ манифестацій. Чтобы избавиться отъ этихъ безпокойныхъ и даже вредныхъ лицъ, русское правительство, въ концѣ декабря 1862 г., предписало полицейскимъ властямъ забирать ихъ въ солдаты. Полиція, которой больше всего приходилось сталкиваться съ этими праздношатающимися трактирными лицами, обрадовалась сему предписанію и начала приводить его въ исполненіе въ высшей степени энергично, чѣмъ вызвала страшное негодованіе среди польской шляхты. При этомъ произошло еще то, что громадное большинство молодыхъ людей вышеозначенной категоріи, боясь попасть въ руки полиціи, бѣжали въ лѣса и тамъ образовали шайки и банды. чтобы противодѣйствовать властямъ.

Наконецъ насталъ 1863 годъ, годъ, какъ извѣстно, самый замѣчательный въ исторіи послѣдняго польскаго мятежа: въ этомъ году поляки отъ манифестацій перешли къ открытому и вооруженному мятежу.

Въ первыхъ числахъ января 1863 года изъ Парижа прибылъ въ Варшаву одинъ изъ самыхъ энергичныхъ и умныхъ агентовъ Мирославскаго, Маріанъ Ляпгевичъ [1]). Онъ вмѣстѣ съ Сигизмундомъ Подлевскимъ и

[1]) Ляпгевичъ былъ человѣкъ весьма даровитый; родился въ 1827 г. въ Познани (въ Пруссіи), воспитывался въ Бреславскомъ университетѣ (въ Силезіи); одинъ годъ служилъ въ прусской арміи; въ 1852 году бѣжалъ въ Италію, гдѣ, въ качествѣ адъю-

Францомъ Годлевскимъ преобразовалъ „Центральный народный комитетъ“ въ общество „Временный народный жондъ“ [1]). Предсѣдателемъ этого общества избранъ былъ Стефанъ Бобровскій, студентъ Кіевскаго университета [2]), а главными членами были: Авейде Оскаръ—чиновникъ комиссіи финансовъ [3]), Гиллеръ Агафонъ, Микушевскій Карлъ (Сикстусъ), ксендзъ-каноникъ варшавскаго костела Дѣвы Маріи [4]), Миковскій Иванъ [5]), Лемпке Владиміръ (считался помощникомъ Бобровскаго) [6]) и Яновскій Осипъ—архитекторъ (секретарь жонда) [7]).

7-го января „Временный народный жондъ“ составилъ чрезвычайное засѣданіе, на которомъ положено было, во-первыхъ, командировать трехъ депутатовъ—

танта италіанскаго генерала Мильваци, принималъ участіе въ неаполитанской экспедиціи Гарибальди, по окончаніи которой былъ профессоромъ военнаго училища въ Кунсо; въ 1862 г. уѣхалъ въ Парижъ къ Мирославскому.

[1]) Общ. „Временный народный жондъ“, подобно общ. „Варшавскій городской комитетъ“ и „Центральный народный комитетъ“, тоже нѣсколько разъ измѣнялось и получало разныя названія:

I. Временный народный жондъ перваго состава.

II. Временный народный жондъ второго состава и т. д.

[2]) Бобровскій убитъ на дуэли графомъ Грабовскимъ подъ Краковомъ.

[3]) Сосланъ въ каторжныя работы.

[4]) Представитель отъ духовенства; бѣжалъ въ Испанію.

[5]) Бѣжалъ за границу.

[6]) Лемпке былъ одинъ изъ энергичныхъ дѣятелей народнаго жонда; сынъ генералъ-маіора русскихъ войскъ; служилъ механикомъ на варшавскомъ желѣзномъ заводѣ. Въ началѣ возстанія поступилъ въ революціонную организацію подъ именемъ Людвига и занимался заготовленіемъ оружія и обмундированія для лѣсныхъ бандъ; потомъ народнымъ жондомъ сдѣланъ былъ начальникомъ г. Варшавы. Въ 1863 году основалъ общество книжалистовъ и принималъ дѣятельное участіе въ покушеніи на жизнь Берга. Въ началѣ 1864 года, когда мятежъ былъ подавленъ, Лемпке обокралъ революціонную кассу (укралъ 2,000,000 злотыхъ) и хотѣлъ бѣжать за границу, но въ Кіевѣ былъ схваченъ и отравился. См. Устимовича. Стр. 12, примѣчаніе.

[7]) Бѣжалъ за границу.

Владислава Даниловскаго, Владислава Эске и Владислава Яновскаго — въ Парижъ къ Мирославскому съ предложеніемъ отъ лица всей польской націи званія диктатора и, во-вторыхъ, съ 10 на 11 января начать открытую борьбу съ русскими.

12-го января депутаты Даниловскій, Эске и Яновскій прибыли въ Парижъ къ Мирославскому съ предложеніемъ диктатуры. Мирославскій весьма ласково принялъ депутатовъ и согласился быть диктаторомъ. Затѣмъ, 14 января, посовѣтовавшись съ принцемъ Наполеономъ, княземъ Любомирскимъ и Владиславомъ Чарторыйскимъ [1]), началъ собираться въ путь; 29 января, получивши отъ принца Наполеона 100000 франковъ, выѣхалъ изъ Парижа вмѣстѣ съ двумя друзьями - Куржиною и Росцишевскимъ [2]).

Между тѣмъ „Временный народный жондъ“ 10 января выпустилъ сразу шесть декретовъ:

1 Первымъ декретомъ онъ, отъ лица всей польской націи, объявлялъ Россіи войну на жизнь и смерть.

2 Вторымъ декретомъ онъ оповѣщалъ поляковъ о начатіи открытой борьбы съ русскимъ правительствомъ, при чемъ приказывалъ всѣмъ полякамъ вооружиться поголовно.

3 Третьимъ декретомъ Мирославскій назначался диктаторомъ и главнокомандующимъ мятежныхъ войскъ.

4 Четвертымъ декретомъ объявилялось, что всѣ поземельные собственники освобождаются отъ всѣхъ обязательствъ, кромѣ добровольныхъ пожертвованій въ пользу революціоннаго дѣла.

---

[1]) Владиславъ Чарторыйскій — старшій сынъ Адама Чарторыйскаго (бывшаго друга Императора Александра I). По смерти отца „Варшавскій народный жондъ“ избралъ Владислава Чарторыйскаго своимъ главнымъ агентомъ за границею.

[2]) См. Устимовича стр. 92 и 93.

5 Пятымъ декретомъ строго запрещалось прусскимъ и австрійскимъ полякамъ принимать участіе въ возстаніи, за исключеніемъ денежныхъ пожертвованій.

6 Шестымъ декретомъ назначались городскіе начальники, которыхъ обязаны слушаться всѣ подъ страхомъ смертной казни.

Итакъ, „Временный народный жондъ“ отъ лица всей польской націи объявилъ Россіи войну, государству, имѣвшему около 80,000,000 жителей и болѣе 600,000 войска. Но теперь спрашивается, какими же средствами онъ самъ располагалъ? Когда два противника вступаютъ въ борьбу, то всегда естественнымъ образомъ возникаетъ первый вопросъ, какими средствами каждый изъ нихъ обладаетъ? вопросъ не простого любопытства, а весьма важный и серьезный: рѣшивъ этотъ вопросъ, мы можемъ предвидѣть отчасти и исходъ борьбы, а главное, мы можемъ убѣдиться въ интеллектуальномъ развитіи обоихъ противниковъ: ихъ умѣ, энергіи, административныхъ способностяхъ и т. п. Итакъ, повторяемъ вопросъ, какими средствами обладалъ „Временный народный жондъ,“ объявляя Россіи войну? При рѣшеніи этого вопроса и раскрывается комическая сторона послѣдняго польскаго мятежа: собственно говоря, никакими средствами онъ не обладалъ, или, говоря точнѣе, обладалъ такими микроскопическими средствами, какія годились развѣ только для борьбы съ какими-нибудь африканскими или американскими дикарями. Въ самомъ дѣлѣ, у жонда не было ни одного баталіона, ни одной роты (не говоря уже о полкахъ) дисциплинированнаго войска; онъ не имѣлъ ни оружія, ни провіанта, ни денегъ. Что же онъ имѣлъ? Тысячъ сорокъ, не болѣе, такъ называемыхъ „повстанцевъ“, т. е. отдѣльныхъ возмутившихся лицъ, которыя сгруппированы были въ нѣсколько десятковъ бандъ, или партизанскихъ отря-

довъ, скрывавшихся въ лѣсахъ Царства Польскаго; каждая банда имѣла въ своемъ составѣ отъ 100 до 3000 человѣкъ [1]); вооружены были эти банды чѣмъ попало: пятая часть имѣли огнестрѣльное оружіе (ружья, пистолеты), двѣ трети—пики, ножи и кинжалы, а остальные—палки, дубины и колья; металлическихъ орудій (пушекъ, мортиръ и т. п.) не было [2]); были деревянныя [3]); предводителей бандъ или „довудцевъ," какъ ихъ обыкновенно называютъ поляки, болѣе или менѣе понимающихъ военное дѣло не было, за исключеніемъ Мирославскаго, Ляпгевича, Сѣроковскаго, Домбровскаго, Чаховскаго и Хмѣленскаго [4]), а всѣ остальные въ пол-

[1]) Бандъ въ 2000 и 3000 человѣкъ было очень мало; большею частію банды состояли изъ 200, 300, 400 и 500 человѣкъ. Всѣхъ бандъ было около 100. Набирались они преимущественно изъ городского населенія, именно: ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ и оффиціалистовъ (панской прислуги).

Примѣчаніе. Заграничныя польскія газеты, какъ напр. „Часъ", „Хвиля" и „Познанскій Дневникъ", говорили, что у народнаго жонда четыре корпуса, изъ коихъ каждый имѣетъ тысячъ по 40. Вообще иностранныя польскія газеты страшно лгали относительно дѣйствій мятежниковъ, они представляли дѣло мятежа въ самомъ лучшемъ видѣ, и поляки вѣрили.

[2]) Если не считать десятковъ двухъ заржавленныхъ орудій, украденныхъ повстанцами изъ русскихъ и австрійскихъ складовъ, гдѣ они лежали безъ употребленія за негодностью.

[3]) *Примѣчаніе.* Если кто желаетъ въ настоящее время раздражить и вывести изъ себя молодого поляка, то слѣдуетъ только сказать ему: „Пане, ходимъ до лясу изъ древа пушки робить и москаля бить". Эти слова больше всего употребляются молодыми обрусѣлыми поляками (жившими въ Россіи), когда въ ихъ среду попадаютъ тоже молодые поляки изъ Царства Польскаго и начинаютъ кичиться своимъ превосходствомъ надъ ними.

[4]) Братъ Игнатія Хмѣленскаго.

Примѣчаніе. Кромѣ вышеозначенныхъ шести довудцевъ, были еще извѣстны слѣдующіе: Райскій, Франковскій, Блащинскій (Бонча), Сигизмундъ Подлевскій (бывшій предсѣдатель жонда), Рошбренъ, Іорданъ, Червинскій (Сова, псевдонимъ), графъ Грабовскій, Оборскій, Дунаевскій (Зайковскій), Басакъ (Гауке), Лелевель, Иршибыловичъ, Домбровскій, Рембайло (Топоръ, псевдонимъ), Ляндовскій (Коса), Крукъ, ксендзъ Бржоско, ксендзъ—каноникъ Семеновскій и монахъ—каноникъ Пайдовскій.

номъ смыслѣ были невѣжды въ военномъ дѣлѣ, вдобавокъ предводители эти или „довудцы“ постоянно ссорились и дрались между собою, а также пьянствовали, развратничали и обкрадывали другъ друга, по крайней мѣрѣ тогда такъ писала „Всеобщая германская газета“, и на что жаловалась краковска японьская газета „Часъ“. Вотъ тѣ средства, какими обладалъ временный народный жондъ, объявляя Россіи войну. Онъ вступилъ въ войну съ державою, которая въ Царствѣ Польскомъ въ сіе время имѣла болѣе 100 тысячъ войска и около 300 пушекъ и, конечно, увеличила бы вдвое свою боевую силу въ одинъ мѣсяцъ, если бы это потребовалось.

Первое открытое вооруженное дѣйствіе мятежниковъ въ Царствѣ Польскомъ состояло въ нападеніи на русскія войска, въ ночь съ 10 на 11-е января, въ 17 мѣстахъ, съ цѣлію вырѣзать ихъ; такъ, между прочимъ, нападенія сдѣланы были: въ Плоцкѣ, Радомѣ, Бялѣ, Мазовецкѣ и др. Но, впрочемъ, результатъ этого ночного нападенія для жонда былъ не великъ: хотя русскихъ солдатъ въ эту ночь погибло 190 человѣкъ, но за то и самихъ мятежниковъ убито 226 [1]).

Послѣ этого событія въ Царствѣ Польскомъ снова объявлено было военное положеніе.

Но, къ сожалѣнію, эта весьма важная и необходимая мѣра, благодаря существовавшему тогда въ Царствѣ Польскомъ двоевластію, если можно такъ выразиться, на первыхъ порахъ принесла мало пользы. Дѣло вотъ въ чемъ:

Русское правительство, вслѣдствіе своей чрезмѣрной гуманности и доброжелательства къ полякамъ, съ

---

[1]) Это ночное нападеніе поляковъ на русскихъ извѣстно подъ именемъ „Варѳоломеяды“. См. Павлищева, ч. II, стр. 366.

БИБЛІОТЕКА

прибытіемъ великаго князя Константина Николаевича въ Царство Польское, отдѣлило гражданскую власть отъ военной и, какъ мы видѣли, подчинило ее маркизу Велепольскому [1]). Такимъ образомъ въ Царствѣ Польскомъ образовались двѣ самостоятельныя и почти другъ отъ друга независимыя власти: военная и гражданская. Первая власть, во главѣ которой находился великій князь, какъ извѣстно, состояла изъ православно-русскихъ лицъ, искренно преданныхъ престолу и отечеству и искренно желавшихъ усмиренія мятежа; вторая же, во главѣ которой находился маркизъ Велепольскій, наоборотъ—вся состояла изъ поляковъ [2]), проникнутыхъ до мозга костей мыслями и желаніемъ возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года; отсюда вышло то, что въ то самое время, какъ военная власть употребляла всѣ средства къ подавленію мятежа, гражданская, наоборотъ, употребляла всѣ средства къ поддержанію его. Очень часто случалось, особенно въ провинціи, что военная власть предписываетъ, напримѣръ, гражданской смѣнить такого-то чиновника (сама она своею властію не могла смѣнить) за участіе его въ такой-то демонстраціи; но гражданская отвѣчаетъ, что это клевета на чиновника, что чиновникъ человѣкъ хорошій, и не приводитъ въ исполненіе распоряженія военной власти. Такъ, между прочимъ, въ

---

[1]) Русское правительство, поручая гражданскую власть маркизу Велепольскому, поляку и католику, надѣялось этимъ привлечь на свою сторону высшее польское дворянство и побудить его къ принятію участія, вмѣстѣ съ русскими административными лицами, въ усмиреніи мятежа; но, какъ мы видѣли, не достигло цѣли: высшее польское дворянство перешло на сторону мятежниковъ и всѣ милости русскаго царя обратило въ средство для достиженія своихъ революціонныхъ цѣлей.

[2]) До вступленія въ должность маркиза Велепольскаго въ Царствѣ Польскомъ было нѣсколько и русскихъ чиновниковъ, но Велепольскій въ полгода всѣхъ ихъ выгналъ, оставивъ только 8.

Люблинѣ случилось слѣдующее: тамъ генералъ-лейтенантъ Хруловъ (незадолго предъ этимъ получившій мѣсто начальника Люблинскаго военнаго округа) предписалъ мѣстному губернатору Бодушанскому смѣнить одного чиновника, занимавшаго важный постъ, и на мѣсто его утвердить другого; но губернаторъ не исполнилъ предписанія начальника: требуемаго чиновника не смѣнилъ и другого не утвердилъ. Такъ же поступилъ и Радомскій губернаторъ Піонтковскій [1]); этотъ послѣдній, кромѣ того, выгналъ изъ своей губерніи всѣхъ чиновниковъ, мало-мальски преданныхъ правительству и честно относившихся къ исполненію своихъ обязанностей.

Но были и такіе случаи, и не одинъ: посылается, напримѣръ, предписаніе изъ Варшавы отъ великаго князя (ослушаться котораго, конечно, никто не смѣлъ), арестовать такихъ-то чиновниковъ за участіе ихъ въ мятежѣ и предать суду, но прежде чѣмъ предписаніе это дойдетъ бывало по назначенію (а идетъ это предписаніе по большей части черезъ гражданскую власть), оно сначала попадетъ въ подпольныя изданія жонда, даже, если хотите, и въ заграничныя газеты, а потомъ уже въ руки той администраціи, гдѣ служатъ чиновники, которыхъ нужно арестовать, а тѣ, конечно, къ этому времени давно уже успѣютъ скрыться. А бывало еще и такъ: предписаніе объ арестованіи извѣстныхъ чиновниковъ дойдетъ, напримѣръ, по назначенію своевременно, тогда сама администрація, какъ состоящая изъ поляковъ, задержатъ бумагу и дастъ возможность скомпромитированнымъ чиновникамъ скрыться.

Между прочимъ, случались еще и такого рода факты и даже очень часто: лишатъ, напримѣръ, по предпи-

---

[1]) Сынъ Піонтковскаго убитъ въ бандѣ, а дочь была замужемъ за довудцею Іорданомъ.

санію изъ Варшавы, чиновниковъ-поляковъ мѣстъ за какіе нибудь предосудительные поступки, а черезъ мѣсяцъ они снова оказываются на своихъ прежнихъ мѣстахъ, при чемъ еще получатъ награды за „протори и убытки“, такъ сказать. Вотъ для доказательства одинъ изъ подобныхъ фактовъ: 5-го февраля 1863 года довудца Куровскій напалъ на городъ Мѣховъ, Келецкой губ. съ цѣлію овладѣть имъ. Правда, онъ былъ отбитъ маіоромъ Непенинымъ съ потерею 200 челов., но при слѣдствіи оказалось, что въ этомъ дѣлѣ, въ качествѣ сторонниковъ Куровскаго, принимали участіе всѣ чиновники (поляки) мѣховскаго уѣзднаго управленія вмѣстѣ со своимъ начальникомъ; вслѣдствіе этого всѣ они, по распоряженію начальника Радомскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта Ушакова, основанномъ на подлинномъ приказѣ изъ Варшавы отъ 3 апрѣля, были отрѣшены отъ должностей и преданы суду; но прежде нежели былъ полученъ приказъ, всѣ они бѣжали въ Краковъ. Но затѣмъ вдругъ 17 мая генералъ-лейтенантъ Ушаковъ получаетъ отъ Радомскаго губернатора увѣдомленіе съ приложеніемъ новаго подлиннаго приказа изъ Варшавы, отъ великаго князя, въ которомъ, между прочимъ, сообщалось для исполненія: выслать немедленно въ Краковъ паспорты бѣжавшимъ чиновникамъ мѣховскаго уѣзднаго управленія для возвращенія ихъ въ Мѣховъ къ своимъ должностямъ и выдать имъ награды по 1200 руб., какъ лицамъ, невинно пострадавшимъ.

22 мая паспорты и деньги дѣйствительно были высланы, но вышеозначенные чиновники, получа то и другое, не возвратились въ Мѣховъ, а поступили, какъ потомъ оказалось, въ банды [1]).

[1]) *Примѣчаніе.* Для иллюстраціи мы приводимъ еще одинъ фактъ. Въ концѣ мая изъ Варшавы пришло предписаніе въ гор.

Въ заключеніе прибавимъ, что самые губернаторы (поляки) въ сіе время въ своихъ донесеніяхъ положительно изолгались: они постоянно клеветали на русскихъ солдатъ и русскихъ офицеровъ, посылаемыхъ противъ мятежническихъ шаекъ: то и дѣло обвиняли ихъ въ грабежѣ, разбояхъ, поджогахъ и т. п., а между тѣмъ о довудцахъ и мятежническихъ бандахъ и чинимыхъ ими ужасахъ не сообщали ни слова [1]).

Сувалки „воспретить ношеніе польскихъ контушей, чамарокъ и т. п., а также траурныхъ платьевъ и революціонныхъ знаковъ". Мѣры, принятыя вслѣдствіе этого полиціею, произвели волненіе. Молодежь собралась въ городскомъ саду, шумѣла, произносила разныя угрозы и пѣла гимны. Комендантъ города, полковникъ Кобро, арестовалъ нѣсколькихъ зачинщиковъ и посадилъ на гауптвахту. Толпы бросились къ губернатору (губернаторъ былъ полякъ) и убѣдили его идти съ ними на гауптвахту для освобожденія незаконно-арестованныхъ жителей. „Это было, говоритъ Бергъ, торжественное, демонстративное шествіе огромной массы всевозможныхъ сословій города, даже и разряженныхъ дамъ высшаго сословія". Арестованные были освобождены, среди громкихъ криковъ удовольствія и ругательствъ, направленныхъ противъ часовыхъ и караульнаго офицера. Послѣдній былъ положительно оплеванъ. Комендантъ счелъ нужнымъ донести обо всемъ случившемся прямо въ Петербургъ, вслѣдствіе чего въ Сувалкскую губернію назначенъ былъ особый военный начальникъ, генералъ Рудановскій, который получилъ приказаніе заняться разслѣдованіемъ всѣхъ этихъ фактовъ и принять мѣры, „чтобы они не повторялись". Пострадавшіе отъ его энергическихъ распоряженій люди нашли защиту въ Велепольскомъ. Рудановскій получилъ сперва замѣчаніе, а потомъ и совсѣмъ былъ отозванъ, а на его мѣсто посланъ полковникъ, баронъ Раденъ. См. Русск. Стар. Апрѣль 1879 г., стр. 610.

Примѣчаніе. Этимъ сочувствіемъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства народному жонду и объясняется то колоссальное воровство, какое случилось 7 и 8 іюня 1863 года въ главной кассѣ варшавскаго казначейства. Въ эти два дня изъ кассы украдено 3,600,000 р. Главными похитителями были: кассиръ Яновскій бухгалтеръ Гебду и студентъ С.-петербургскаго университета, Вашковскій (казненъ).

[1]) Подробности о двоевластіи въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году и вредныхъ дѣйствіяхъ гражданской власти смотри въ „Собраніи статей по польскому вопросу, помѣщенныхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Русскомъ Вѣстникѣ и Современной

Десять дней спустя послѣ объявленія военнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ, началось преслѣдованіе русскими войсками мятежническихъ лѣсныхъ бандъ.

Всѣхъ стычекъ русскихъ войскъ съ революціонными шайками, по свѣдѣніямъ военнаго журнала, было 631. Не описывая всѣхъ ихъ, скажемъ только о нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе выдающихся [1]).

22 января 1863 года была первая замѣчательная стычка русскихъ войскъ съ мятежниками при Венгровѣ, Сѣдлецкой губ. Около этого города собралась банда численностью въ 300 человѣкъ; на нее напалъ полковникъ Папаафанасопуло съ тремя ротами солдатъ и 4-мя орудіями и разбилъ на голову: болѣе 150 повстанцевъ осталось на мѣстѣ, а остальные бѣжали въ лѣсъ.

27 января подполковникъ Мѣдниковъ при селѣ Слупкѣ, Сандомирскаго уѣзда, Радомской губ., уничтожилъ двѣ соединенныя банды Райскаго и Франконскаго.

31 января полковникъ Чепгери при католическомъ монастырѣ Св. Креста, на Лысой горѣ (Радомской губ., Опатовскаго уѣзда) съ 5-ю ротами разбилъ 3000-ю банду Маріана Лянгевича, одного изъ самыхъ любимыхъ поляками довудцевъ (его почему-то называютъ вторымъ Костюшкою); тутъ русскими взяты были три деревянныя пушки, [2]) множество другого оружія и 11 возовъ

Лѣтописи за 1863 г." М. Н. Каткова. Москва 1887 г. Т. I, стр. 284—297, 522, 564, 599.

[1]) *Примѣчаніе.* За все время усмиренія мятежа потери съ русской стороны опредѣляются въ 3343 челов.; изъ нихъ убито 826 чел., ранено 2169, и 362 пропало безъ вѣсти. Съ польской стороны убито около 30,000 человѣкъ. См. Седмицы Павлищева, ч. II, стр. 314.

[2]) См. Седмицы польскаго мятежа—Павлищева. Спб. 1887 г., ч. II, и Русскую Старину за 1879 годъ, мѣсяцъ февраль.

съ багажомъ; между 70-ю убитыми оказались два ксендза съ оружіемъ въ рукахъ; тутъ-же захвачены были всѣ вещи Лянгевича и бумаги со списками его банды, инструкціями и т. п.; но самъ Лянгевичъ бѣжалъ. Въ этомъ дѣлѣ съ русской стороны убитъ былъ одинъ рядовой, а другой раненъ.

5-го февраля маіоръ Непенинъ разбилъ банду въ 3000 чел., напавшую на городъ Мѣховъ подъ начальствомъ довудцы Куровскаго. Во время этой схватки со стороны мятежниковъ убито 200 чел., а 75 взято въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ оказался самый важный и энергичный членъ народнаго жонда, Ярославъ Домбровскій. [1]) Съ русской стороны въ этомъ дѣлѣ пало 8 человѣкъ убитыми и 20 ранеными.

---

[1]) Судъ приговорилъ Домбровскаго къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ. Въ началѣ января 1864 г. онъ этапнымъ порядкомъ отправленъ былъ въ Сибирь къ мѣсту назначенія. Но въ Москвѣ, благодаря содѣйствію русскихъ революціонеровъ (въ томъ числѣ и Чернышевскаго), Домбровскій бѣжалъ въ г. Ардатовъ (Нижегородской губ.), гдѣ тоже при содѣйствіи русскихъ революціонеровъ похитилъ свою жену, жившую подъ надзоромъ полиціи, и вмѣстѣ съ нею отправился въ Парижъ. Въ Парижѣ онъ принялъ участіе въ покушеніи Березовскаго на жизнь императора Александра II, вслѣдствіе чего вынужденъ былъ бѣжать подъ именемъ „Земсты“ въ Швейцарію. Черезъ два года снова вернулся въ Парижъ, поступилъ въ шайку мошенниковъ, сталъ заниматься воровствомъ и поддѣлкою русскихъ кредитныхъ билетовъ, за что попалъ въ тюрьму. Въ 1871 году парижскіе коммунисты выпустили его. Послѣ этого Домбровскій въ качествѣ сторонника коммунистовъ бился съ версальскими войсками, гдѣ и погибъ. См. Устимовича стр. 83 и Русск. Стар. за 1879 г. декабрь, стр. 689.

Примѣчаніе. О бѣгствѣ Ярослава Домбровскаго изъ Москвы въ Русской старинѣ за 1879 г., мѣсяцъ декабрь, разсказывается такъ: По прибытіи въ Москву, Домбровскаго вмѣстѣ съ другими арестантами отправили въ баню. За нѣсколько минутъ до прихода ихъ въ баню пришла туда куча людей, одѣтыхъ въ хорошія барскія шубы и высокія бобровыя шапки—и тоже спрашивали баню. Имъ отвѣтили, что теперь нельзя: ждутъ арестантовъ, а вотъ когда они помоются, милости просимъ. „А скоро придутъ

Между тѣмъ въ Царство Польское изъ Парижа прибылъ Людовикъ Мирославскій, котораго, какъ мы видѣли, народный жондъ избралъ диктаторомъ Польши. Когда вѣсть объ этомъ распространилась по Царству Польскому, то радости поляковъ не было конца: всѣ ликовали, поздравляли другъ друга, какъ будто дѣло ихъ уже выиграно и Польша возстановлена въ предѣлахъ 1772 г., или какъ будто Мирославскій привелъ съ собою полмилліона войска.

Но радость поляковъ была непродолжительна, она скоро смѣнилась горькою печалію. По прибытіи въ Польшу Мирославскій остановился около мѣстечка Крживосондзъ (Варшавской губ. Родзіевскаго, уѣзда), сформировалъ банду въ 500 чел. и хотѣлъ было двинуться къ Вацлавску, но стоявшій тутъ русскій отрядъ подъ начальствомъ полковника Шильднеръ-Шульднера вышелъ къ нему на встрѣчу, 7-го февраля напалъ на него и истребилъ всю его банду. Мирославскій бѣжалъ въ рощиноцкій лѣсъ, къ мѣстечку Нововесь, и принялъ начальство надъ бандою нѣкоего довудцы Мелоцкаго; но тутъ 9-го февраля Шильднеръ-Шульднеръ снова напалъ на него и опять разбилъ на голову. Эти два пораженія такъ ошеломили диктатора, что онъ бросилъ дѣло жонда и, укравъ его казну, бѣжалъ въ д. Пловцы къ своей сестрѣ; переночевавъ у нея, онъ на другой же день сбрилъ себѣ бороду и съ паспор-

---

арестанты?"—Да вотъ они уже идутъ.—„Можно посмотрѣть?" — Отчего же, можно.—Часть бобровыхъ шапокъ осталась въ полутемномъ предбанникѣ, часть стала у дверей. Когда арестанты одинъ за другимъ стали входить въ предбанникъ, на Домбровскаго была накинута такая же шуба, какая была на всѣхъ вошедшихъ господахъ. Затѣмъ онъ вышелъ съ ними и исчезъ во мракѣ. Солдаты смотрѣли и ничего не замѣтили. Побѣгъ открыли по возвращеніи арестантовъ въ тюрьму, когда имъ стали дѣлать перекличку.

томъ купеческаго приказчика скрылся за границу. Такимъ образомъ роль Мирославскаго кончилась; фактически онъ былъ диктаторомъ четыре дня [1]).

Двукратное пораженіе Людовика Мирославскаго и его бѣгство удручающимъ образомъ подѣйствовали на временный народный жондъ, который растерялся, упалъ духомъ и не зналъ, что дѣлать. Этимъ, между прочимъ, постарались воспользоваться смертельные враги народнаго жонда или партіи Красныхъ—партія Бѣлыхъ, во главѣ которыхъ въ сіе время стояли: графъ Адамъ Грабовскій, графъ Адамъ Сапѣга, Селинскій, Колачковскій и Бентковскій. Партія эта постаралась убѣдить Маріана Лянгевича принять диктаторство и продолжать борьбу съ русскими войсками. Лянгевичъ не устоялъ противъ соблазнительнаго предложенія. 26 февраля онъ дѣйствительно принялъ на себя диктаторскую власть, о чемъ и оповѣстилъ всѣхъ жителей

[1]) О пораженіи Мирославскаго и его бѣгствѣ въ Русской Старинѣ разсказывается иначе, именно:

Послѣ пораженія при мѣстечкѣ Крживосондзѣ, Мирославскій принялъ начальство надъ бандою довудцы Мелецкаго и расположился около озера Гопло (на западъ отъ Варшавы, на границѣ съ Пруссіею). 6-го февраля Мирославскій, передавши начальство Мелецкому, отправился въ м. Иловцы къ помѣщику Бескарскому, женатому на его сестрѣ, въ гости; тутъ онъ и почевалъ. Утромъ, когда ему предложенъ былъ завтракъ, онъ получилъ извѣстіе, что русскіе подъ начальствомъ Шильднеръ-Шульднера напали около озера на его банду. Мирославскій отвѣтилъ самоувѣренно: „Ничего! я сейчасъ буду, мы разобьемъ москалей". Доѣлъ свой завтракъ и поскакалъ къ озеру Гопло, но было уже поздно: повстанцы бѣжали къ парому, бросая оружіе. Мирославскій, увидѣвши это, самъ бросился къ парому и скоро достигъ его съ нѣсколькими близкими ему лицами. Взойдя на паромъ, Мирославскій съ досады или съ испуга обрубилъ саблей канатъ. Переплывши на другую сторону рѣки, онъ бѣжалъ въ Парижъ.

Послѣ этого Мирославскій прожилъ 10 лѣтъ безъ дѣла, таскаясь по Парижу. Онъ умеръ въ 1873 г., 11 ноября.

Царства Польскаго особымъ циркуляромъ [1]). Но и Лянгевичъ, подобно Мирославскому, тоже недолго былъ диктаторомъ: всего 10 дней.

Принявъ диктаторскую власть, Лянгевичъ собралъ въ Келецкой губерніи 4000 человѣкъ и остановился около села Храбржа; но тутъ 6 марта на него напалъ полковникъ Ченгери и маіоръ Бентковскій съ 8-ю ротами солдатъ и поразили его на голову. Отсюда Лянгевичъ съ остатками своей банды бѣжалъ въ деревню Гроховиски и скрылся въ лѣсу; но здѣсь снова напали на него Ченгери и Бентковскій и опять поразили. Тогда Лянгевичъ во главѣ 2000 повстанцевъ бросился къ городу Опатову; за нимъ погнался Ченгери и настигъ около самаго Опатова, когда диктаторъ намѣревался переправиться черезъ рѣку Вислу, чтобы укрыться въ Галиціи. Тутъ произошла страшная свалка: большая часть мятежниковъ была перебита, много потонуло въ рѣкѣ, и только незначительная часть успѣла укрыться въ Галиціи; въ числѣ спасшихся былъ самъ Лянгевичъ и его адъютантъ

---

[1]) Подробности избранія Лянгевича диктаторомъ см. въ Русск. Стар. 1879 г., мартъ, 402 и 403 стр.

Примѣчаніе 1. Принятіе Лянгевичемъ диктатуры изъ рукъ Бѣлыхъ страшно озлило Красныхъ; но вслѣдствіе всеобщаго сочувствія къ Лянгевичу Красные не рѣшились протестовать, они даже предложили свои услуги новому диктатору, который изъ нихъ образовалъ „диктаторскую исполнительную комиссію“. Членами этой комиссіи были тѣ-же лица, которыя входили въ составъ „Временнаго народнаго жонда“, именно: Бобровскій, Гиллеръ, Микушевскій (ксендзъ) Лемпке, Яновскій, Миковскій и др.

Примѣчаніе 2. Подчиненіе Красныхъ Лянгевичу не помирило ихъ съ Бѣлыми; черезъ нѣсколько дней у нихъ снова началась ссора, которая кончилась тѣмъ, что представитель Бѣлыхъ, графъ Адамъ Грабовскій, вызвалъ на дуэль представителя Красныхъ, Бобровскаго, и убилъ его около Кракова. Подробн. см. въ Русск. Стар. 1879 г., мѣсяцы: апрѣль и май.

или, лучше сказать, адютантша Анна Пустовойтова [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* Весьма интересныя біографическія свѣдѣнія о Пустовойтовой помѣщены въ Русской Старинѣ (въ запискахъ Берга) за 1879 г., мѣсяцъ мартъ. Мы приводимъ выдержки.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ маіоръ капорскаго полка, Ѳеофилъ Пустовойтовъ, православнаго исповѣданія, женился на полькѣ и поселился съ нею въ имѣніи около Житомира. Тутъ у нихъ 1838 г. іюня 14-го родилась дочь, которую окрестили въ православную вѣру и назвали Анною. Дѣвочка росла подъ вліяніемъ матери. Мать на первыхъ порахъ постаралась внушить ей все польское и католическое: дѣвочка говорила по-польски и ходила только въ костелъ.

Послѣ домашняго воспитанія Анну Пустовойтову отдали въ Александрійскій институтъ (въ Пулавы, Люблинской губерніи). Тутъ дѣвочка еще больше ополячилась и окатоличилась, такъ какъ въ институтѣ все было устроено на польскій ладъ; предметы читались на польскомъ языкѣ.

По окончаніи института Анна Пустовойтова возвратилась къ родителямъ, которые, желая доставить ей удовольствія свѣтской жизни, свезли ее въ Житоміръ и помѣстили у бабушки (по матери), женщины, отличавшейся ненавистью ко всему русскому и православному. Въ домѣ бабушки воспитаніе Анны Пустовойтовой въ духѣ польско-католическомъ было довершено: Анна Пустовойтова сдѣлалась отчаянною польскою патріоткою и, подобно бабушкѣ, ненавистницею всего русскаго и православнаго.

Когда насталъ въ Польшѣ періодъ манифестацій, Анна Пустовойтова приняла въ нихъ самое горячее участіе, и не проходило въ Житомірѣ ни одной манифестаціи, ни одной демонстраціи, враждебной для Россіи, въ которой бы Анна Пустовойтова не заявила себя самымъ предосудительнымъ образомъ. О поступкахъ ея дошло до Варшавы, откуда пришелъ приказъ отправить Пустовойтову въ Москву, въ монастырь, на покаяніе.

16 августа Пустовойтова выѣхала въ Москву; но въ г. Ковелѣ (Волынской губ.) она притворилась больною. Врачи-поляки притворную болѣзнь удостовѣрили медицинскимъ свидѣтельствомъ и донесли въ Варшаву намѣстнику, что Пустовойтову дальше везти нельзя; въ то-же время намѣстнику (Лидерсу, нѣмцу) польскіе ксендзы постарались объяснить о неудобствѣ католичкѣ (Пустовойтову они представили намѣстнику по подложнымъ бумагамъ католичкою) жить въ православномъ монастырѣ. Намѣстникъ приказалъ вернуть ее въ Житоміръ и отдать подъ надзоръ полиціи.

Въ Житомірѣ Пустовойтова снова повела себя такъ, какъ и прежде. Тогда приказано было арестовать ее и отправить въ одинъ изъ женскихъ монастырей Костромской губерніи. Но мать подала прошеніе императору съ просьбою оставить дочь въ Житомірѣ, такъ какъ она, по словамъ матери, страдаетъ ча-

Но австрійское правительство всѣхъ арестовало и посадило въ крѣпость [1]).

Послѣ бѣгства Лянгевича Временный народный жондъ самъ взялъ власть въ свои руки. Членами жонда въ это время были тѣ же самыя лица, которыя въ началѣ января подняли вооруженное возстаніе [2]), именно: Оскаръ Авейде, Гиллеръ Агафонъ, Микушевскій (ксендзъ), Миковскій, Лемике, Яновскій (по прежнему секретарь жонда), Морчевскіе и др.

27 марта 1863 г. этотъ народный жондъ путемъ подпольной печати обнародовалъ слѣдующій декретъ: „Центральный народный комитетъ или Временный народный жондъ объявляетъ всему народу, что по случаю арестованія австрійскими властями диктатора Маріана Лянгевича высшую народную власть комитетъ снова принимаетъ въ свои руки. Въ видахъ охраненія страны отъ всякихъ замѣшательствъ, могущихъ произойти вслѣдствіе стараній добиться верховной власти, а тѣмъ болѣе сосредоточить ее въ рукахъ одного, всякое новое провозглашеніе диктатуры или въ какихъ-либо другихъ формахъ верховной народной власти, въ краѣ ли то или за предѣлами онаго, будетъ приниматься за государственное преступленіе“.

Но дѣло мятежа отъ этого не улучшилось; напротивъ, со дня бѣгства Лянгевича оно значительно ослабѣло: банды, то и дѣло, уничтожались русскими войсками,

---

хоткою. Просьба имѣла успѣхъ: дочь оставили въ Житомірѣ. А это только и нужно было: въ началѣ 1862 года дочь исчезла изъ города; куда она бѣжала—неизвѣстно. Но въ началѣ января 1863 г. явилась къ Лянгевичу и сдѣлалась его адъютантшею.

[1]) Лянгевичъ просидѣлъ въ крѣпости 2 года и затѣмъ, выпущенный на свободу, проживалъ въ Швейцаріи, Турціи и Франціи; умеръ въ декабрѣ 1881 г. въ Амьенѣ, въ госпиталѣ.

[2]) Кромѣ Бобровскаго, убитаго, какъ мы видѣли, Грабовскимъ на дуэли.

и довудцы одинъ за другимъ исчезали. Такъ между прочимъ:

3-го марта подполковникъ Горѣловъ истребилъ банду плоцкаго воеводы Сигизмунда Подлевскаго, при чемъ убито было 150 человѣкъ повстанцевъ; дѣло происходило при м. Дронжевѣ. Послѣ этого и самъ Подлевскій скоро былъ схваченъ и казненъ [1]).

10-го марта уничтожена банда Чаховскаго. Она состояла изъ 750 человѣкъ и раздѣлялась на два баталіона со стрѣлковою ротою; вооружена была бельгійскими штуцерами; на головахъ имѣла шапки съ

---

[1]) *Примѣчаніе.* О поимкѣ Подлевскаго передаютъ такъ: Послѣ Дронжевскаго пораженія Подлевскій рѣшительно потерялъ голову: онъ метался, какъ угорѣлый, то въ одну сторону, то въ другую и положительно не зналъ, что дѣлать. Наконецъ порѣшилъ подать просьбу жонду объ увольненіи, но жондъ не принялъ ея, а вмѣсто того приказалъ ему ѣхать на границу Пруссіи и встрѣтить тамъ шайки, идущія изъ Познани на помощь. Подлевскій повиновался. Въ концѣ апрѣля онъ, вмѣстѣ со своимъ штабомъ, выѣхалъ по назначенію. Но на дорогѣ, недалеко отъ мѣстечка Милыхъ—Ралзапъ, ихъ встрѣтилъ казакъ изъ летучаго отряда штабсъ-капитана Рутковскаго.

— „Кто ѣдетъ“? спросилъ казакъ.

— „Помѣщики“,—былъ отвѣтъ.

— „Ваши паспорты!“ потребовалъ казакъ.

— „Намъ некогда“, отвѣтилъ самъ Подлевскій: „а вотъ, братецъ, тебѣ на водку; возьми и оставь насъ въ покоѣ“. При этихъ словахъ Подлевскій подалъ казаку сторублевую бумажку. Казакъ опѣшенъ былъ такою огромною суммою и сейчасъ догадался, что это не простые помѣщики, а потому, отвергши деньги, снова потребовалъ паспорты. Тогда ему предложили 200, 300, 400 и 500 р., но казакъ все настаивалъ, чтобы показали паспорты. Въ это время подъѣхалъ офицеръ Подлевскій, который, узнавши, въ чемъ дѣло, и увидя смущеніе ѣхавшихъ, приказалъ немедленно сдѣлать обыскъ. При обыскѣ нашли въ коллскѣ воеводскую конфирматку Подлевскаго, нѣсколько револьверовъ и цѣлую связку бумагъ самаго компрометирующаго свойства. Офицеръ приказалъ арестовать всѣхъ и отправить въ ближайшій городокъ Липно. Въ Липнѣ Подлевскій сознался во всемъ. Арестованныхъ перевезли въ городъ Плоцкъ и предали тамъ военному суду. Судъ приговорилъ Подлевскаго къ смертной казни, которая послѣдовала 3-го мая 1863 года.

изображеніемъ мертвой головы. Банда эта сосредоточена была въ Ладовскомъ лѣсу, близъ деревни Гуты (Люблинской губ., Замосцьскаго уѣзда). Тутъ ее атаковалъ полковникъ Мѣдниковъ, выбилъ изъ лѣса и прогналъ къ австрійской границѣ. Мятежники потеряли въ этомъ дѣлѣ 200 человѣкъ убитыми и 9 плѣнными,— много оружія, продовольственные запасы и церковную утварь. Въ числѣ убитыхъ былъ адъютантъ Чаховскаго и два ксендза. Съ русской стороны убито 10 и ранено 18 человѣкъ.

23 апрѣля маіоръ Квицинскій разбилъ банду Бончи. Банда эта состояли изъ 600 человѣкъ. Много было убитыхъ и много плѣнныхъ. Самъ Бонча бѣжалъ въ Радомскую губернію, гдѣ образовалъ новую банду.

24 апрѣля полковникъ Мѣдниковъ съ 5-ю ротами разбилъ банду Езерскаго. Банда эта имѣла болѣе 3000 человѣкъ. Дѣло происходило въ Глуховскомъ лѣсу у деревни Кобылянки (Замосцьскаго уѣзда), близъ австрійской границы. Банда потеряла 170 человѣкъ убитыми и ранеными. Съ русской стороны убито 25 чел. и 75 ранено.

25 апрѣля капитанъ Штеннель съ 3-мя ротами разбилъ банду въ 1200 человѣкъ подъ довудствомъ Ромбрена и Іордана. Дѣло было недалеко отъ мѣстечка Михаловицъ (Келецкой губ.). Остатки банды перешли австрійскую границу, гдѣ и были арестованы.

6-го мая генералъ-маіоръ Меллеръ-Закомельскій съ тремя ротами и тремя эскадронами, при двухъ орудіяхъ, разбилъ у фольварка Нововесь (Варшавской губ.) огромную шайку Грабовскаго. Мятежники потеряли 150 человѣкъ убитыми и 180 плѣнными.

12 мая подполковникъ Бремзенъ при д. Пискурахъ разбилъ большую банду Оборскаго; причемъ мятежники потеряли 100 чел. убитыми.

22 мая генераломъ Толемъ при г. Островѣ (Ломжинской губ.) истреблена 2000-я банда Ковальскаго и Юрковскаго.

Между тѣмъ эти постоянныя пораженія революціонныхъ бандъ произвели то, что польское общество мало-по-малу начало охладѣвать къ мятежу; многіе помѣщики въ сіе время стали громко выражать свое неудовольствіе на народный жондъ вслѣдствіе поборовъ, произведенныхъ имъ на дѣло революціи путемъ насилія [1]). Въ то же время сами повстанцы цѣлыми толпами стали возвращаться изъ лѣсовъ съ повинною къ правительству [2]).

Тогда Временный народный жондъ для поддержанія мятежа поручилъ одному изъ своихъ членовъ, именно Владиміру Лемпке, образовать общество кинжалистовъ [3]).

Къ концу мая общество это было составлено; оно состояло изъ 200 чел. и раздѣлено было на четыре отдѣла; каждый отдѣлъ завѣдывался особымъ начальникомъ. Главный начальникъ всего этого общества былъ студентъ варшавской медицинской академіи, Павелъ Ляндовскій.

Членами общества кинжалистовъ были разнаго рода подмастерья и самыя негодныя лица Варшавскихъ при-

---

[1]) Агенты жонда постоянно бродили по Ц. Польскому и силою забирали у помѣщиковъ лошадей, коровъ, овецъ, хлѣбъ, одежду и т. п. См. Сборникъ Каткова, стр. 526.

[2]) Лицъ, возратившихся съ повинною, правительство не подвергало никакому наказанію; съ нихъ обыкновенно брали только такъ называемую очистительную присягу, т. е. приводили ихъ въ костелъ и тутъ послѣ литургіи заставляли приносить клятву въ томъ, что они уже больше не будутъ принимать участія въ мятежѣ.

[3]) Общество это впослѣдствіи три раза измѣняло свое первоначальное названіе, именно: „Стража безопасности“, „Внутренняя народная стража“, „Черное архибратство“.

тоновъ: воры, мошенники, пропившіеся и промотавшіеся дворовые люди (оффиціалы). Жалованья они получали по 50 коп. въ сутки, но за каждое политическое убійство имъ платили особо: отъ 300 р. до 10 и менѣе.

Лица, поступившія въ число кинжалистовъ, обыкновенно приводились къ присягѣ ксендзомъ. Обрядъ присяги состоялъ въ слѣдующемъ: вновь поступающаго члена вводили въ особую комнату, приходилъ ксендзъ, клалъ на столъ веревку, два кинжала и все это покрывалъ крестомъ; затѣмъ вновь поступающему приказывали стать на колѣни, ксендзъ читалъ клятвенное обѣщаніе и заставлялъ цѣловать распятіе.

Первое политическое убійство совершено было надъ управляющимъ секретнымъ отдѣленіемъ канцеляріи намѣстника, надворнымъ совѣтникомъ Фелькнеромъ.

Варшавскій народный жондъ приказалъ убить Фелькнера Осипу Марцинковскому, который завѣдывалъ однимъ изъ четырехъ отдѣловъ общества кинжалистовъ, а тотъ поручилъ это дѣло кинжалисту Владиславу Котковскому и двумъ его товарищамъ. Убійцы двѣ недѣли слѣдили за своею жертвою, наконецъ поймали ее на улицѣ, прижали къ стѣнѣ одного дома и поразили кинжалами. Убѣгая отъ жертвы, Котковскій отрѣзалъ у нея ухо и передалъ его Марцинковскому, а тотъ временному жонду, какъ доказательство своей услуги.

Послѣ убійства Фелькнера произведенъ былъ пѣлый рядъ новыхъ убійствъ.

Особенно замѣчательны по своей дерзости два убійства: Скавронскаго и Бобровскаго.

I. Скавронскій (полякъ и католикъ), сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, проживалъ въ Варшавѣ и служилъ въ управленіи Варшавскаго оберъ-полиціймейстера. Кинжалисты давно грозили отцу и сыну за преданность правительству. Оба они были люди очень

образованные. Для приведенія въ исполненіе злодѣйскаго замысла поступлено было слѣдующимъ образомъ: Два чиновника—поляка изъ того же полицейскаго управленія, прикидывавшіеся друзьями Скавронскаго, заманили его въ кофейню. Одинъ изъ нихъ, подъ предлогомъ покупки папиросъ, вышелъ за убійцею, заранѣе подготовленнымъ, и возвратился вмѣстѣ съ нимъ. Злодѣй бросился съ кинжаломъ на Скавронскаго и распоролъ ему животъ, а затѣмъ убѣжалъ. Скавронскій, держась за рану, успѣлъ выбѣжать на улицу и указать полиціи убійцу, который тутъ же былъ схваченъ вмѣстѣ съ тѣмъ чиновникомъ, который привелъ его; другой чиновникъ успѣлъ бѣжать.

Смертельно раненый Скавронскій привезенъ былъ въ больницу при костелѣ св. Духа, гдѣ и умеръ 14-го августа.

О послѣднемъ днѣ жизни Скавронскаго очевидецъ передаетъ: „за нѣсколько часовъ до смерти, по распоряженію католическихъ монаховъ, завѣдующихъ больницею, къ Скавронскому впустили жену его убійцы. Та, подойдя къ кровати умирающаго, стала проклинать его за то, что онъ указалъ полиціи на ея мужа; затѣмъ подошла къ нему католическая монахиня, бывшая здѣсь въ качествѣ сестры милосердія, и въ свою очередь стала укорять его за то же, потомъ прибавила: „тебѣ остается жить не больше часа,—скажи начальству, что ты оболгалъ указаннаго тобою убійцу; его смерть тебя не спасетъ, а ты погубишь свою душу“. Слова эти прерваны были приходомъ русскаго офицера, который прогналъ монахиню“.

II. Барановскій (изъ татаръ, магометанинъ) былъ начальникомъ отдѣленія въ управленіи Варшавскаго оберъ-полиціймейстера Левшина; онъ отличался образованіемъ и преданностью правительству. Барановскій

написалъ проэктъ о наймѣ дворниковъ и запираніи воротъ,—проэктъ весьма важный: онъ давалъ возможность скорѣе схватить убійцу, когда тотъ, по совершеніи злодѣянія на улицѣ, будетъ спѣшить укрыться въ какомъ-нибудь домѣ, какъ это прежде бывало [1]). Этотъ проэктъ былъ причиною того, что народный жондъ положилъ умертвить Барановскаго.

Еще задолго до убійства, Барановскій получилъ извѣстіе изъ вѣрнаго источника о томъ, что его хотятъ убить. По этому поводу онъ нѣсколько разъ обращался къ оберъ-полиціймейстеру Левшину съ просьбою дать ему или казенную квартиру, или полицейскую охрану; но въ томъ и другомъ ему почему-то было отказано. Извѣстіе дѣйствительно подтвердилось: 2-го сентября, въ понедѣльникъ, въ 7 часовъ вечера, на дворъ того дома, гдѣ жилъ Барановскій, взошли шесть человѣкъ; потомъ одинъ изъ нихъ отдѣлился, подошелъ къ дверямъ квартиры Барановскаго и позвонилъ; ему отворила жена Барановскаго. Вошедшій оказался полиціантомъ „дозорцею“ (городовой) Яросинскимъ; онъ заявилъ женѣ Барановскаго, что присланъ къ ея мужу отъ оберъ-полиціймейстера. Барановская, хорошо зная Яросинскаго, пошла къ мужу, который въ это время занимался въ кабинетѣ. Мужъ на первыхъ порахъ не хотѣлъ было выходить, но жена успокоила его, сказавъ, что пришелъ именно тотъ дозорца, который постоянно ходитъ къ нимъ. Барановскій вышелъ. Яросинскій въ одно мгновеніе подскочилъ къ нему и пронзилъ кинжаломъ въ самое сердце. Жена и дочь бросились на помощь, но злодѣй выхватилъ палашъ, рубнулъ

---

[1]) Въ Варшавѣ до этого почти всѣ политическія убійства совершаемы были открыто, среди бѣлаго дня, при многочисленныхъ зрителяхъ, и никто даже не пытался схватить убійцу, который всегда скрывался въ открытыя ворота ближайшаго дома.

одну и другую и спокойно вышелъ къ своимъ товарищамъ, дожидавшимся его на дворѣ. Барановскій умеръ на мѣстѣ; жену и дочь привели въ чувство только на другой день.

Но и политическія убійства административныхъ лицъ не поправили дѣла народнаго жонда: мятежъ видимо все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, и средства его со дня на день истощались. Въ то же время русское правительство энергически продолжало истреблять мятежническія шайки. Такъ, между прочимъ:

6-го іюня въ южной части Радомскаго уѣзда поручикъ Плескачевскій уничтожилъ банду Конрада Блащанскаго (или Богдана Бончи). Банда была конная. Вооруженіе ея состояло изъ пики, сабли и пистолета. Одѣта—въ темно-синіе мундиры, съ малиновымъ прикладомъ. На головѣ—малиновыя кепи. Схватка была очень жаркая. Большая половина банды осталась на мѣстѣ, а остальные бѣжали въ лѣсъ. Самъ Блащанскій (или Бонча) былъ тяжело раненъ и безъ чувствъ упалъ на землю; но шайка его, убѣгая въ лѣсъ, захватила съ собою и своего предводителя. На слѣдующій день его, едва живого, привезли въ ближайшее мѣстечко и положили въ комнатѣ одного обывателя, гдѣ онъ и умеръ 7-го іюня. На другой день въ костелѣ мѣстечка отслужена была панихида 8-ю ксендзами. Выносъ тѣла происходилъ вечеромъ 8-го іюня. Гробъ, покрытый вѣнками и цвѣтами, несли на рукахъ до самаго кладбища при факелахъ и свѣчахъ. При погребеніи присутствовало 22 ксендза, болѣе 500 человѣкъ польской шляхты и масса жидовъ. Въ знакъ печали еврейскій раввинъ наложилъ на своихъ единовѣрцевъ, обитателей мѣстечка, трауръ.

8-го іюня маіоръ Рагоза на р. Стругѣ (Келецкой губ.) разбилъ банду довудцы Дунаевскаго. Банда имѣла

700 чел. Болѣе 200 ч. убито. Въ этомъ числѣ погибло много лучшей молодежи изъ Кракова и Львова. Въ числѣ убитыхъ. между прочимъ, находился ксендзъ-пробощъ (благочинный) изъ Пржевулова (Тарновскаго прихола). Этотъ ксендзъ командовалъ однимъ отрядомъ шайки Дунаевскаго и самъ лично водилъ въ атаку свой отрядъ.

18 іюня генералъ Ченгери уничтожилъ 2000-ю банду Хмѣленскаго. Дѣло происходило у города Предборжа (Опочинскаго уѣзда). Много было убито и много попалось въ плѣнъ. Самъ Хмѣленскій едва спасся бѣгствомъ.

23 іюля полковникъ Мѣдниковъ разбилъ довудцу Крука. Банда его имѣла въ составѣ болѣе 4000 ч. Дѣло происходило при дор. Хруслинѣ. Эта банда имѣла при себѣ нѣсколько деревянныхъ пушекъ, которыя при первыхъ же выстрѣлахъ всѣ разорвались [1]).

24 августа подполковникъ Іолтъ уничтожилъ при дер. Батаржѣ 2000-ю банду Лелевеля. Въ этомъ дѣлѣ погибъ и самъ довудца Лелевель.

Банда Лелевеля была послѣдняя крупная банда, съ которою имѣли дѣло русскіе отряды [2]).

---

[1]) См. Седмицы Павлищева, т. II, стр. 148 и 149.

[2]) *Примѣчаніе.* Скоро послѣ истребленія банды Лелевеля произошелъ слѣдующій случай, который, между прочимъ, свидѣтельствуетъ о глубокой преданности русскихъ офицеровъ къ своему Государю. Недалеко отъ г. Кѣлецъ, по опушкѣ лѣса проѣзжалъ капитанъ Никифоровъ вмѣстѣ съ фельдфебелемъ Яковлевымъ и десятью солдатами, дѣлая рекогносцировку. Вдругъ изъ лѣсу выскочила банда человѣкъ въ 50-ть и окружила русскихъ. Началась страшная перестрѣлка. Русскіе бились болѣе двухъ часовъ. Солдаты всѣ были перебиты, остались въ живыхъ только капитанъ Никифоровъ и фельдфебель Яковлевъ. Этихъ живьемъ поймали. Когда мятежники держали за руки и за ноги капитана, подошли довудца и его свита. Они стали хвалить Никифорова за храбрость и при этомъ говорить, что такой замѣчательный человѣкъ, какъ Никифоровъ, давно бы долженъ быть не

Послѣ пораженія банды Лелевеля, въ Царствѣ Польскомъ остались только мелкія банды въ 50, 100 и рѣдко въ 200 человѣкъ. Ясно было, что мятежъ отживалъ послѣднее время.

капитаномъ, а генераломъ; а затѣмъ предложили ему перейти на ихъ сторону. „Народный жондъ", сказали они, „немедленно сдѣлаетъ Васъ генераломъ".

„Что? вы хотите, чтобы я измѣнилъ моему Государю? Ахъ вы мерзавцы! закричалъ онъ громовымъ голосомъ, да какъ же вы осмѣлились сказать это мнѣ, русскому офицеру; вы смѣяться надо мною хотите, а? Да гдѣ же это видно, чтобы русскій офицеръ измѣнилъ своему Государю"?

— „Такъ мы тебя повѣсимъ", сказали мятежники.

— „Тысячу разъ вѣшайте, а я не измѣню своему Государю".

— „Такъ мы тебѣ изобрѣтемъ такую лютую казнь, что ты и жизни будешь не радъ".

— „Мерзавцы вы, подлецы, загремѣлъ на это Никифоровъ, да нѣтъ той лютой казни на свѣтѣ, которая бы заставила русскаго офицера забыть свой долгъ и свою присягу!"

Послѣ этого мятежники накинули Никифорову петлю на шею и, перебросивши веревку черезъ дерево, потянули вверхъ. Когда Никифоровъ уже приподнятъ былъ отъ земли, то онъ освободилъ правую руку, сжалъ ее въ кулакъ и, грозно потрясая въ воздухѣ, снова закричалъ: „Ахъ, вы мерзавцы, да какъ вы смѣли сказать мнѣ, чтобы я измѣнилъ своему Государю!" Затѣмъ, спустя нѣсколько секундъ, онъ снова потрясъ грозно кулакомъ и снова закричалъ, но уже хриплымъ и умирающимъ голосомъ: „Помните, подлецы вы, что еще трупъ мой не успѣетъ остынуть, какъ всѣ вы будете повѣшены на этомъ деревѣ". Съ этими словами герой умеръ; рука такъ и осталась вытянутою и сжатою въ кулакъ.

Эти слова и грозное предсмертное потрясеніе руки страшно подѣйствовали на мятежниковъ: они оцѣпенѣли отъ ужаса и минутъ 15-ть стояли какъ окаменѣлые и ничего не дѣлали, пока одинъ изъ нихъ не закричалъ: „братцы! а что же мы будемъ дѣлать съ этимъ москалемъ", указывая на Яковлева. Бросились къ Яковлеву. „Что съ тобою дѣлать, говори, москаль?" Яковлевъ упалъ на колѣни и, обливаясь слезами, сказалъ: „Отцы родные, будьте милосерды, окажите Божескую милость: повѣсьте и меня вмѣстѣ съ моимъ капитаномъ, вѣкъ не забуду, и Богъ васъ наградитъ за ваше доброе дѣло". Но въ этотъ моментъ изъ-за лѣсу вылетѣлъ пикетъ казаковъ, человѣкъ 150. Онъ моментально окружилъ мятежниковъ; большую половину истребилъ ихъ, а человѣкъ 10-ть, оставшихся въ живыхъ, повѣсилъ на томъ деревѣ, на которомъ висѣлъ Никифоровъ. Такимъ образомъ предсмертныя слова капитана Никифорова исполнились почти буквально.

Чтобы пополнить банды и увеличить самое число ихъ, Временный народный жондъ задумалъ привлечь къ мятежу простой сельскій народъ, крестьянъ, которыхъ въ сіе время въ Царствѣ Польскомъ насчитывалось болѣе двухъ милліоновъ человѣкъ, и которые до сего времени рѣшительно стояли въ сторонѣ отъ дѣла мятежа. /

Для этой цѣли жондъ началъ издавать газету „Косиньеръ“, спеціально предназначенную для крестьянъ. Въ одномъ изъ номеровъ этой газеты, между прочимъ, разсказывается, какъ одинъ крестьянинъ, бывшій свидѣтелемъ возстанія поляковъ въ 30 году, созываетъ къ себѣ своихъ земляковъ и передаетъ имъ о подвигахъ своихъ собратій-крестьянъ въ минувшемъ возстаніи; потомъ приказываетъ принесть себѣ косу, стать всѣмъ передъ нею на колѣни и произнести торжественную клятву, что и они будутъ биться за родное отечество, Польшу.

Затѣмъ Временный народный жондъ выпустилъ къ крестьянамъ воззваніе такого рода: „Братья! извѣстно вамъ, да и вы уже, конечно, не разъ видѣли нашихъ братій раненыхъ, жестоко замученныхъ разъяренными московскими солдатами. Слышали также, конечно, не разъ, что наши борются,—за что же?, За нашу святую вѣру, такъ постыдно угнетаемую Москвою, за вольность, такъ какъ мы страшно угнетены. Но, быть можетъ, не знаете того, что царь московскій издалъ приказъ (который опубликованъ былъ повсюду), которымъ велѣно убивать всѣхъ католиковъ, какъ враговъ православія. Что же станется со всѣми нами? что станется со стариками-отцами, нашими женами, дѣтьми,

---

Капитанъ Никифоровъ похороненъ былъ съ великою честію. Рука его такъ и осталась протянутою и сжатою въ кулакъ; соотвѣтственно этому ему и гробъ такой сдѣлали.

всѣмъ нашимъ имуществомъ?“ и т. д. Въ заключеніе прибавлено: „Братья земляки! соединимся всѣ вмѣстѣ и будемъ биться до послѣдней капли крови!“..

Кромѣ этого, жондъ выпустилъ массу брошюръ и разнаго рода плакатовъ.

Но ни газеты, ни воззванія, ни брошюры съ плакатами, ничто не подѣйствовало на крестьянъ: крестьяне не пристали къ жонду и не пошли въ мятежъ.

Послѣ этого жондъ, чтобы заставить крестьянъ идти въ мятежъ, рѣшился прибѣгнуть къ болѣе энергическому средству, именно къ веревкѣ и кинжалу. Для этой цѣли жондъ разослалъ во всѣ стороны Царства Польскаго множество своихъ агентовъ, такъ называемыхъ жандармовъ-вѣшателей и кинжалистовъ, съ тѣмъ, чтобы они силою заставляли крестьянъ идти въ банды, въ противномъ случаѣ ослушниковъ вѣшали бы или закалывали.

И дѣйствительно, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ продолженіе какихъ-нибудь пяти или шести мѣсяцевъ мятежниками повѣшено и зарѣзано невинныхъ крестьянъ болѣе 2000 [1]).

Но и это не помогло: крестьяне остались вѣрны правительству; мало того, они съ самаго начала мятежа содѣйствовали русскимъ властямъ въ подавленіи мятежа. Вотъ примѣры:

1. Крестьяне деревни Ченстоборовицъ (Люблинской губ.), собравшись толпою, напали на домъ своего ксендза и хотѣли вытащить его оттуда, чтобы убить за то, что онъ подговаривалъ ихъ къ возстанію. Къ счастію ксендза подоспѣлъ помѣщикъ Древинскій, который увезъ его въ свое имѣніе и тамъ скрылъ. Но крестьяне явились и туда, окружили домъ Древинскаго

[1]) См. Сборникъ Каткова, т. II, стр. 909, 910, 911 и 1139.

и потребовали выдачи ксендза; кромѣ того, они потребовали еще выдачи провіантоваго писаря, горжельнаго, мельника, двухъ оффиціантовъ и гувернера, грозя сжечь домъ самого Древинскаго, если онъ не исполнитъ ихъ требованія. Древинскій выдалъ всѣхъ, просилъ только не убивать ихъ, а представить живыми по начальству, что крестьяне дѣйствительно и сдѣлали.

2. Крестьяне деревни Стрыхъ подали правительству коллективную жалобу на своего помѣщика графа Замойскаго и ксендза Буржинскаго за то, что они подбивали ихъ къ возстанію, а на ксендза еще за то, что онъ лишилъ ихъ св. причастія за нежеланіе идти въ мятежъ.

3. Крестьяне цѣлаго Липовскаго уѣзда (Келецкой губ.) прислали депутацію къ военному начальнику съ просьбою дозволить имъ ловить мятежниковъ.

4. Крестьяне деревни Олесницы (Радомской губ.) убили своего войта за пропаганду въ пользу мятежа.

5. Польскіе паны Краснятовскаго уѣзда (Люблинской губ.) въ началѣ іюля 1863 г., по предписанію жонда разсыпались по разнымъ деревнямъ и стали уговаривать крестьянъ идти въ мятежъ, но крестьяне ихъ арестовали и передали въ руки начальства.

6. Въ сентябрѣ 1863 года агитаторы явились въ деревню Летычеву, созвали на площадь жителей какъ этой деревни, такъ и двухъ сосѣднихъ—Модеи и Кольбина, привели ксендза и стали требовать, чтобы тѣ присягнули на борьбу съ „москалями“, но крестьяне всѣ поголовно отказались отъ этого.

7. Въ началѣ декабря 1863 года магазинеръ горнаго завода въ м. Сельпи, Бяльчевскій, явясь въ Радомицкую гмину, созвалъ крестьянъ и сталъ подстрекать ихъ къ возмущенію, при чемъ, укоряя ихъ, говорилъ, что они хуже жидовъ, потому что жиды давно

пристали къ панамъ и вмѣстѣ съ ними идутъ на москалей; но на это крестьяне заявили: „Мы не можемъ противиться царю, потому что онъ дѣлаетъ намъ добро, и теперь намъ хорошо, а дальше будетъ еще лучше; паны насъ губятъ: они хотятъ войны, чтобы мы пропали“, и никто не возмутился и не пошелъ въ мятежъ.

8. 6 ноября 1863 г. крестьяне напали на г. Рыпинъ (Плоцкой губ., Липовскаго уѣзда) и захватили тамъ цѣлый кружокъ революціонеровъ, состоявшій изъ 25 лицъ.

9. Въ декабрѣ 1863 года около г. Радома мятежники поймали крестьянина Левандовскаго, привели въ лѣсъ и стали требовать отъ него, чтобы онъ присягнулъ на евангеліи, которое поднесъ ему бывшій тутъ ксендзъ бернардинскаго монастыря въ Радомѣ, въ томъ, что онъ согласенъ идти на москалей и даже на самого царя, если ему прикажутъ; но крестьянинъ отказался. За это его хотѣли убить, но онъ бѣжалъ; два дня голодный скитался по лѣсу, а на третій явился въ Радомъ къ начальнику жандармовъ и все передалъ. По его указанію въ ту же ночь арестовали въ монастырѣ ксендза и его четырехъ соучастниковъ.

10. Въ Кіевской губерніи нѣкоторые польскіе помѣщики собрали своихъ крестьянъ и стали ихъ подбивать идти въ лѣсъ въ банды; тѣ согласились и пошли въ лѣсъ, но лишь только пришли въ чащу деревьевъ, какъ напали на помѣщиковъ и всѣхъ перебили.

11. Въ Радомской губерніи, въ Опочинскомъ уѣздѣ, въ гминѣ Радзицѣ, крестьяне, узнавъ, что въ домѣ помѣщика собирается окрестная шляхта и ксендзы, и ведутъ переговоры о мятежѣ, напали на домъ помѣ-

щика, окружили его и хотѣли всѣхъ ихъ вырѣзать, но тѣ вовремя успѣли скрыться.

12. Крестьяне деревни Косачева, Люблинской губ., избили своего войта Урбанскаго за подговоръ идти въ мятежъ и отвели въ Люблинъ. И когда имъ назначили другого, то они не приняли его и при этомъ заявили, что они только того примутъ, кто будетъ имѣть приказъ военнаго начальника Люблинскаго округа, генерала Хрулева [1]).

Но если народному жонду не удалось подбить крестьянъ противъ русскаго правительства, за то онъ нашелъ себѣ усердныхъ и энергическихъ помощниковъ къ лицѣ ксендзовъ и католическихъ монаховъ. Смѣло можно сказать, что кинжалисты, ксендзы и католическіе монахи были главными двигателями польскаго мятежа 1863 года: они первые его начали [2]), они его и закончили; по крайней мѣрѣ извѣстно, что послѣднимъ былъ повѣшенъ кинжалистъ, ксендзъ Бржоско.

Революціонная дѣятельность польскаго католическаго духовенства на первыхъ порахъ выразилась произношеніемъ въ костелахъ въ высшей степени возмутительныхъ проповѣдей, такъ:

---

[1]) О преданности польскихъ крестьянъ русскому правительству и нежеланіи ихъ идти въ мятежъ подробно можно прочитать въ брошюрѣ „Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи 1863 г.“ Брошюра эта написана въ 1863 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, профессорами Кіевскаго университета и ими подписана. А также см. Седмицы Павлищева.

Примѣчаніе. Англійская газета Таймсъ въ одномъ изъ нумеровъ своихъ за 1863 г. заявила цѣлой Европѣ, что польскіе крестьяне преданы русскому правительству и страшно ненавидятъ своихъ паповъ. См. Сборникъ Каткова, т. II, стр. 740.

[2]) 1860 г. 11-го іюня хоронили въ Варшавѣ вдову бывшаго генерала польскихъ войскъ, Савинскаго, павшаго въ войнѣ 1831 г.; на этихъ похоронахъ ксендзъ Сплѣшинскій сказалъ въ высшей степени дерзкую проповѣдь. Эту проповѣдь нѣкоторые относятъ къ первой демонстраціи польскаго мятежа.

1. Викарій Варшавскаго костела (Келецкой губ., Мѣховскаго уѣзда), ксендзъ Перко, въ день Рождества Христова произнесъ въ костелѣ возмутительную проповѣдь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „Братья прихожане! просите и молите Матерь Божію, чтобы она ходатайствовала предъ І. Христомъ о спасеніи нашей Св. Католической церкви и нашего народа отъ москалей и схизматиковъ". А затѣмъ, увидѣвъ среди слушателей объѣздчика Іонова, громко закричалъ: „вонъ отсюда этого русскаго нечистаго духа!"

2. 2-го февраля 1862 года ксендзъ Мелаховичъ въ Радомскомъ костелѣ, говоря проповѣдь, сравнивалъ положеніе Польши съ положеніемъ г. Сандомира въ XIII ст., когда на этотъ городъ напали татары, произвели страшныя жестокости надъ жителями и при этомъ убили 49 доминиканскихъ монаховъ. Въ заключеніе онъ просилъ ихъ въ это тяжелое время быть твердыми, подражать своимъ предкамъ и обрекать себя на жертву.

3. 26-го іюня въ костелѣ дер. Коканикъ (Калишской губ.) [1]) на вечернѣ бернардинскій ксендзъ Кольчинскій, пріѣхавшій изъ Варшавы, произнесъ въ присутствіи жандармскаго офицера и нижнихъ чиновъ такого рода проповѣдь: „Братія и сестры! Польскій край то былъ рай прежде, но онъ подѣленъ на три части. Турки и шведы напали на нашу землю, но Богъ смирилъ ихъ, какъ и теперь, въ эти годы, когда напали на крестъ, изрубили его, потоптали (намекъ на мартовскую демонстрацію), однакожъ крестъ какъ былъ, такъ и будетъ до скончанія вѣка. Хотѣлъ бы вамъ, братія и сестры, еще кое-что сказать, да уста мои

[1]) Въ этотъ день въ деревнѣ былъ храмовой праздникъ; сюда изъ Калиша вечеромъ прибыла церковная процессія со множествомъ народа.

связаны, и языкъ мой придавленъ; боюсь, чтобы не выдалъ меня кто-нибудь изъ враговъ, которыми я окруженъ. Невольно намъ пѣть и молиться въ нынѣшнихъ пѣсняхъ, но мы только таимъ это въ душѣ и сердцѣ. Милосердый Господь дастъ намъ все это одолѣть!“ При этихъ словахъ слушатели залились слезами и зарыдали, посылая проклятія русскимъ и православію.

4. 16-го сентября того же года на вечернѣ въ Калишскомъ каѳедральномъ костелѣ ксендзъ Рудницкій въ своей проповѣди прославлялъ и превозносилъ пятерыхъ лицъ, убитыхъ 25 марта, и въ заключеніе сказалъ: „вотъ примѣръ вамъ—идите всѣ съ оружіемъ въ рукахъ на враговъ нашихъ, и тотъ, кого убьютъ, получитъ мученическій вѣнецъ“.

5. 4-го ноября въ г. Люблинѣ ксендзъ Радомскій и того же числа въ м. Лагевникахъ ксендзъ Подгурскій говорили въ присутствіи штабъ-офицеровъ и начальника жандармской команды, нарочно прибывшихъ сюда по сему дѣлу, въ высшей степени возмутительныя проповѣди. Въ своихъ проповѣдяхъ оба ксендза убѣждали народъ поголовно вооружиться противъ русскихъ и съ оружіемъ защищать католическую вѣру и отечество.

28 іюля 1863 года въ Варшавѣ утромъ, во время обѣдни, во многихъ костелахъ ксендзы говорили самыя преступныя проповѣди: въ нихъ они успокоивали польскую публику относительно политическихъ убійствъ, указывая на необходимость ихъ для блага отчизны; совѣтовали публикѣ не волноваться и въ заключеніе сообщали, что есть еще до 280 жертвъ, обреченныхъ на смерть [1]).

[1]) Мы могли бы привести цѣлыя сотни подобныхъ примѣровъ, но краткость нашей книжки не позволяетъ намъ этого сдѣлать.

Въ одно время съ произнесеніемъ революціонныхъ проповѣдей, въ Царствѣ Польскомъ происходили и революціонные съѣзды духовныхъ лицъ, на которыхъ бѣлое и черное (монашествующее) духовенство другъ предъ другомъ спѣшило скрѣпить свой союзъ съ мятежомъ. Съѣзды эти начались еще съ осени 1861 года. Такъ:

14 сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня, въ Радомской губ., Опатовскаго уѣзда, въ Лысогорскомъ монастырѣ составленъ былъ первый съѣздъ католическаго духовенства съ цѣлію заявить свою солидарность съ мятежомъ. На этотъ съѣздъ собралось до 300 ксендзовъ и монаховъ; тутъ же былъ и Радомскій епископъ Юшинскій. Говорились рѣчи самаго возмутительнаго содержанія. Особенно отличился своею рѣчью, сказанною къ крестьянамъ въ самомъ костелѣ, ксендзъ Закржевскій. Онъ прямо и открыто требовалъ, отъ лица всего духовенства и церкви, чтобы всѣ поляки соединились съ мятежниками противъ „москалей“ и „схизматиковъ“, не ожидали бы ничего хорошаго отъ русскаго царя.

Послѣ этого съѣзда было много другихъ съѣздовъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ.

Но изъ всѣхъ съѣздовъ самый замѣчательный былъ съѣздъ 13 ноября 1862 года, такъ называемый „Подлясскій съѣздъ“.

Съѣздъ этотъ происходилъ въ г. Клочевѣ на Подлясьѣ. На этотъ съѣздъ собрались ксендзы и монахи изъ разныхъ епархій. Съѣздъ былъ многочисленный. Предсѣдателемъ съѣзда избранъ былъ представитель Подлясскаго епископа Веніамина Шиманскаго, ксендзъ-каноникъ Іосифъ Тенчинскій.

Съѣздъ этотъ положилъ во всемъ дѣйствовать согласно съ Центральнымъ комитетомъ и имѣть въ немъ

своего представителя. На одномъ изъ засѣданій своихъ съѣздъ этотъ составилъ и программу своихъ будущихъ дѣйствій. Вотъ содержаніе этого интереснаго документа:

„Подлясскіе депутаты", говорится въ документѣ, „собравшись на общее засѣданіе сего 13-го ноября 1862 года съ цѣлію разсмотрѣть тѣ средства, которыми можно бы помочь отчизнѣ, выслушавъ мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ, разсмотрѣли подробно основныя начала и стремленія двухъ комитетовъ: „Шляхетскаго [1])" и „Центральнаго [2])" и, прочтя протоколы засѣданія сандомирскаго духовенства, постановили слѣдующее:

1. Оно принимаетъ программу Центральнаго комитета (т. е. Красныхъ) во всей ея силѣ и цѣлости, исключая лишь то, что могло бы нарушить свободу и права римско-католической церкви.

2. Дабы сохранить полное единство въ дѣйствіяхъ, оно подчиняется распоряженіямъ Центральнаго комитета.

3. Во главѣ общаго движенія должно быть поставлено выборное духовное лицо. Лицо это должно по всѣмъ предметамъ сноситься съ представителями власти Центральнаго народнаго комитета. Въ помощь ему могутъ быть назначены выбранные большинствомъ голосовъ ксендзы по одному изъ деканата.

---

[1]) „Шляхетскій комитетъ" (Комитетъ партіи Бѣлыхъ) въ это время назывался „Пятый составъ дирекціи Бѣлыхъ". Предсѣдателемъ его былъ Эдуардъ Юргенсъ, членами: Рупрехтъ Карлъ, графъ Владиславъ Замойскій и др. (См. выше).

[2]) „Центральный комитетъ" (Комитетъ партіи Красныхъ, которая проповѣдывала ядъ, кинжалъ, убійства и т. п.) въ сіе время, какъ мы видѣли выше, назывался „Центральный народный комитетъ третьяго состава", предсѣдателемъ котораго былъ, вмѣсто арестованнаго Ярослава Домбровскаго, Сигизмундъ Подлевскій, а членами: Авейде Оскаръ, Гиллеръ Агаѳопъ и др. (См. выше).

4. Оно положило оказывать полное повиновеніе какъ уже вышедшимъ, такъ и впередъ имѣющимъ выйти распоряженіямъ и предписаніямъ комитета, во сколько послѣднія окажутся согласными съ благами церкви.

5. Принятое такимъ образомъ рѣшеніе обязательно для всѣхъ лицъ духовныхъ степеней, которыя должны подчиняться ему съ полною рѣшимостію, безусловно и безстрашно.

6. Организованное такимъ образомъ духовенство обязано приносить всякаго рода пожертвованія, какія будутъ опредѣлены довѣреннымъ лицомъ комитета.

7. Духовенство обязано всегда, когда это только можетъ потребоваться, принимать и приводить къ присягѣ всѣхъ лицъ, занимающихся работами по порученію Центральнаго комитета.

8. Согласно этимъ правиламъ, каждое духовное лицо должно исполнять возложенныя ими на него обязанности, подъ страхомъ отвѣтственности какъ предъ духовною, такъ и предъ свѣтскою властію.

9. Устроенную такимъ образомъ организацію, какъ въ общемъ ея видѣ, такъ и во всѣхъ ея частностяхъ, духовенство архіепископства Варшавскаго и епископства Холмскаго въ лицѣ выборныхъ своихъ, присутствующихъ на сегодняшнемъ общемъ собраніи, торжественно признаетъ, а духовенство подлясское съ своей стороны призываетъ духовенство всѣхъ епархій, какъ конгресувки, такъ и иныхъ провинцій единой и нераздѣльной Польши къ тому, чтобы они, не теряя минуты, поспѣшили организоваться, съ цѣлію немедленнаго приведенія въ исполненіе какъ основной программы, такъ и самыхъ рѣшеній Центральнаго комитета.

10. Мужъ довѣрія (т. е. каноникъ Іосифъ Тенчинскій) епископства Подлясскаго приглашаетъ депутатовъ

архіепископства (Варшавскаго) и Холмской епархіи, немедленно, по возвращеніи своемъ въ свои епархіи, созвать подобные же съѣзды и о результатахъ оныхъ увѣдомить какъ Центральный комитетъ, такъ и его самого, довѣренное лицо подлясскаго духовенства, и членовъ шляхетскаго комитета (т. е. членовъ партіи Бѣлыхъ“) [1]).

Таковы постановленія подлясскаго духовнаго съѣзда. Постановленіе это предписываетъ всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію власти Центральнаго комитета (т. е. партіи „Красныхъ“). На этомъ съѣздѣ духовенство изъ среды своей избрало представителя въ Центральный комитетъ, именно ксендза Микушевскаго (псевдонимъ Сикстусъ), который по этому случаю сказалъ проповѣдь, начинающуюся словами пророка Іоиля: „И сущаго отъ сѣвера отжену отъ васъ и отрину его на землю безводную и погублю лице его въ морѣ первомъ и задняя его въ морѣ послѣднемъ: и взыдетъ гнилость его, и взыдетъ смрадъ его, яко возвеличи дѣла свои“... и т. д. (Іоиль гл. II, ст. 20). Этимъ кощунственнымъ приложеніемъ текста священнаго писанія къ мятежу ксендзъ Микушевскій (Сикстусъ) прямо указывалъ на русскихъ, какъ на людей гнилыхъ, смрадныхъ, отрынутыхъ Богомъ, которыхъ нужно изгнать изъ Польши. Въ заключительныхъ словахъ своей проповѣди Микушевскій требуетъ безусловнаго повиновенія Центральному комитету и его распоряженіямъ какъ прежнимъ, такъ и будущимъ. Проповѣдь эта была отпечатана въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и распространена въ народѣ [2]).

---

[1]) См. Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи за 1864 годъ., сентябрь, стр. 348, 349 и 350.

[2]) См. Вѣстн. западной Россіи. 1864 г., сентябрь, 150 и 151 стр.

Кромѣ проповѣдей и съѣздовъ католическое духовенство занималось выпускомъ подпольныхъ брошюръ и изданіемъ газетъ, именно;

Въ маѣ 1862 г. вышла первая такого рода брошюра подъ заглавіемъ „Слово польскаго духовенства къ гражданамъ“. Эта брошюра запечатлена была страшною ненавистью къ Россіи. Въ ней писалось, во-первыхъ, чтобы крестьяне ни въ чемъ не вѣрили русскому правительству и, во-вторыхъ, чтобы польскіе помѣщики не пренебрегали въ школахъ мѣстными нарѣчіями, замѣняя только кириллицу латинскими буквами.

Въ концѣ іюля того же года появилась брошюра „Голосъ польскаго іерея.“ Брошюра эта напечатана была весьма изящно. Въ ней неизвѣстный авторъ текстами священнаго писанія доказываетъ необходимость вооружиться всѣмъ полякамъ противъ „москалей и схизматиковъ“ и между прочимъ требовалъ, чтобы Варшавскій католическій архіепископъ Филинскій своими пастырскими увѣщаніями содѣйствовалъ этому, а иначе онъ будетъ не пастырь, а наемникъ, расхищающій стадо.

Въ началѣ сентября 1862 года польскимъ духовенствомъ выпущена была брошюра подъ заглавіемъ „Слово польскаго духовенства къ польскимъ обывателямъ“. Въ началѣ этой брошюры съ грязью смѣшивалось все русское и православное, а потомъ въ яркихъ краскахъ изображалось ненормальное отношеніе польскихъ помѣщиковъ къ простому народу, къ крестьянамъ, и въ заключеніе совѣтывалось помириться съ крестьянами, привлечь ихъ на свою сторону и затѣмъ общими силами подняться для воскрешенія старой Рѣчи Посполитой.

Изъ газетъ, издававшихся въ сіе время польскимъ католическимъ духовенствомъ по своему революціонному

направленію особенно выдавались двѣ: „Звонъ или колоколъ духовный“ и „Голосъ ксендза“.

„Звонъ духовный“ въ первый разъ появился въ 1862 г., въ маѣ мѣсяцѣ. Въ этой газетѣ помѣщенъ былъ цѣлый рядъ небольшихъ статей, испещренныхъ текстами священнаго писанія, которыми доказывалось скорое возстановленіе Польши во всемъ ея прежнемъ величіи, и потому завѣщалось всему польскому народу вооружиться поголовно противъ враговъ ихъ и мучителей „москалей и схизматиковъ“.

Газета „Голосъ ксендза“ издавалась двумя ксендзами: ксендзомъ Карломъ Микушевскимъ (Сикстусомъ), членомъ народнаго комитета и ксендзомъ Жулинскимъ. Первые нумера ея появились въ концѣ 1862 года. Въ этой газетѣ не только поощрялись для возстановленія Польши всякаго рода политическія убійства, но даже благословлялось, какъ дѣло богоугодное, и самое цареубійство [1]).

Въ началѣ іюня 1864 г. по высочайшему повелѣнію въ Варшавѣ составлена была особая комиссія, которой поручено было изслѣдовать, какъ велико участіе, принимаемое въ послѣднемъ мятежѣ ксендзами и католическими монахами. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ директоръ департамента внутреннихъ дѣлъ, князь Черкасскій (извѣстный гуманистъ и составитель болгарской конституціи), а членами: генералъ-маіоръ графъ Оппермапъ, дѣйств. ст. сов. Н. Григорьевъ и др. Четыре мѣсяца комиссія работала надъ этимъ дѣломъ и затѣмъ представила обширную докладную записку, и въ ней списокъ лицъ католическаго духовенства какъ бѣлаго, такъ и чернаго (т. е. монашествующаго),

---

[1]) См. Вѣстникъ Западной Россіи за 1864 г., сентябрь, стр. 358. Сѣдмицы Павлищева. ч. II, стр. 330.

которыя болѣе или менѣе принимали дѣятельное участіе въ послѣднемъ мятежѣ.

Не повторяя здѣсь длинной вереницы именъ, означенныхъ въ спискѣ, мы скажемъ только о тѣхъ ксендзахъ и католическихъ монахахъ, которые особенно выдались своею преступною дѣятельностью на пользу революціи. Такъ:

I. Ксендзъ Дудзинскій изъ села Ланцухова (Люблинской губ., Краснетовскаго у.) занимался распространеніемъ революціонныхъ прокламацій.

II. Ксендзы: Кочетковскій и Іосифъ Лубинскій изъ м. Говорова занимались перевозкою оружія для мятежниковъ.

III. Прелатъ Бялобржесскій, временно управлявшій Варшавскою архіепископіею за смертію Фіалковскаго, подстрекаемый членами капитула: Щигельскимъ, Домогальскимъ, Стецкимъ и Вышинскимъ, закрылъ всѣ Варшавскіе костелы съ цѣлію возбудить городское населеніе къ дружному фанатическому нападенію на русскихъ во имя католической религіи.

IV. Упоминаемый нами ксендзъ Карлъ Микушевскій (Сикстусъ), ксендзъ ордена Миссіонеровъ въ Варшавѣ, Древинскій, монахъ Варшавскаго монастыря тринитаріевъ, Юліанъ Выпыховскій, ксендзъ Королецъ, настоятель монастыря ордена Маріановъ (въ дер. Скуржицѣ), ксендзъ Матвѣй Комаровскій, ксендзы: Эдмундъ Грабскій и Маріанъ Пинскій, ксендзъ Котковскій и ксендзъ Робертъ Потоцкій—всѣ девять были членами и агентами народнаго жонда. Изъ нихъ особенно выдавались своею преступною дѣятельностью Древинскій, Котковскій и Потоцкій. Первый въ началѣ возстанія, по порученію Центральнаго комитета, переодѣвшись въ свѣтское платье, съ подложнымъ паспортомъ объѣхалъ всю

Плоцкую губернію и собиралъ такъ называемую народную дань, приводилъ мятежниковъ къ революціонной присягѣ и назначалъ изъ нихъ сотниковъ и десятскихъ. Второй отъ имени народнаго жонда занимался распространеніемъ среди крестьянъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Третій же, Потоцкій, извѣстенъ грабежами и разбоями [1]).

V. Клирикъ францискапскаго монастыря въ Лячевникахъ, Савицкій, монахъ бернардинскаго монастыря въ г. Липчицѣ, Рафаилъ Симеповскій, ксендзъ конгрегаціи канониковъ регулярныхъ въ м. Красникѣ, Торжицинскій, монахъ и каноникъ Валентинъ Пайдовскій и монахъ реформатовъ Войтѣхъ Ельгетъ—всѣ пять были предводителями шаекъ. Изъ нихъ болѣе всѣхъ извѣстенъ послѣдній, т. е. Ельгетъ; онъ ознаменовалъ себя неслыханнымъ звѣрствомъ, съ которымъ мучилъ не только русскихъ, попавшихся къ нему въ руки, но и польскихъ крестьянъ и другихъ безоружныхъ жителей Радомской губерніи.

VI. Настоятель Радомскаго бернардинскаго монастыря, Телесферъ Заборекъ, и монахи этого монастыря: Рохъ Клемкевичъ и Паулинъ Доманскій — всѣ трое разъѣзжали по Радомской губерніи и вербовали охотниковъ въ мятежъ.

Но этимъ не исчерпывается участіе польскихъ ксендзовъ и католическихъ монаховъ въ злодѣяніяхъ, которыми они ознаменовали себя въ послѣдній польскій мятежъ. Разъ сошедши на почву мірскихъ страстей и поправши святость клятвы, данной предъ крестомъ и

---

[1]) Ксендзъ Робертъ Потоцкій былъ ризничимъ Ченстоховскаго монастыря паулиновъ. Когда мятежъ сталъ стихать, этотъ ксендзъ обокралъ Ченстоховскую икону Божіей Матери: похитилъ цѣнныя вещи и, захвативши всѣ деньги, бѣжалъ за границу. Послѣ этого грабежа Ченстоховскій монастырь не скоро оправился.

Евангеліемъ, польскіе ксендзы и монахи уже не знали мѣры своимъ преступленіямъ: многіе изъ нихъ принадлежали къ обществу жандармовъ—вѣшателей и обществу кинжалистовъ, и запятнали себя страшными убійствами, именно:

I. Ченстоховскаго монастыря паулиновъ ксендзъ Плѣшинскій состоялъ начальникомъ общества жандармовъ—вѣшателей. По его приказанію совершенъ былъ цѣлый рядъ убійствъ совершенно безвинныхъ людей; въ нѣкоторыхъ убійствахъ онъ самъ лично принималъ участіе.

II. Монахъ капуцинъ Максъ Тарейво (изъ монастыря Ленлекъ), клирикъ ордена Францискановъ, Іосифъ Пахельскій—оба принадлежали къ обществу кинжалистовъ, и сами лично совершали политическія убійства.

III. Ксендзы Лещинскій и Маркевичъ убили шляхтича Старчевскаго и его хозяйку Констанцію [1]).

IV. Монахъ реформатскаго монастыря въ Велюнѣ, Станиславъ Корецкій, самъ лично повѣсилъ: сотника дер. Редошевичъ, Рабенду, крестьянина Лучика и крестьянку Софію Собчикъ. Если бы потомъ не удалось арестовать этого злодѣя, то и другія лица сдѣлались бы жертвою Корецкаго, такъ какъ при обыскѣ у него найденъ списокъ лицъ, которыхъ временный жондъ поручилъ ему повѣсить или убить [2]).

Но по собраннымъ комиссіею свѣдѣніямъ самыми страшными злодѣйствами отличились два духовныхъ католическихъ лица, именно:

I. Монахъ щавинскаго монастыря, ксендзъ Стефанъ Скупинскій. Объ этомъ монахѣ, между прочимъ, раз-

---

[1]) Убійство это совершено было 21 октября 1862 г. въ лѣсу, недалеко отъ г. Холма. См. Павлищева, т. I, стр. 178.

[2]) См. Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи 1864 г., стр. 359.

сказываютъ слѣдующее: 9-го января 1863 г. Скупинскій прибылъ въ дер. Санники, Гостынскаго уѣзда, Варшавской губ., и сталъ набирать народъ въ лѣсныя банды; 11-го января всѣхъ набранныхъ, подъ сильнымъ конвоемъ другихъ мятежниковъ, онъ отправилъ въ мѣстечко Жихлинъ, а самъ, между тѣмъ, не довольствуясь наличными силами, сталъ искать себѣ новыхъ жертвъ и между прочимъ пристalъ къ одной женщинѣ и сталъ настойчиво допрашивать, гдѣ ея мужъ. Бѣдная крестьянка долго отговаривалась незнаніемъ и тѣмъ вывела изъ терпѣнія Скупинскаго, который приказалъ одному изъ своихъ сподвижниковъ, нѣкоему Стржичковскому убить ее. Стржичковскій тотчасъ ударилъ ее пикою въ грудь, но сразу не убилъ. Несчастная крестьянка вскрикнула и, падая на землю, въ безсознательномъ состояніи успѣла произнести „въ стодолѣ“ (въ сараѣ). Тогда ксендзъ въ порывѣ бѣшенства выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ, а затѣмъ велѣлъ Стржичковскому добить ее, что и было немедленно исполнено. Потомъ самъ онъ зажегъ избенку бѣдной крестьянки и сарай, въ которомъ находился ея мужъ, надѣясь сжечь и его; къ счастію послѣдній уже успѣлъ скрыться. Дня черезъ три Скупинскій опять явился въ дер. Санники съ тѣмъ, чтобы навербовать новыхъ лицъ въ банды, но тутъ толпа крестьянъ въ числѣ 200 человѣкъ напала на него и въ мигъ растерзала на части.

II. Ксендзъ Бржоско. Бржоско своими злодѣйствами превзошелъ даже Скупинскаго. Онъ учился въ Яновской семинаріи (Люблинской губ.). Въ 1857 г. посвященъ въ ксендзы и назначенъ викарнымъ сперва въ г. Соколовъ, а потомъ въ г. Луцкъ (Сѣдлецкой губ.). Въ 1862 г. онъ бросилъ костелъ и бѣжалъ въ лѣсъ, откуда не разъ ходилъ къ крестьянамъ и подбивалъ ихъ къ возстанію. Часто Бржоско являлся въ села и

деревни по ночамъ, созывалъ крестьянъ, говорилъ имъ проповѣди самаго возмутительнаго свойства, при чемъ волосы его свѣтились отъ какого-то состава, которымъ онъ намазывалъ ихъ. Въ 1863 г., съ 10-го на 11-е января, Бржоско съ бандою въ 350 человѣкъ напалъ на г. Луковъ (Сѣдлецкой губ.) и перерѣзалъ нѣсколько десятковъ русскихъ солдатъ. Послѣ этого онъ поступилъ въ шайку довудцы Левандовскаго; потомъ перешелъ въ шайку Лелевеля и бился какъ простой солдатъ. Въ началѣ 1864 г. составилъ свою шайку и съ нею разбойничалъ цѣлый годъ въ Сѣдлецкой губерніи. По уничтоженіи шайки скрылся въ дер. Сыпиткахъ (Сѣдлецкой губ., Соколовскаго уѣзда) и два мѣсяца просидѣлъ у солтыса (волостного старшины) Бѣлинскаго, за фальшивою стѣною, вмѣстѣ съ адъютантомъ своимъ Вельчинскимъ. 17 апрѣля 1865 года ихъ обоихъ поймали и 11 мая въ г. Соколовѣ казнили [1]).

Изъ той же докладной записки мы видимъ, что не только отдѣльныя личности бѣлаго и чернаго католическаго духовенства принимали участіе въ послѣднемъ мятежѣ, но даже цѣлые монастыри со всею братіею оказались виновными въ семъ позорномъ дѣяніи, такъ:

I. Монастырь ордена Бенедиктиновъ въ дер. Гурѣ-Кальваріи давалъ у себя пріютъ начальнику шайки Фабіани и доставлялъ ему средства къ перевозкѣ мятежникамъ обмундированія, съ каковымъ и захвачены были монастырскія подводы.

II. Въ монастырѣ ордена Реформатовъ въ селѣ Сольцѣ, на р. Вислѣ, проживали предводители шаекъ Басакъ и ксендзъ Котковскій.

III. Того же ордена (Реформатовъ) монастырь въ дер. Бржезинахъ служилъ притономъ шайки Савицкаго и разнымъ мятежнымъ преступникамъ.

[1]) См. Павлищева, т. II, стр. 328.

IV. Монастырь ордена Миссіонеровъ въ Варшавѣ особенно отличился всякаго рода укрывательствами, такъ: 7 сентября въ этомъ монастырѣ укрылись злодѣи послѣ покушенія на жизнь Берга. Въ этомъ же монастырѣ нашелъ себѣ пріютъ и тайное убѣжище нѣкто Чарнецкій съ значительною частью суммъ, украденныхъ изъ главной кассы Варшавскаго казначейства. Изъ Варшавы Чарнецкій выѣхалъ съ деньгами на монастырскихъ лошадяхъ и скрылся въ монастырскомъ имѣніи Дивидахъ. Въ этомъ монастырскомъ имѣніи монахи въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ скрывали отъ глазъ правительства начальника жандармовъ-вѣшателей Викентія Бернацкаго и его помощника Леопольда Лебковскаго съ ихъ шайкою.

V. Монастырь ордена Доминикановъ въ г. Люблинѣ служилъ мѣстомъ сходокъ членамъ тамошней мятежнической организаціи и неоднократно укрывалъ у себя эмиссаровъ революціоннаго правительства, пріѣзжавшихъ изъ Варшавы. Монастырь этотъ еще извѣстенъ тѣмъ, что собиралъ огромныя толпы народа по нѣсколько тысячъ человѣкъ, которымъ монахи говорили самыя возмутительныя проповѣди.

VI. Монастырь бернардиновъ въ дер. Скемѣ былъ гнѣздомъ, куда собирались жандармы-вѣшатели, бѣглые монахи и разнаго рода политическіе убійцы [1]).

VII. Монастырь ксендзовъ-бернардиновъ въ Варшавѣ служилъ складомъ мятежническихъ мундировъ, оружія и подпольныхъ изданій; въ немъ найдены: типографскіе станки, формы для литья пуль и болѣе 100 отравленныхъ кинжаловъ [2]).

VIII. Монастырь ордена Кармелитовъ въ м. Оборахъ (Плоцкой губ.), подобно монастырю бернардиновъ въ

[1]) См. Вѣстникъ Западной Россіи 1864 г., сентябрь, стр. 354.
[2]) Тамъ же, стр. 355.

Скемнѣ, также служилъ гнѣздомъ, куда собирались жандармы—вѣшатели и разные политическіе преступники и убійцы.

Всѣхъ католическихъ монастырей въ 1863 г. въ Царствѣ Польскомъ насчитывалось 155. Изъ нихъ 109 уличены были юридическимъ путемъ въ содѣйствіи мятежу тѣмъ или другимъ способомъ [1]).

Но кромѣ ксендзовъ и монаховъ принимали участіе въ мятежѣ и католическіе епископы: они во имя религіи нерѣдко посылали бѣлое и черное духовенство на преступныя дѣянія, говорили проповѣди съ цѣлію воодушевить народъ къ поддержанію мятежа, разсылали посланія, собирали пожертвованія, устраивали процессіи, служили панихиды по казненнымъ политическимъ преступникамъ и т. п.

Такъ между прочимъ:

I. Варшавскій митрополитъ Фіалковскій предъ началомъ польскаго мятежа постоянно шептался съ польскими аристократами объ освобожденіи Польши и съ этою цѣлію нерѣдко устраивалъ у себя тайныя сходки [2]).

---

[1]) См. Седмицы Павлищева, ч. 2-ая, стр. 337 и 338. Вѣстникъ Западной Россіи 1864 г., сентябрь.

[2]) Фіалковскій умеръ въ 1861 г., 23 сентября.

Примѣчаніе. I. Самое погребеніе этого іерарха было большою демонстраціею. Очевидцы этого событія передаютъ такъ: впереди шли сироты и старцы Варшавскаго благотворительнаго общества, со всѣми членами сего общества; затѣмъ слѣдовали: учебныя заведенія обоего пола,—при чемъ реальная гимназія несла прикрѣпленную къ палкѣ таблицу съ гербомъ Польши и Литвы, а студенты медико-хирургической академіи несли знамя съ польскимъ орломъ и трехцвѣтными лентами; за учебными заведеніями шли: артисты и литераторы, штатъ городскихъ врачей, цехи съ знаменами, шапки которыхъ были украшены польскими орлами и увиты трехцвѣтными и траурными лентами. Потомъ шли: члены литературной архиконфратерны, делегаціи погребальнаго комитета, орденъ сестеръ фелиціанокъ, орденъ сестеръ милосердія; далѣе: черное духовенство, бѣлое духовенство, профессора ду-

II. Преемникъ Фіалковскаго епископъ Филинскій такъ же дѣйствовалъ, какъ и Фіалковскій, даже хуже. Правда, на первыхъ порахъ онъ хотѣлъ было идти рука объ руку съ правительствомъ, но потомъ, вслѣдствіе какихъ-то для насъ рѣшительно непонятныхъ побужденій, скоро перешелъ на сторону мятежниковъ и словомъ, и дѣломъ сталъ поддерживать смуту, такъ что правительство нашло нужнымъ удалить его въ Ярославль. Это было 1863 г. 2 іюня.

III. Подлясскій епископъ Шимановскій въ м. Ключевѣ составилъ собраніе изъ духовныхъ лицъ своей епархіи для выработки инструкціи, какъ дѣйствовать духовенству, когда вспыхнетъ мятежъ. Собраніе выработало правила, по которымъ духовныя лица обязывались во всемъ согласовать свои дѣйствія съ распоряженіями народнаго жонда. Правила были утверждены епископомъ.

IV. Ковенскій епископъ Волончевскій разрѣшалъ ксендзамъ идти въ шайки къ мятежникамъ и при этомъ снабжалъ ихъ походною церковною утварью.

V. Августовскій епископъ графъ Лубянскій 1863 г. 28 сентября навѣстилъ приговоренныхъ къ смерти, такъ называемыхъ жандармовъ-вѣшателей, Жаховскаго и Приземита, при чемъ первому далъ золотой образокъ,

---

ховной академіи, члены капитула, духовныя лица, исполняющія обрядъ погребенія; за ними несли крестъ архіепископа; послѣ этого несли: гробъ на плечахъ, терновые вѣнцы на подушкахъ (знакъ страданія Литвы и Польши подъ игомъ „москалей"), при нихъ, какъ бы для объясненія, гербы литовскій и польскій, тоже на подушкахъ. За гробомъ шло семейство покойнаго, тутъ же и катафалкъ слѣдовалъ; наконецъ крестьяне шли.

Примѣчаніе. II. Крестьяне попали въ эту процессію по принужденію помѣщиковъ. Особенно старался объ этомъ помѣщикъ Дангело. Онъ даже обѣщалъ крестьянамъ деревень: Мокотова, Галкова и др сбавить по рублю съ барщины, если они пойдутъ на погребеніе. См. Записки Берга и Седмицы Павлищева, ч. I.

а послѣднему—серебряный медальонъ, съ тѣмъ, чтобы образки эти находились на нихъ до совершенія казни, а потомъ отправлены были къ родителямъ преступниковъ на память о ихъ славныхъ подвигахъ (т. е. что они занимались вѣшаньемъ невинныхъ и безоружныхъ крестьянъ).

VI. Варшавскій номенаторъ, епископъ Ржевусскій, заступившій мѣсто Филинскаго, имѣлъ постоянныя сношенія съ революціонерами. Онъ первый наложилъ трауръ на костелы Варшавской епархіи по Филинскомъ и притомъ наложилъ по соглашенію съ народнымъ жондомъ.

VII. Виленскій епископъ Красинскій тоже имѣлъ постоянныя сношенія съ мятежниками, помогалъ имъ деньгами и противился правительственной власти при арестѣ духовныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ, за что подобно Филипскому, сосланъ былъ въ Ярославль.

Въ заключеніе мы должны сказать, что самъ римскій первосвященникъ, папа Пій IX, не безгрѣшенъ въ польской крамолѣ: своими дѣйствіями и поступками по отношенію къ Россіи и русскому правительству онъ много содѣйствовалъ поддержанію мятежа въ Царствѣ Польскомъ. Въ началѣ апрѣля 1864 г. онъ сказалъ по адресу Россіи и русскаго императора въ высшей степени возмутительную рѣчь, такъ что иностранная пресса пришла въ страшное негодованіе отъ этого. Вотъ отрывки этой рѣчи: „Извѣстно вамъ, отцы и братья, что кровь слабыхъ и невинныхъ всегда вопіетъ предъ престоломъ Всевышняго и требуетъ возмездія тѣмъ, кто ее проливаетъ. И въ наше время не льется ли также невинная кровь въ католической странѣ, въ несчастной Польшѣ, гдѣ такъ жестоко преслѣдуютъ ту самую религію, за которую св. Фиделій отдалъ свою жизнь! Я желалъ бы не говорить объ этомъ предметѣ, но

страшусь своимъ молчаніемъ навлечь на себя кару небесную, возвѣщенную пророкомъ тѣмъ людямъ, которые допускаютъ совершеніе беззаконій: горе мнѣ, умолчавшему! Совѣсть заставляетъ меня возвысить свой голосъ противъ того могущественнаго монарха, владѣнія котораго простираются до самаго полюса. Внемлите!

Вотъ онъ, этотъ могущественный монархъ, который, оставаясь внѣ лона нашей святой церкви, дерзаетъ назвать себя каѳолическимъ государемъ и забываетъ, что... (дальше слѣдуютъ выраженія, которыя мы опускаемъ: они слишкомъ недостойны въ устахъ не только намѣстника Христа, каковымъ себя считаетъ папа, но и въ устахъ обыкновеннаго человѣка). Этотъ монархъ съ безчеловѣчною жестокостью преслѣдуетъ польскую націю; онъ предпринялъ беззаконное дѣло—искоренить въ Польшѣ католическую религію и силою ввести въ ней расколъ. Слыханное ли дѣло – смѣщать епископовъ, поставленныхъ властію римскаго первосвященника и заключать ихъ въ тюрьмы!.. Я, сказалъ папа въ заключеніе своей рѣчи, хотѣлъ было промолчать, но побоялся, чтобы верховный Судія не вопросилъ меня со временемъ, зачѣмъ я безмолвствовалъ?“ и т. д. Вся рѣчь состоитъ изъ наглой лжи и хуленій [1]).

---

[1]) См. Сборникъ М. Н. Каткова, т. III, стр. 331, 336 и 337.

Примѣчаніе. Объ этой папской рѣчи одна изъ нѣмецкихъ газетъ, именно: „Neue Preussische Zeitung“, написала слѣдующее:

„Послѣдняя папская рѣчь по поводу польскаго мятежа составляетъ снова общій предметъ полемики въ заграничныхъ газетахъ, и было бы мало соотвѣтственно, еслибы нашъ старый корреспондентъ, въ теченіе многихъ лѣтъ безпристрастно слѣдящій за дѣятельностью законнаго правительства, съ одной стороны, и католическаго духовенства, съ другой, молчалъ въ виду этого происшествія. Здравому разсудку тѣхъ, которые, подобно намъ, имѣли возможность наблюдать собственными глазами за польскимъ мятежомъ во всѣхъ его фазахъ, трудно привести въ со-

Послѣ этой рѣчи, по приказанію папы Пія IX, кардиналомъ викаріемъ былъ распубликованъ эдиктъ, въ которомъ отъ имени папы повелѣвалось, чтобы за Польшу и ея народъ приносимы были особыя молитвы.

гласіе всѣ противорѣчія, заключающіяся въ вышесказанной рѣчи, и примирить справедливое осужденіе бунта и его разбойниковъ съ несправедливымъ осужденіемъ поведенія правительства по поводу наказанія тѣхъ изъ членовъ высшаго и низшаго духовенства, которые поджигали мятежъ и безчестили святость религіи демонстраціями, освященіемъ орудій убійства, благословеніемъ убійцъ и отпущеніемъ ихъ грѣховъ. Такимъ образомъ папа призналъ себя свѣтскимъ государемъ и, слѣдовательно, по его словамъ, онъ не можетъ толерировать наказанія подобныхъ преступниковъ, не противорѣча самому себѣ.

Императоръ всероссійскій не подвергаетъ наказанію ни одного р.-католическаго ксендза за проступки въ духовной сферѣ; онъ наказываетъ только мятежниковъ и разбойниковъ. Если-бы эти преступники остались безнаказанными, совмѣстно ли это было бы со справедливостью? не произвело ли бы это еще болѣе разрушительнаго вліянія на р.-католическую церковь, если бы духовный санъ покрывалъ собою явную измѣну и разбой? Что касается изгнанія епископа Филинскаго, который интернированъ въ не весьма отдаленномъ городѣ Ярославлѣ, гдѣ даже католическій епископъ имѣетъ свое сѣдалище, это составляетъ наказаніе столь мягкое, что ни одинъ р.-католическій государь не примѣнилъ бы подобнаго въ такихъ же самыхъ обстоятельствахъ. Епископъ Филипскій, пользуясь особымъ довѣріемъ императора и будучи подготовленъ съ юныхъ лѣтъ къ своему высокому сану, оказался сначала достойнымъ этого довѣрія, но впослѣдствіи увлекся. Что касается прелатовъ Бялобржескаго, Стецкаго и др., которые были равнымъ образомъ сосланы въ болѣе или менѣе отдаленные города Европейской Россіи, смотря по степени ихъ виновности, то они, какъ руководители политически-религіозныхъ демонстрацій, были приговорены къ весьма легкимъ наказаніямъ въ сравненіи съ существующими законами и съ другими соучастниками и подстрекателями мятежа. Но когда папская рѣчь называетъ нападеніемъ на церковь смертную казнь, къ которой были приговорены священники, совершившіе убійства беззащитныхъ женщинъ съ крестомъ въ одной и съ кинжаломъ въ другой рукѣ, какъ напримѣръ, священникъ Лендскаго монастыря, Максъ Тарейва, то она противорѣчитъ всѣмъ божественнымъ и человѣческимъ законамъ.

Точно также несправедливы и всѣ другіе возгласы противъ императора; онъ слишкомъ справедливъ въ отношеніи къ своимъ

Между тѣмъ правительство, продолжая усмирять мятежъ, нашло нужнымъ произвесть перемѣну среди лицъ, занимавшихъ высшія административныя мѣста въ Царствѣ Польскомъ, замѣнивъ ихъ лицами чисто русскаго происхожденія; въ то же время оно нашло нужнымъ устранить отъ дѣлъ и самого маркиза Велепольскаго: 25 іюня ему данъ былъ отпускъ, а 4 іюля онъ выѣхалъ за границу.

Но въ это же время и самъ великій князь Константинъ Николаевичъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья долженъ былъ покинуть занимаемый имъ постъ. 26 августа, послѣ обѣдни, Его Высочество, собравъ вокругъ себя военныхъ, простился съ ними, при чемъ объявилъ имъ монаршую признательность за вѣрную службу, труды, переносимые ими въ такое тяжелое время, какъ польская смута. На другой день Ихъ Высочества съ августѣйшими дѣтьми, отслушавъ напутственный молебенъ въ каѳедральномъ соборѣ, въ половинѣ 11 утра прибыли на станцію Варшавско-вѣнской желѣзной дороги и ровно въ 11 отбыли за границу, на воды, для поправленія здоровья.

Мѣсто намѣстника, послѣ великаго князя, занялъ графъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Берхъ. Ѳ. Ѳ. Берхъ былъ

поддаппымъ Россійской Имперіи, чтобы имѣлъ намѣреніе скупиться на счетъ р.-католической церкви въ покровительствѣ, которое онъ даетъ всѣмъ безъ различія вѣроисповѣданія. Но императоръ, во всякомъ случаѣ, не расположенъ терпѣть посягательства римской церкви, и вотъ почему онъ будетъ осуждаемъ ультрамонтанской партіей. Но всего хуже, что папа, по однимъ доносамъ нѣсколькихъ мятежныхъ, сильно скомпрометированныхъ бѣглецовъ, произнесъ рѣшеніе, исполненное оскорбительной строгости, тогда какъ ему столь легко было разузнать дѣло посредствомъ членовъ духовенства. Папа, въ своемъ трудномъ положеніи долженъ бы болѣе оплакивать это вновь возникшее столкновеніе, чѣмъ всероссійскій императоръ Александръ, который желаетъ только равной справедливости для всѣхъ вѣроисповѣданій.

сынъ небогатаго лифляндскаго дворянина. Родился 1793 г. Первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ родителей. Затѣмъ нѣкоторое время слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ. Въ 1811 г. поступилъ въ военную службу, именно: въ Рижскій корпусъ, назначенный охранять нижнее теченіе З. Двины. Въ 1812 г. 24 и 26 іюля принималъ участіе въ битвѣ генерала Левиза съ французами, за что получилъ первый офицерскій чинъ. Въ началѣ 1813 г. Ѳ. Ѳ. Бергъ вмѣстѣ съ русскими войсками перешелъ границу. По возвращеніи изъ-за границы женился и вышелъ въ отставку. Въ 1822 г. онъ снова поступилъ на службу и въ чинѣ полковника участвовалъ въ экспедиціи противъ туркестанскихъ киргизовъ.

По вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича Ѳ. Ѳ. Бергъ въ чинѣ генералъ-маіора назначенъ былъ вторымъ совѣтникомъ русскаго посольства при Оттоманской Имперіи. Въ 1828 г. онъ прикомандированъ былъ къ русской арміи, дѣйствующей на Балканскомъ полуостровѣ противъ турокъ. Участвовалъ въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ, за что получилъ крестъ св. Георгія 3-ей степени. Въ 1831 г. сначала подъ командою Дибича Забалканскаго, а потомъ — Паскевича Эриванскаго, бился съ поляками, за что былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта.

Въ 1843 г. Ѳ. Ѳ. Бергъ произведенъ былъ въ генералъ-отъ-инфантеріи.

Послѣ этого Ѳ. Ѳ. Бергъ исполнялъ нѣкоторыя секретныя дипломатическія порученія. Въ 1853 г. сдѣланъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Потомъ получилъ должность генералъ-губернатора В. Кн. Финляндскаго. Въ 1856 г. вышелъ въ отставку.

Шесть лѣтъ Ѳ. Ѳ. Бергъ былъ въ отставкѣ. Но въ мартѣ 1863 г. онъ снова былъ вызванъ на службу: его

сдѣлали помощникомъ великаго князя Михаила Николаевича и затѣмъ, какъ сейчасъ сказали, и намѣстникомъ [1]).

Новый намѣстникъ оказался человѣкомъ въ высшей степени энергичнымъ. Для скорѣйшаго подавленія мятежа, онъ прежде всего подчинилъ гражданскую и духовную власть военной. Распоряженіе это было весьма важнымъ: оно уничтожило въ Царствѣ Польскомъ указанное нами выше такъ называемое двоевластіе. Затѣмъ разослалъ военнымъ начальникамъ новую инструкцію, по которой представлялось имъ поступать съ мятежниками по личному усмотрѣнію, не донося въ Варшаву; потомъ, преобразовалъ Варшавскую полицію, при чемъ удвоилъ ея составъ и во главѣ ея поставилъ весьма даровитаго и способнаго человѣка — генерала Трепова; далѣе, разослалъ по городу циркуляръ такого содержанія: „Въ виду равнодушія публики при видѣ политическихъ убійствъ, совершаемыхъ кинжалистами на улицахъ Варшавы среди бѣлаго дня, симъ объявляю: а) что въ случаѣ умерщвленія или покушенія на жизнь кого-нибудь на улицѣ убійца не будетъ пойманъ; всѣ бывшіе свидѣтели этого событія и не оказавшіе помощи будутъ сочтены за соумышленниковъ преступленія и арестованы; б) что домъ, въ которомъ скроется убійца и тамъ не будетъ задержанъ хозяиномъ или жильцами, немедленно будетъ занятъ войсками и в) что подобной же отвѣтственности подвергнутся домохозяева и жильцы, если убійство или покушеніе на него совершено будетъ изъ какого-либо дома посредствомъ выстрѣла или иного оружія.“ Наконецъ сдѣлано было распоряженіе относительно осмотра монастырей, такъ какъ правительство уже давно замѣчало, что монастыри

[1]) Болѣе подробно см. Русск. Стар. 1879 г. мѣсяцъ май.

принимаютъ дѣятельное участіе въ крамолѣ. И дѣйствительно, этой мѣрой достигнуто было весьма важныхъ результатовъ, именно: въ одномъ монастырѣ нашли четырехъ кинжалистовъ, въ другомъ—складъ оружія, въ третьемъ—типографію жонда, въ четвертомъ (бернардинскомъ)—нѣсколько мѣшковъ особаго рода кинжаловъ, отравленныхъ ядомъ [1]), въ пятомъ—цѣлыя тысячи прокламацій; кромѣ того обнаружено, что монастыри со многими домами, откуда совершались политическія убійства соединены были темными подземными ходами, среди которыхъ устроены были теплыя и чистыя комнаты; открыли также, что нѣкоторые изъ женскихъ монастырей соединены были съ мужскими (капуциновъ и фелиціанокъ) также подземными ходами, при чемъ оказалось, что по срединѣ этихъ ходовъ были чистыя комнаты съ кроватями и даже двойными, подъ пологомъ (занавѣсою) [2]).

Всѣ эти энергическія мѣры графа Берга страшно поразили Временный народный жондъ. Жондъ упалъ духомъ и не зналъ на что рѣшиться и что придумать [3]).

---

[1]) *Примѣчаніе. I.* Кинжалы, употребляемые польскими мятежниками, имѣли видъ зазубренной стрѣлки вершка три въ длину. Убійца обыкновенно вонзалъ сзади въ шею своей жертвы эту стрѣлку, поворачивалъ ее въ ранѣ и оставлялъ въ ней. Чтобы вынуть эту стрѣлку изъ тѣла, нужно было дѣлать рану вчетверо больше. См. Воспоминанія Теобальдта, ч. V, гл. II, или же Каткова, т. II.

Примѣчаніе II. Теобальдтъ (жандармскій генералъ В. Ал. Роткирхъ) самъ былъ раненъ этимъ кинжаломъ въ 1863 г., 10-го декабря. См. ниже.

[2]) См. „Воспоминанія Теобальдта.“

[3]) Въ это время членами народнаго жонда были: Маевскій Карлъ, Авейде Оскаръ, Яновскій (секретарь жонда), Дембинскій Евгеній (онъ же Кочковскій и Котъ) и др.

Примѣчаніе. Раньше членами жонда, какъ мы видѣли, были еще: Гиллеръ Агафонъ, Морачевскій и Миковскій, но еще въ концѣ мая ихъ за что-то выбросили изъ состава.

Тогда среди красныхъ образовался небольшой кружокъ подъ названіемъ „кружка Игнатія Хмѣленскаго.“ Въ составъ этого кружка вошли самые ярые красные, именно: самъ Хмѣленскій Игнатій [1]), Вѣховскій Войцѣхъ (помѣщикъ), Петровскій Осипъ [2]), Кобылянскій Петръ [3]), Франковскій Станиславъ и др. Члены этого кружка на одномъ изъ своихъ засѣданій, вслѣдствіе вялости дѣйствій Временнаго народнаго жонда, порѣшили отнять у него власть и самимъ пріискать средства для парализованія дѣйствій графа Берга и вообще поддерживанія мятежа.

И дѣйствительно, въ началѣ сентября 1863 г. Хмѣленскій и вышеозначенные члены его кружка, вооружившись кинжалами и револьверами, напали на жондъ въ то время, когда онъ засѣдалъ, при чемъ однихъ убили, другихъ тяжело ранили, а третьихъ выбросили за двери и только пощадили тѣхъ, кто имъ безпрекословно подчинился, какъ напримѣръ: Маевскій и Яновскій.

Послѣ этого Хмѣленскій составилъ свой собственный народный жондъ, который онъ назвалъ „Жондъ анархистовъ.“ Членами этого жонда были все друзья Хмѣленскаго, вышеупомянутые нами члены его кружка.

Жондъ анархистовъ, захвативши власть въ свои руки, первымъ своимъ дѣломъ положилъ убить намѣстника, т. е. графа Берга, какъ человѣка самаго вреднаго для революціи. Для этой цѣли онъ пригласилъ на одно изъ своихъ засѣданій начальника кинжалистовъ—Павла Ляндовскаго, которому и поручилъ, какъ можно скорѣе привести въ исполненіе этотъ адскій замыселъ.

---

[1]) Бывшій предсѣдатель Варшавскаго городского комитета. См. выше.

[2]) Казненъ.

[3]) Сосланъ въ Сибирь.

Получивши приказаніе, Ляндовскій пригласилъ къ себѣ кинжалистовъ: Карповскаго, двухъ братьевъ Красускихъ (Феликса и Доминика), Виентовскаго, Рутовскаго и Купке, объявилъ имъ о приказаніи жонда и сдѣлалъ распоряженіе, гдѣ и какъ убить графа Берга. Такъ какъ намѣстникъ, прогуливаясь вечеромъ въ открытомъ экипажѣ, постоянно проѣзжалъ по Уяздовской аллеѣ, около дома Андрея Замойскаго. то положено было убить графа изъ дома Замойскаго посредствомъ выстрѣловъ изъ ружья и метательныхъ ручныхъ Орсиньевскихъ бомбъ. (bombes d'Orsini)

7 сентября заговорщики собрались въ домѣ Замойскаго, въ 6 номерѣ верхняго этажа, и стали ожидать намѣстника. Ровно въ 5 часовъ намѣстникъ, возвращаясь изъ мокотовскихъ казармъ, проѣзжалъ около дома Замойскаго и когда поравнялся съ 6-мъ номеромъ, то первый Карповскій выстрѣлилъ, а за нимъ остальные заговорщики пустили въ экипажъ по одной Орсиньевской бомбѣ и потомъ бѣжали [1]). Но графъ остался цѣлъ и невредимъ, пробито только пулею. пущенною

---

[1]) Впослѣдствіи всѣ эти заговорщики были пойманы и казнены.

Примѣчаніе I. Ляндовскій, послѣ покушенія на графа Берга, бѣжалъ за границу; но потомъ вернулся, принялъ псевдонимъ „косы" и былъ предводителемъ шайки. 1864 г. 14 февраля былъ пойманъ и приговоренъ къ смертной казни, но мать лично обратилась къ государю императору, когда тотъ былъ на водахъ въ Киссингенѣ, о помилованіи сына. Императоръ помиловалъ: смертную казнь замѣнивъ каторжными роботами. Помилованіе Ляндовскому пришло въ то время, когда онъ возведенъ былъ на эшафотъ, и ему уже надѣли смертную рубаху и на шею накинули петлю.

Примѣчаніе II. Въ Сибири въ каторжныхъ работахъ Ляндовскій былъ 11 лѣтъ; но въ 1875 г. онъ досталъ себѣ паспортъ на имя какого-то военнаго доктора, проѣхалъ всю Сибирь, свидѣтельствуя разныя аптеки и госпитали и наконецъ бѣжалъ въ Парижъ, откуда выслалъ бывшимъ своимъ товарищамъ по ссылкѣ въ Якутію, за Байкаломъ, свои фотографическія карточки. Русск. Стар. 1879 г. декабрь.

Карповскимъ, верхнее пальто графа. Изъ конвоя, окружавшаго намѣстника, тоже никто не убитъ; ранено только нѣсколько лошадей.

Послѣ неудачнаго покушенія на жизнь графа Берга, жондъ анархистовъ изъ злости сдѣлалъ распоряженіе, какъ можно чаще совершать политическія убійства. И дѣйствительно, съ этого времени въ Варшавѣ не проходило дня, чтобы улицы не обагрились кровью. Такъ:

I. 9 сентября, въ 8 часовъ вечера, на Краковскомъ предмѣстьѣ, противъ самой гауптвахты тяжело раненъ отравленнымъ кинжаломъ дежурный штабъ-офицеръ 10-го округа внутренней стражи, Георгій Максимовичъ Любушинъ, человѣкъ ровно ни въ чемъ неповинный предъ поляками, потому что дѣла съ ними никакого не имѣлъ, знакомства не водилъ, языка ихъ не зналъ и, кромѣ церкви и своей канцеляріи, никуда не ходилъ. Любушинъ умеръ. Убійца пойманъ, оказался подмастерьемъ Леонидомъ Цельнеромъ; 18 сентября разстрѣленъ.

II. 23 сентября въ Европейской гостинницѣ въ $7^1/_2$ час. утра убитъ саксонскій подданный, докторъ Бертольдъ Германи. Разсказываютъ, что Германи былъ сначала другомъ народнаго жонда, но потомъ, поссорясь съ нимъ, хотѣлъ уѣхать въ Саксонію. Тогда жондъ, боясь, чтобы докторъ не выдалъ членовъ жонда, положилъ убить его. О самомъ убійствѣ очевидцемъ всѣхъ варшавскихъ событій въ 1863 г. передается такъ: „Убійцы (ихъ было двое) вошли въ ворота гостинницы, сказавъ дворнику, что идутъ въ 42-й номеръ къ доктору, звать его къ трудно-больному. Войдя въ номеръ, они бросились съ отравленными кинжалами на доктора, который пилъ кофэ, пробили ему черепъ, нанесли три широкія и глубокія раны—двѣ въ грудь и одну въ животъ—и бросились бѣжать. Докторъ погнался за ними, имѣлъ силы сбѣжать съ третьяго этажа

и сорвать съ одного пальто, но на лѣстницѣ второго этажа упалъ и умеръ. Между тѣмъ убійцы, сбѣжавъ въ нижній корридоръ, направились къ выходу, но тутъ ихъ встрѣтилъ полиціймейстеръ, подполковникъ Гемперъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, выхватилъ револьверъ, погнался за ними, крича стоявшей здѣсь прислугѣ: „Держите! ловите!“ но та и съ мѣста не тронулась и этимъ дозволила убійцамъ разбить въ нижнемъ этажѣ окно и выскочить на улицу. Не болѣе какъ черезъ пять минутъ войска, расположенныя на Саксонской площади, близъ этой гостинницы, окружили домъ, задержали всю прислугу, а черезъ часъ уже расположились въ немъ казарменнымъ образомъ, и этотъ огромный отель обращенъ былъ въ казну со всѣмъ его имуществомъ. Гостинница принадлежала польскому патріоту Вамбаху, и для постройки ея были употреблены огромные капиталы многихъ важныхъ польскихъ лицъ. Изъ двухъ убійцъ доктора Германи одинъ пойманъ; это былъ кондиторскій приказчикъ, шляхтичъ Эмиліанъ Ходановскій. 29 ноября на площади, предъ окнами Европейской гостинницы—онъ повѣшенъ.

III. 5 октября, въ два часа дня на Длугой улицѣ, среди толпы гуляющихъ смертельно раненъ начальникъ контрольнаго отдѣленія въ управленіи оберъ-полиціймейстера Домбровскій. Убійца нанесъ Домбровскому пять ранъ и скрылся, никѣмъ не остановленный. Домбровскій умеръ на третій день.

IV. Октября 13, въ 6 часовъ вечера на углу Хмѣльной и Великой улицъ раненъ полицейскій Филиповъ. Убійца схваченъ, оказался обойнымъ подмастерьемъ Юліаномъ Хойноцкимъ. На допросѣ онъ выдалъ трехъ своихъ сообщниковъ. 17 октября всѣхъ ихъ казнили [1]).

[1]) 15 октября въ варшавской газетѣ „Всеобщій дневникъ“ появилось слѣдующее заявленіе отъ имени настоятеля августин-

V. 21 октября совершено покушеніе на жизнь генерала Трепова. Объ этомъ покушеніи у В. А. Роткирха, въ его „Воспоминаніяхъ Теобальдта“, передается такъ: „Въ 9 часовъ утра генералъ Треповъ, подъ руку съ своей дочерью, шелъ въ соборъ; когда онъ вышелъ съ Театральной площади на Сенаторскую улицу, то въ это время сзади его появились три молодыхъ человѣка, при чемъ одинъ изъ нихъ, отдѣлившись отъ товарищей, подскочилъ къ генералу и нанесъ ему ударъ въ голову обоюдоострымъ топоромъ; но топоромъ скользнулъ по галуну фуражки и только оцарапалъ лѣвое ухо. Треповъ бросился на разбойника и обезоружилъ его, а когда тотъ началъ уходить, то генералъ швырнулъ въ него топоромъ, который глубоко врѣзался злодѣю въ спину, отъ чего преступникъ упалъ и случайно, находившимся вблизи военнымъ писаремъ, задержанъ. Другой злодѣй, бросивъ кинжалъ подъ ноги дочери генерала, спасся бѣгствомъ, а третій, вбѣжавъ въ кондиторскую Гронерта, скрылся на заднемъ дворѣ. Задержанный преступникъ оказался подмастерьемъ кожевенной фабрики, Антономъ Аммеромъ, 19 лѣтъ. При слѣдствіи онъ назвалъ всѣхъ своихъ соучастниковъ,

---

скаго монастыря, ксендза Павловскаго: „Злоумышленные люди въ одномъ изъ тайныхъ своихъ изданій помѣстили статью—будто-бы солдаты, расположенные въ здѣшнихъ монастыряхъ, дозволяютъ себѣ въ костелахъ во время богослуженія дѣлать разныя неприличія и будто-бы подобный примѣръ, по ихъ словамъ, имѣлъ мѣсто въ костелѣ августинскаго монастыря. Какъ пріоръ этого монастыря, я считаю долгомъ совѣсти моей заявить, что означенное объявленіе было самою безчестною ложью и клеветою, брошенною на русскихъ солдатъ, потому что подобный случай во все время квартированія ихъ въ этомъ монастырѣ никогда не имѣлъ мѣста, и солдаты, входя въ костелъ, всегда вели себя самымъ благопристойнымъ образомъ, какъ подобаетъ вести себя въ храмѣ Божіемъ всякому христіанину. Эта статья вышла во вторникъ, а въ среду, 16 октября пріоръ Павловскій вмѣстѣ съ другимъ монахомъ того же монастыря были отравлены членами жонда. См. Воспоминаніе Теобальдта т. I. Вильна 1890 г.

именно: а) кузнечнаго подмастерья Іеронима Когутовскаго, который былъ арестованъ на другой день и отправленъ въ слѣдственную тюрьму, гдѣ вечеромъ повѣсился на своемъ кожаномъ поясѣ, привязавъ его къ рѣшеткѣ окна; б) кузнечнаго работника Іосифа Домбровскаго, который бѣжалъ въ кондиторскую Гронерта, откуда черезъ окно выскочилъ на дворъ, а потомъ черезъ незапертую калитку выбѣжалъ на Даниловичевскую улицу, гдѣ и бросилъ свой кинжалъ; онъ также былъ арестованъ на другой день; в) столярнаго челядника Дьякевича и г) рабочаго на паровой мельницѣ Куровецкаго. Вербовалъ ихъ въ шайку работникъ кожевеннаго завода, Юліанъ Гольцендорфъ, который платилъ имъ ежедневно отъ 30 до 50 коп. жалованья, а въ день посягательства на жизнь Трепева далъ имъ по одному рублю. Къ присягѣ на вѣрность жонду приводилъ неизвѣстный имъ ксендзъ въ каретномъ сараѣ г-жи Нарвойнъ. Подстерегали они генерала Трепова изъ кондиторской Гронерта. Аммеръ и Домбровскій 1-го ноября на Театральной площади повѣшены. Остальные убійцы не разысканы.

VI. 28 ноября, въ 6 часовъ вечера на углу Кручей улицы и Іерусалимской аллеи трое неизвѣстныхъ убійцъ бросились на оберъ-кондуктора Варшавской желѣзной дороги Николая Жиленку (русскаго) и нанесли ему топоромъ рану въ голову, послѣ чего, бросивъ топорокъ, вскочили на извозчика, заранѣе подготовленнаго, и исчезли.

VII. 10 декабря, въ 11 часовъ утра сдѣлано было покушеніе на жизнь маіора В. А. Роткирха. Объ этомъ покушеніи самъ г. Роткирхъ въ своихъ запискахъ „Воспоминанія Теобальдта“ (т. V, стр. 52—61) передаетъ такъ: „Я пользовался въ Варшавѣ нѣкоторою извѣстностью. Когда въ этомъ городѣ начались поли-

тическія убійства, то родные мои трепетали за мою жизнь, потому что я долженъ былъ ежедневно ходить съ Длугой улицы, гдѣ была моя квартира, въ канцелярію, помѣщавшуюся въ замкѣ. Не знаю, говоритъ г. Роткирхъ, дошли ли до „Центральнаго комитета“ (народнаго жонда) слухи о постоянной тревогѣ моихъ родныхъ, или по собственному почину „комитета“(жонда), но въ декабрѣ 1861 г. я нашелъ у себя на столѣ объявленіе, въ которомъ было сказано: „Гражданинъ Роткирхъ! маіоръ войскъ московскихъ можетъ быть совершенно спокоенъ: народъ его хранитъ, и ни одинъ волосъ его не упадетъ“. Подписано: „Центральный комитетъ“, и приложена печать. Я не могъ доискаться, какимъ образомъ попалъ ко мнѣ этотъ плакатъ. Многіе изъ русскихъ подозрѣвали въ этомъ ловушку, и только черезъ два года я узналъ, что во время борьбы „Бѣлыхъ“ съ „Красными“ меня дѣйствительно берегли „Бѣлые“, и каждый день по два и по три человѣка провожали меня незамѣтно до замка и обратно. Въ 1863 г. „Красные“ одолѣли, и вспыхнулъ мятежъ. Я былъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Инвалида“ и сотрудникомъ „Варшавскаго Дневника“, въ которыхъ, на основаніи донесеній начальниковъ войскъ, описывалъ дѣйствительное положеніе края и исходъ каждой стычки съ мятежниками, вопреки плакатовъ „жонда“, который чуть не ежедневно заявлялъ о совершенномъ истребленіи москалей, съ потерею съ своей стороны двухъ или трехъ человѣкъ. Свѣдѣнія эти были діаметрально противоположны истинѣ и ее нужно было возстановить. Этого „жондъ“ не могъ мнѣ простить и въ 1863 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, подписалъ мнѣ смертный приговоръ въ такого рода формѣ: „Гражданинъ Роткирхъ! маіоръ московскихъ войскъ, за извращеніе фактовъ возстанія,

объявляетесь внѣ закона и приговариваетесь къ смертной казни". Подпись: „Революціонный трибуналъ" и печать жонда. Убійцы, продолжаетъ г. Роткирхъ, долго подкарауливали меня, зарѣзали по ошибкѣ, по сходству мундировъ, полковника Любушина и наконецъ подстерегли меня. Это было 10 декабря. Былъ день морозный и снѣжная вьюга. Я шелъ въ 11 часовъ утра по Краковскому предмѣстью изъ дома бывшаго Замойскаго въ замокъ, закутанный въ теплое пальто и башлыкъ и въ сопровожденіи саженнаго донского казака, несшаго мой портфель. Вдругъ у воротъ дома Гродзинскаго предъ моими глазами блеснулъ кинжалъ, и я почувствовалъ сильный ударъ въ голову. Видя предъ собой убійцу, я мгновенно схватилъ его за плечо и закричалъ казаку: „Руби его!" но казакъ испугался, растерялся и трясся, какъ въ лихорадкѣ. Убійца, видя, что казакъ ему не опасенъ, нанесъ мнѣ другой ударъ въ грудь; но тутъ, не помню, я ли повернулся, кинжалъ ли скользнулъ въ рукахъ убійцы,—кинжалъ, разрѣзавъ одежду и кожу на груди, уперся въ мое лѣвое плечо. Въ то же мгновеніе я вырвалъ кинжалъ изъ рукъ убійцы, а тотъ вскочилъ въ калитку дома Гродзинскаго, которую дворникъ обязательно открылъ предъ нимъ. Я бросился вслѣдъ за нимъ и увидѣлъ на дворѣ прогуливавшихся какихъ-то пять—шесть пановъ. „Держите, ловите его!" закричалъ я, но они разступились и дали ему дорогу. Я пробѣжалъ за убійцею одинъ дворъ, другой и на третьемъ замѣтилъ, что вбѣжалъ въ сѣни одноэтажнаго флигеля. Казакъ слѣдовалъ за мною. На первомъ дворѣ русскій кучеръ сенатора Фундуклея, видя меня страшно окровавленнаго и гнавшагося за убійцею, примкнулъ ко мнѣ съ бывшею у него въ рукахъ лопатою. Вбѣжавъ въ сѣни, въ которыя скрылся убійца, я увидѣлъ, что онъ полѣзъ на

чердакъ. Я бросился за нимъ. „Ваше благородіе! не лѣзьте туда: тамъ васъ могутъ дорѣзать“, замѣтилъ мнѣ кучеръ. Я не послушался предостереженія. Тогда кучеръ сказалъ казаку: „Полѣзай за офицеромъ“.—„Я боюсь“, отвѣтилъ тотъ. Кучеръ выхватилъ у него изъ ноженъ шашку и бросился за мною. Сначала во мракѣ чердака мы ничего не могли замѣтить; по вслѣдъ затѣмъ увидѣли въ слуховомъ окнѣ ноги преступника, вылѣзавшаго на крышу. Мы бросились за нимъ. Убійца, видя, что онъ открытъ и на крышѣ, быстро спрыгнулъ въ садъ графа Красинскаго на огромную кучу листьевъ, вѣроятно нарочно для этого случая заготовленную, показалъ намъ языкъ и скрылся“.

Послѣ этого г. Роткирхъ при помощи казака и кучера сведенъ былъ въ свою квартиру и уложенъ въ постель. Роткирхъ пролежалъ въ постели болѣе мѣсяца. Онъ раненъ былъ отравленнымъ кинжаломъ, и если остался живъ, то благодаря тому, что, бѣгая за убійцею, потерялъ много крови.

Убійца г. Роткирха на другой день былъ схваченъ и оказался сапожнымъ подмастерьемъ Шиндлеромъ. 31 января 1864 года онъ былъ повѣшенъ.

Между тѣмъ на польское возстаніе обратили вниманіе въ з. Европѣ. Тамъ нашлось много государствъ, которыя очень обрадовались внутреннему замѣшательству въ Россіи. Особенно обрадовались этому въ Англіи, гдѣ въ сіе время первымъ министромъ былъ лордъ Пальмерстонъ, который извѣстенъ тѣмъ, что постоянно покровительствовалъ всякаго рода волненіямъ на континентѣ, за что получилъ прозваніе „лорда-поджигателя.“ По его распоряженію въ англійскомъ парламентѣ прежде всѣхъ въ Европѣ поднятъ былъ вопросъ о

причинахъ польскаго возстанія. Тамъ уже въ началѣ 1863 г., именно 15 февраля, говорились рѣчи объ этомъ предметѣ, при чемъ одни изъ ораторовъ принимали сторону поляковъ, а другіе—Россіи. Такъ, между прочимъ, за поляковъ говорили: Генесси, сэръ Лесси Эвансъ и Бакстонъ. Эти три депутата во всемъ обвиняли Россію и оправдывали поляковъ; въ своихъ рѣчахъ они требовали, чтобы Россія присоединила къ Ц. Польскому Литву, Бѣлоруссію, губерніи: Волынскую, Подольскую и Малороссію и возстановила въ нихъ національное правительство (т. е. польское) [1]). За Россію говорилъ депутатъ Ньюгденъ. Этотъ ораторъ напротивъ во всемъ обвинялъ поляковъ и оправдывалъ русскихъ; такъ, между прочимъ, онъ сказалъ въ своей рѣчи: „русскому правительству не слѣдуетъ давать полякамъ автономіи, потому что поляки неспособны къ самостоятельной жизни, это доказалъ 30-й годъ. Чего недоставало тогда полякамъ? Имъ Александръ I все

---

[1]) Англійскіе ораторы думали, что въ поименованныхъ областяхъ громадное большинство населенія состояло изъ поляковъ, а между тѣмъ это было не такъ: въ поименованныхъ областяхъ въ 1863 г. всего населенія приблизительно было милліоновъ 10, изъ нихъ православно-русскихъ—около 7½ милліоновъ, евреевъ около милліона, а остальные поляки, милліона 1½ не болѣе. Возьмемъ для примѣра Подольскую губернію; статистика народонаселенія этой губерніи тогдашняго времени намъ хорошо извѣстна, именно: всего въ Подольской губерніи въ 1863 г. было 1615566 ч.; изъ нихъ малороссовъ 1141945, бѣлороссовъ 11239, великороссовъ 7251, жидовъ 195847 и поляковъ 209234, затѣмъ: дворянъ—800 семействъ, изъ нихъ православныхъ 500. Сборникъ Каткова, т. I, стр. 1—8.

Примѣчаніе. Въ концѣ 1862 г. польское подольское дворянство, въ количествѣ 200 человѣкъ, составило къ императору адресъ, въ которомъ просило государя присоединить Подольскую губернію къ Ц. Польскому, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что Подольская губернія сплошь заселена поляками, которые страстно желаютъ этого. Но на сколько справедливъ этотъ мотивъ—видно изъ приведенной нами статистики.

далъ, что только можно было дать [1]); они имѣли больше того, что имѣетъ въ настоящее время наша Ирландія“ и т. д. „Я думаю“, заключилъ свою рѣчь

---

[1]) Императоръ Александръ Благословенный, получивши Царство Польское по Вѣнскому конгрессу, далъ ему слѣдующее административное устройство:

Во 1-хъ, государю императору принадлежала исполнительная власть. Кромѣ того ему предоставлено было полное распоряженіе финансами страны, начальство надъ войскомъ, объявленіе войны, заключеніе мира, сношеніе съ иностранными государствами, назначеніе высшихъ чиновниковъ и помилованіе преступниковъ.

Во 2-хъ, главнымъ лицомъ въ Ц. Польскомъ былъ намѣстникъ. Онъ назначался императоромъ изъ поляковъ.

Въ 3-хъ, законодательная власть принадлежала сейму. Сеймъ состоялъ изъ сената и камеры депутатовъ.

Въ 4-хъ, текущими дѣлами въ Ц. Польскомъ занимался сенатъ. Сенатъ состоялъ изъ епископовъ, воеводъ и каштеляновъ (начальниковъ крѣпостей).

Въ 5-хъ, провинціи (или воеводства) управлялись такъ называемыми „провинціальными совѣтами“, которые состояли изъ депутатовъ отъ дворянъ и городскихъ общинъ.

Въ 6-хъ, административное устройство Ц. Польскаго (конституція) обезпечивало личность, имущество, свободу печати и т. п.

Конституція, дарованная императоромъ Александромъ I Ц. Польскому, по своей либеральности превосходила всѣ конституціи того времени въ Европѣ, о чемъ заявилъ тогда самый пылкій республиканецъ Франціи, Карно (дѣдъ нынѣшняго президента Франціи)

Примѣчаніе. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Александръ I думаетъ дать Польшѣ либеральную конституцію, то многіе изъ русскихъ и иностранныхъ дипломатовъ отсовѣтывали ему это дѣлать на томъ основаніи, что поляки не въ состояніи будутъ воспользоваться ею. Такъ, между прочимъ, прусскій министръ Штейнъ, глубокій политикъ, въ своей докладной запискѣ государю по сему предмету писалъ: „Дать конституцію полякамъ нельзя: эта нація къ сему не приготовлена и можетъ сдѣлаться опасною какъ для самихъ поляковъ, такъ и для сосѣдей, и для самой Россіи. Всѣ начала, на которыхъ зиждется конституція: честность правовъ, уваженіе къ человѣчеству, холодный разсудокъ,—всѣ учрежденія, долженствующія лечь въ основу конституціи: среднее сословіе, городское общественное устройство—полякамъ неизвѣстны“. Сочиненіе Богдановича „Исторія Александра I“ т. 5, гл. 56.

Ньюгденъ, „что и теперь въ Польшѣ работаютъ силы, враждебныя истинной свободѣ“ [1]).

Послѣ этихъ преній министръ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи, статсъ-секретарь лордъ Россель, по порученію лорда Пальмерстона отъ 2-го марта 1863 г., послалъ представителю своему при Петербургскомъ дворѣ, лорду Непиру, депешу о польскомъ мятежѣ для прочтенія русскому государственному канцлеру Горчакову.

9 марта депеша была прочтена Горчакову. Суть этой депеши была слѣдующая:

Во 1-хъ, говорится въ ней: правительство ея величества королевы Викторіи очень встревожено возстаніемъ въ Ц. Польскомъ, боясь, чтобы это возстаніе не отразилось и на подданныхъ другихъ государствъ.

Во 2-хъ, правительство ея величества королевы Викторіи обратило вниманіе на волненія въ Польшѣ потому, что Польша присоединена къ Россіи на основаніи трактата Вѣнскаго конгресса, который, между прочимъ, подписанъ былъ представителемъ Англіи.

Въ 3-хъ, правительство ея величества королевы Викторіи, на основаніи вышесказаннаго, считаетъ нравственнымъ своимъ долгомъ заявить, что возстаніе въ Польшѣ произошло, во первыхъ отъ того, что русское правительство совершило въ Варшавѣ въ январѣ сего года неправильно рекрутскій наборъ, во-вторыхъ отъ того, что правительство русское уничтожило благодѣтельную конституцію Александра Благословеннаго и такимъ образомъ нарушило требованія той статьи Вѣнскаго трактата, на основаніи которой къ Россіи присоединено царство Польское [2]).

---

[1]) См. „Собраніе статей по Польскому вопросу“ Каткова т. I, гл. III и „Московскія Вѣдомости“ за 1863 г. № 42.

[2]) *Примѣчаніе.* Вотъ та статья Вѣнскаго конгресса: „Герцогство Варшавское (такъ называлось Ц. Польское до присоедине-

Въ 4-хъ, правительство ея величества королевы англійской думаетъ, что еслибы его императорское величество государь императоръ Александръ II объявилъ амнистію всѣмъ инсургентамъ и возвѣстилъ въ то же время о своемъ намѣреніи возстановить въ Царствѣ Польскомъ всѣ гражданскія и политическія права, дарованныя Александромъ I въ исполненіе трактата 1815 г., то этимъ, нѣтъ сомнѣнія, были бы удовлетворены требованія поляковъ и общественное мнѣніе Европы [1]).

Горчаковъ выслушалъ депешу молча, но съ глубокимъ вниманіемъ. Затѣмъ русскій канцлеръ сказалъ лорду Непиру: „писать правительству ея величества королевы англійской оффиціальной депеши я не буду, но прошу васъ изложить то, что я передамъ вамъ, и потомъ, прочитавши мнѣ, отослать лорду Пальмерстону.

Послѣ этого канцлеръ Горчаковъ по пунктамъ передалъ приблизительно слѣдующее:

нія его къ Россіи), за исключеніемъ областей и округовъ, о которыхъ постановлено иначе въ слѣдующихъ статьяхъ, присоединяется къ Россійской имперіи. Оно будетъ неразрывно связано съ нею своею конституціею (своимъ государственнымъ устройствомъ), чтобы состоять навѣки въ обладаніи его величества императора всероссійскаго, его наслѣдниковъ и его потомковъ. Его императорское величество предоставляетъ себѣ дать этому государству, пользующемуся отдѣльнымъ управленіемъ, такое расширеніе, какое признаетъ удобнымъ. Онъ приметъ вмѣстѣ съ другими своими титулами и титулъ царя польскаго, согласно съ протоколомъ употребительнымъ и освященнымъ для титуловъ, связанныхъ съ другими его владѣніями. Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ представительство и національныя учрежденія, соглашенныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, какой каждое изъ названныхъ правительствъ признаетъ полезнымъ и удобнымъ дать имъ."

[1]) См. Сборникъ Каткова т. I, гл. V или же газеты 1863 г., Сѣверную Почту, День, С.-Петер. Вѣдомости и др.

Во 1-хъ, его императорское величество государь императоръ очень хорошо сознаетъ, что волненіе Польши—явленіе непормальное, и весьма сожалѣетъ объ этомъ.

Во 2-хъ, его императорскому величеству хорошо извѣстно, что волненіе въ Царствѣ Польскомъ произошло не отъ послѣдняго январьскаго рекрутскаго набора, такъ какъ оно гораздо раньше началось, а отъ революціонныхъ партій, гнѣздящихся въ столицахъ европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и въ Лондонѣ.

Въ 3-хъ, его императорское величество государь императоръ отлично понимаетъ, что правительство ея величества королевы Англіи произвольно толкуетъ статью Вѣнскаго конгресса касательно административнаго устройства въ Ц. Польскомъ. Въ статьѣ Вѣнскаго конгресса ясно сказано, что Царство Польское должно быть неразрывно связано съ остальною Россіею своею конституціею (т. е. своимъ государственнымъ устройствомъ). Правда, тамъ сказано, что Ц. Польское пользуется отдѣльнымъ управленіемъ, но въ то же время прибавлено—„такимъ, какое найдетъ удобнымъ русскій государь.“ Правда, тамъ еще сказано, что поляки, какъ подданные Россіи, получатъ „представительство и національныя учрежденія“, но опять прибавлено — „такія, какія правительство найдетъ полезнымъ и удобнымъ“.

Въ 4-хъ, его императорское величество государь императоръ также хорошо знаетъ, что въ статьѣ Вѣнскаго трактата никакихъ подробностей относительно конституціи Царства Польскаго нѣтъ. Если императоръ Александръ I далъ такое свободное устройство Ц. Польскому, какое оно имѣло, то это была только личная милость его величества, каковую преемникъ его, покойный Николай Павловичъ, имѣлъ полное право

отмѣнить, тѣмъ болѣе, что поляки своимъ образомъ дѣйствій въ 30 и 31 годахъ вполнѣ этого заслужили.

Въ 5-хъ, его императорское величество государь императоръ вполнѣ также сознаетъ и то, что статья Вѣнскаго трактата, на основаніи которой Ц. Польское присоединено къ Россіи, потеряла обязательную силу для сей послѣдней, въ виду вторичнаго завоеванія Россіею Царства Польскаго.

Въ 6-хъ, его императорское величество государь императоръ считаетъ нужнымъ сообщить еще слѣдующее: въ 1861 г., какъ извѣстно всей Европѣ, полякамъ въ Царствѣ Польскомъ все было дано, что требовалось статьею Вѣнскаго трактата — отдѣльное управленіе, національныя учрежденія и т. п. и все-таки они не прекратили своихъ волненій [1]).

Въ заключеніе канцлеръ Горчаковъ снова просилъ лорда Непира записать все это и потомъ дать ему прочитать, а затѣмъ отправить въ Лондонъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Это была первая дипломатическая переписка по польскому вопросу.

Получивши депешу лорда Непира, содержащую отвѣтъ Горчакова, англійское правительство поражено было ясностью и правдивостью словъ русскаго канцлера. Но разъ вступивши на этотъ путь по польскому вопросу, англійское правительство не рѣшилось бросить его, чтобы не уронить своего національнаго достоинства. Съ этою цѣлію оно, какъ это видно изъ

---

[1]) Тамъ же.

Примѣчаніе. Излагая депешу Непира и отвѣтъ Горчакова, мы привели не самыя подлинныя слова дипломатовъ, а только сущность ихъ, при чемъ старались удержать самый топъ обоихъ документовъ. Затѣмъ, мы подробно изложили сущность этихъ двухъ дипломатическихъ актовъ съ тою цѣлію, что сущность этихъ актовъ въ послѣдующихъ дипломатическихъ документахъ Англіи и Россіи составляетъ основныя мысли.

„Желтой книги“ Франціи 1863 г. (Сборника дипломатическихъ документовъ), обратилось къ Пруссіи, Австріи и Франціи, какъ державамъ, подписавшимъ Вѣнскій трактатъ, чтобы коллективно воздѣйствовать на Россію и заставить ее выполнить требованія Вѣнскаго трактата.

Пруссія, гдѣ въ это время управлялъ министерствомъ уже князь Бисмаркъ, человѣкъ, какъ извѣстно, не поддававшійся никакимъ стороннимъ внушеніямъ, рѣшительно отклонила отъ себя предложеніе англійскаго кабинета и категорически заявила, что возстаніе поляковъ есть чисто внутреннее дѣло Россіи и касается ея только одной. Мало того, она еще заключила съ Россіею тайный договоръ, по которому обѣ державы положили взаимно поддерживать другъ друга въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ другими державами.

Австрія тоже отклонила предложеніе англійскаго правительства или, точнѣе сказать, отклонила предложеніе въ смыслѣ дѣйствованія противъ Россіи на почвѣ Вѣнскаго трактата; въ то же время она категорически заявила англійскому правительству, что не будетъ поддерживать требованій его и тогда, когда англійское правительство станетъ домогаться, чтобы Россія возстановила въ Царствѣ Польскомъ конституцію Александра I; но Австрія обѣщала свое содѣйствіе Англіи, если та пожелаетъ ввести въ Царствѣ Польскомъ такое административное устройство, какое существуетъ въ Галиціи (Австрійской провинціи) [1]).

Но Франція приняла предложеніе Англіи. Мало того, она приняла его съ жаромъ, съ энтузіазмомъ. Съ этихъ поръ Наполеонъ III дѣлается главнымъ руководителемъ въ дипломатическомъ походѣ, если можно такъ выразиться, на Россію по поводу польскаго волненія. По

[1]) Тамъ же.

его распоряженію вопросъ этотъ подвергнутъ былъ во французскомъ сенатѣ всестороннему разсмотрѣнію и открытому обсужденію. 17 марта во французскомъ сенатѣ были жаркія пренія по сему вопросу, при чемъ здѣсь, какъ и въ англійскомъ парламентѣ, одни изъ ораторовъ говорили за Польшу и во всемъ обвиняли Россію, а другіе наоборотъ: говорили за Россію и во всемъ обвиняли поляковъ. Такъ, за поляковъ говорили: Банжасъ и принцъ Наполеонъ, двоюродный братъ Наполеона III [1]). Банжасъ въ своей рѣчи настаивалъ на томъ, чтобы французское правительство употребило все свое вліяніе для того, чтобы отдѣлить отъ Россіи Царство Польское и образовать изъ него самостоятельное государство. Принцъ Наполеонъ, поддерживая мысли Банжаса, требовалъ, чтобы поскорѣе это случилось, такъ какъ, по его словамъ, въ Россіи въ сіе время общее неудовольствіе и ропотъ на правительство за освобожденіе крестьянъ. За Россію говорилъ Де-Ла-Рошжакеленъ. Въ своей рѣчи этотъ ораторъ между прочимъ сказалъ: „Россія послѣ 31 года владѣетъ Польшею не на основаніи Вѣнскаго трактата, а на основаніи своего завоеванія. Полякамъ нельзя дать автономіи, они неспособны къ самостоятельной жизни, это доказала вся ихъ исторія“ [2]).

Послѣ преній во французскомъ сенатѣ и теоретическихъ разсужденій о польскомъ вопросѣ, Наполеонъ III приступилъ къ практической дѣятельности по сему дѣлу. Чрезъ своего представителя при Вѣнскомъ дворѣ онъ предложилъ австрійскому правительству принять участіе въ дипломатическомъ давленіи на Россію, чтобы

---

[1]) Это тотъ самый принцъ Наполеонъ, который снабдилъ Мирославскаго деньгами, когда Мирославскій изъ Парижа отправлялся въ Россію въ качествѣ диктатора.

[2]) „Собраніе статей по Польскому вопросу“ Каткова т. I.

она произвела реформы въ Царствѣ Польскомъ согласно требованію Вѣнскаго трактата.

Вѣнское правительство, получивъ отъ Наполеона III подобнаго рода предложеніе, на первыхъ порахъ отвѣтило было такъ, какъ отвѣтила и Англія, т. е. оно отклонило предложеніе французскаго правительства дѣйствовать противъ Россіи на почвѣ Вѣнскаго трактата; оно соглашалось только на то, чтобы въ Царствѣ Польскомъ введено было такое административное управленіе, какое существуетъ въ Галиціи. Тогда Наполеонъ III припугнулъ Австрію венеціанскимъ вопросомъ [1]); Австрія сдалась. По этому случаю первый австрійскій министръ Меттерних въ концѣ марта ѣздилъ въ Парижъ. Дѣло было улажено окончательно: Австрія на все согласилась [2]).

Но дѣлала ли Франція подобное предложеніе Пруссіи, мы хорошо не знаемъ, не подлежитъ только сомнѣнію, что Наполеонъ III зондировалъ почву и въ Пруссіи, только безуспѣшно. Мы также не знаемъ, дѣлала ли Франція подобное предложеніе и остальнымъ европейскимъ державамъ, подписавшимъ Вѣнскій трактатъ: Испаніи, Португаліи и Швеціи съ Новергіей. Мы знаемъ, что депешъ ихъ не было и объ нихъ до половины іюня не упоминается. Словомъ, съ марта мѣсяца до половины іюня 1863 г., какъ это видно изъ газетныхъ и журнальныхъ сообщеній, противъ Россіи дѣйствовали только три державы — Англія, Франція и Австрія.

---

[1]) Т. е. Наполеонъ далъ понять Австріи, что если она откажется отъ его предложенія, то онъ поможетъ италіанскому королю Виктору Эммануилу овладѣть Венеціею, какъ онъ помогъ отнять у нея Ломбардію.

[2]) Собраніе статей Каткова т. II, гл. IX и Московскія Вѣдомости за 1863 г. № 246.

И вотъ дѣйствительно, эти три державы 5 апрѣля, черезъ своихъ пословъ при Петербургскомъ дворѣ, вручили русскому канцлеру Горчакову депеши по польскому вопросу.

Англійская депеша самая большая. Она, какъ и всѣ англійскія депеши по польскому вопросу, отличается рѣзкостью и надменностью тона. Въ англійской депешѣ заключаются почти тѣ же самыя мысли и доводы, какіе заключаются въ депешѣ этой державы отъ 2 марта. Новымъ въ англійской депешѣ было только то, что англійское правительство, вопреки мнѣнію князя Горчакова, считаетъ статью Вѣнскаго конгресса, на основаніи которой Царство Польское присоединено къ Россіи, обязательною для русскаго правительства, несмотря на возмущеніе поляковъ въ 30 году.

Депеши остальныхъ двухъ державъ—Франціи и Австріи—отличаются краткостью и необыкновенною деликатностью. Въ этихъ двухъ депешахъ проводится одна общая мысль, что волненіе въ Польшѣ грозитъ опасностію сосѣднимъ державамъ, и что умъ и великодушіе русскаго императора найдутъ средства успокоить это волненіе.

14 апрѣля канцлеръ Горчаковъ отвѣтилъ на депеши трехъ вышеозначенныхъ державъ. Въ отвѣтной депешѣ къ Англіи русскій канцлеръ употребилъ тѣ же мысли и доводы, какіе онъ высказалъ лорду Непиру 9 марта. Новаго въ своей депешѣ къ Англіи русскій канцлеръ прибавилъ только одно, что русское правительство согласно съ мнѣніемъ англійскаго правительства въ томъ, что польское волненіе 1830 г. не уничтожило всѣхъ международныхъ обязательствъ, налагаемыхъ на Россію Вѣнскимъ трактатомъ по отношенію къ Царству Польскому, но въ то же время считаетъ

нужнымъ заявить, что волненіе польское 30 года существенно измѣнило эти обязательства.

Франціи и Австріи князь Горчаковъ въ депешахъ своихъ сообщилъ, что государь императоръ воодушевленъ самыми благими намѣреніями по отношенію къ своимъ подданнымъ Царства Польскаго, и что онъ будетъ продолжать реформы въ этой странѣ, но только сначала желаетъ парализовать противодѣйствіе революціонной партіи, которая почерпаетъ силу и средства извнѣ, изъ другихъ государствъ.

Между тѣмъ, лишь только стало извѣстно въ Россіи о вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ въ дѣла Польши, какъ взрывъ негодованія пронесся по всей русской землѣ и коснулся всѣхъ слоевъ общества: быстро понеслись съ самыхъ отдаленныхъ концовъ имперіи къ престолу русскаго царя адресы съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и съ заявленіемъ о готовности умереть за честь и славу Россіи, когда того пожелаетъ монархъ. Первый адресъ поданъ былъ Петербургскимъ дворянствомъ, потомъ—Московскимъ, и затѣмъ пошли адресы отъ всѣхъ городовъ и обществъ Россійской имперіи.

Эти адресы, этотъ всеобщій патріотизмъ русскаго народа сильное впечатлѣніе произвелъ въ з. Европѣ и повернулъ общественное мнѣніе на сторону Россіи, особенно въ Англіи, что ясно обнаружилось въ ихъ періодической печати и парламентскихъ рѣчахъ.

Такъ, между прочимъ, въ апрѣльской книжкѣ англійскаго журнала „The Quarterly Review“ въ статьѣ „Poland“ сказано было: „полякамъ ихъ прошедшее не дастъ никакого права на симпатіи Европы. Поляки могутъ биться до горькаго конца, увлекаемые своею закоренѣлою враждою... но пусть не расчитываютъ на помощь Европы. Россія имѣетъ право употреблять всѣ

свои усилія для возстановленія своихъ древнихъ владѣній. Польскіе магнаты въ 1812 г. измѣнили Россіи, пристали къ Наполеону I, съ которымъ думали загнать Россію въ Азію, но судьба побѣдъ осталась за Россіею. Россія побѣдила Наполеона и поляковъ, овладѣла землею послѣднихъ, и никто въ мірѣ не имѣетъ права оспаривать законныхъ распоряженій Россіи въ Царствѣ Польскомъ".

Затѣмъ въ газетѣ „Daily News" [1]) говорилось: „польское дѣло не есть споръ между деспотическимъ правительствомъ и народомъ, ищущимъ свободы, потому что мы видимъ, что провинціи за провинціями шлютъ своему царю доказательства рѣшимости его подданныхъ отстаивать цѣлость и неприкосновенность его владѣній. Споръ идетъ между народомъ и народомъ, и нѣтъ въ мірѣ народа, въ которомъ національное чувство было бы такъ сильно и крѣпко, какъ въ русскомъ народѣ".

То же самое мы видимъ въ парламентѣ: тамъ большинство первоклассныхъ ораторовъ говорили въ защиту Россіи при обсужденіи польскаго возстанія. Такъ, между прочимъ, самъ министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Россель, въ верхней палатѣ (въ палатѣ лордовъ) 8-го мая сказалъ: „Я убѣжденъ, что, при теперешнемъ настроеніи русскаго правительства и еще болѣе русскаго народа, не можетъ быть и рѣчи объ отдѣленіи какой-либо части этой великой имперіи. Есть славныя воспоминанія, есть символы гордости и силы, связанные съ Россіею, на которые можно посягнуть, но которые едвали можно уничтожить безъ продолжительной и кровопролитной войны, а потому, милостивые милорды, мы не должны пускаться въ эту случайность безъ самой крайней необходимости".

[1]) Эта газета считалась органомъ министра иностранныхъ дѣлъ въ Англіи—лорда Росселя.

То же самое говорилъ и членъ парламента Дизраэли (впослѣдствіи лордъ Биконсфильдъ). Въ іюнѣ мѣсяцѣ, во время одного изъ министерскихъ засѣданій, своими вопросами о безцѣльномъ вмѣшательствѣ Англіи въ дѣла Россіи онъ нѣсколько разъ ставилъ лорда Пальмерстона (главу тогдашняго англійскаго кабинета) въ весьма неловкое положеніе.

Но не такъ отнеслось къ Россіи французское правительство или, лучше сказать, самъ Наполеонъ III. Получивши отъ Горчакова отвѣтную ноту, французскій императоръ снова сталъ подбивать Англію къ совмѣстному воздѣйствію противъ Россіи. Онъ энергически началъ убѣждать Англію произвести на Россію такое давленіе, которое заставило бы эту державу безпрекословно согласиться на созваніе конференціи изъ державъ, подписавшихъ Вѣнскій трактатъ, для рѣшенія польскаго вопроса согласно этому трактату.

Послѣ нѣкотораго колебанія державы согласились. Затѣмъ поручено было Австріи составить программу для преобразованія Ц. Польскаго, которую державы думали представить Россіи. Въ началѣ іюня программа была составлена и передана Франціи и Англіи. Эти двѣ державы нашли нужнымъ усилить и видоизмѣнить ее [1]). Потомъ державы занялись составленіемъ дипломатическихъ нотъ для передачи русскому правительству относительно польскихъ дѣлъ. Къ половинѣ іюня ноты были готовы, прочитаны другъ другу и пересланы представителямъ при Петербургскомъ дворѣ.

Первая дипломатическая нота отъ 17 іюня представлена была русскому канцлеру Горчакову британскимъ посломъ лордомъ Непиромъ. Англійская нота, какъ и депеша отъ 5 апрѣля, отличается рѣзкостью

[1]) Московскія Вѣдомости за 1863 г. № 246.

и надменностью тона. Въ то же время англійская нота отличается своею обширностью сравнительно съ другими. Суть этой ноты слѣдующая:

Правительство ея величества королевы англійской считаетъ нужнымъ заявить кабинету его императорскаго величества:

Во 1-хъ, такъ какъ въ Польшѣ царствуетъ произволъ надъ законностью, то вслѣдствіе этого русское правительство потеряло довѣріе среди подданныхъ этой страны.

Во 2-хъ, такъ какъ русское правительство отмѣнило въ Ц. Польскомъ религіозную свободу, данную Екатериною II-ю, и политическую, данную Александромъ I, то вслѣдствіе этого произошло возстаніе.

Въ 3-хъ, чтобы возвратить довѣріе подданныхъ Польши и разъ навсегда прекратить волненіе, то русскому правительству необходимо принять слѣдующіе шесть пунктовъ:

а) Полная и всеобщая амнистія.

б) Народное представительство съ правами, подобными тѣмъ, какія учреждены хартіей 15 ноября 1815 г.

в) Поляки должны быть назначаемы на общественныя должности такимъ образомъ, чтобы составилось отдѣльное національное управленіе, пользующееся довѣріемъ страны.

г) Полная и совершенная свобода совѣсти; отмѣна ограниченій, наложенныхъ на католическое вѣроисповѣданіе.

д) Польскій языкъ долженъ быть признанъ въ Ц. Польскомъ оффиціальнымъ и употребляться, какъ таковой, въ администраціи, въ судахъ и въ школѣ.

е) Установленіе правильной и законной системы рекрутскаго набора.

Въ 4-хъ, для разработки частностей этихъ шести пунктовъ и примѣненія ихъ къ практической жизни въ Ц. Польскомъ необходимо русскому правительству созвать конференцію изъ державъ, подписавшихъ Вѣнскій трактатъ.

Въ 5-хъ, такъ какъ разсуждать и заниматься устройствомъ польскихъ дѣлъ невозможно вслѣдствіе раздраженія воюющихъ сторонъ и жестокостей, производимыхъ русскими солдатами надъ поляками, какъ это видно изъ сообщеній англійскихъ газетъ и журналовъ, то необходимо русскому правительству заключить перемиріе.

Итакъ, прибавляетъ дипломатическая нота Англіи, правительство ея величества англійской королевы желаетъ:

1. Принятія вышеозначенныхъ шести пунктовъ.
2. Пріостановленія военныхъ дѣйствій.
3. Созванія конференціи изъ державъ, подписавшихъ Вѣнскій трактатъ.

Вторая дипломатическая нота, тоже отъ 17 іюня, передана была канцлеру Горчакову французскимъ посломъ, герцогомъ де-Монтебелло.

Французская нота по сущности совершенно сходна съ англійскою. Въ ней также предложено для умиротворенія Царства Польскаго 6 вышеозначенныхъ пунктовъ, перемиріе и созывъ конференціи изъ державъ, подписавшихъ Вѣнскій трактатъ. Но французская нота, въ противоположность англійской, отличается деликатностью и вѣжливостью.

Третья дипломатическая нота, отъ 18 іюня, представлена была Горчакову австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, графомъ Туномъ.

Австрійская нота по своей сущности тоже сходна съ англійскою. Въ ней, какъ въ англійской и фран-

цузской нотахъ, предложено русскому правительству принятіе шести пунктовъ, созваніе конференціи, но ни слова нѣтъ о перемиріи. Австрійская нота подобно французской отличается деликатностью и вѣжливостью [1]).

Но Наполеонъ III, подбивши Англію и Австрію представить русскому правительству вышеозначенныя ноты, не ограничился этимъ: черезъ три дня по представленіи Горчакову этихъ формулированныхъ въ шести пунктахъ предложеній, французскій императоръ сталъ склонять Англію и Австрію къ заключенію формальнаго акта, которымъ всѣ три державы обязались бы достигнуть своей цѣли относительно Россіи посредствомъ другихъ мѣръ болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ дипломатическія ноты, или, говоря проще, Наполеонъ III старался склонить Англію и Австрію объявить Россіи войну, если она не согласится принять вышеозначенные шесть пунктовъ и созвать конференцію. Но обѣ державы, т. е. Англія и Австрія, наотрѣзъ отказались отъ этого [2]).

Въ это же время, между прочимъ, прусскимъ посломъ при Петербургскомъ дворѣ получена была отъ Бисмарка меморія такого содержанія: „Господинъ посолъ! несмотря, повидимому, на всю серьезность положенія, я увѣренъ, что ни отъ одной изъ великихъ державъ нельзя опасаться войны изъ-за Польши, и всего было бы лучше, чтобы и сама Россія не обнаружила такого опасенія, а напротивъ приняла бы такой тонъ, который въ Парижѣ и Лондонѣ показалъ бы,

---

[1]) За Австріею послѣдовала подача дипломатическихъ нотъ Португаліею, Испаніею и другими мелкими государствами Европы (всѣхъ ихъ подбилъ Наполеонъ III). Содержанія нотъ мы не выписываемъ, такъ какъ оно не имѣетъ значенія.

[2]) См. Собраніе статей по польскому вопросу—М. Н. Каткова, 1887 г., т. II, стр. 1181.

что она рѣшительно не допускаетъ посторонняго вмѣшательства въ польскія дѣла, и въ то же время со всею энергіею старалась подавить этотъ мятежъ. Но допустимъ, что западныя державы рѣшатся на войну, Россія должна энергически встрѣтить и подобную случайность. Самая война для Россіи можетъ быть только желательна. Возбудивъ патріотизмъ, она уничтожила бы всѣ элементы безпорядковъ внутри страны и возвратила бы ей прежнее положеніе въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ Россія менѣе потерпитъ отъ войны, чѣмъ отъ уступчивости западнымъ державамъ".

Меморія прусскаго канцлера прочитана была Горчакову и принята къ свѣдѣнію.

Между тѣмъ вся Европа съ большимъ напряженіемъ ждала, что отвѣтитъ русскій канцлеръ Горчаковъ на эту грозную дипломатическую коалицію, обрушившуюся на Россію. Конечно, никому и въ голову не приходило, чтобы русское правительство отвѣтило отказомъ, и менѣе всего ждали этого поляки.

Перваго іюля послѣдовали знаменитые отвѣты Горчакова.

Первый отвѣтъ данъ былъ англійскому правительству. Сущность этого отвѣта была слѣдующая:

Во-первыхъ, говорится въ нотѣ Горчакова, потеря довѣрія русскимъ правительствомъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ мѣста, потому что здѣсь (въ Царствѣ Польскомъ) дѣйствуетъ только малая часть населенія, поддерживаемая тайными террористами.

Во-вторыхъ, правительству ея величества королевы англійской, если оно желаетъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, слѣдовало бы почерпать ихъ не изъ англійскихъ газетъ и журналовъ, бравшихъ матеріалы болѣе чѣмъ изъ сомнительныхъ источниковъ (подпольныхъ изданій), а изъ

русскихъ оффиціальныхъ органовъ, въ которыхъ сообщаются факты оффиціальными, должностными лицами подъ личною отвѣтственностью и строгимъ контролемъ правительства.

Въ-третьихъ, возстаніе въ Царствѣ Польскомъ—это не болѣе какъ театральная комедія, которая поддерживается лицами чуждыми краю и расчитана на вмѣшательство Европы.

Въ-четвертыхъ, шесть пунктовъ, предложенныхъ правительствомъ ея величества королевы англійской для умиротворенія Царства Польскаго, не составляютъ новости для русскаго правительства: правительство ея величества само знаетъ, что большая часть мыслей, высказанныхъ въ шести пунктахъ, по иниціативѣ его императорскаго величества, уже давно приведена въ практическое исполненіе, а остальныя готовятся къ приведенію въ исполненіе, если позволятъ обстоятельства; но въ томъ-то и дѣло, что террористы не хотятъ этого знать, они требуютъ присоединенія къ Царству Польскому коренныхъ русскихъ областей, чего русское правительство ни подъ какимъ видомъ и ни при какихъ обстоятельствахъ не допуститъ.

Въ пятыхъ, первый государственный секретарь ея величества королевы британской, лордъ Россель, предлагаетъ намъ заключить перемиріе и пріостановить военныя дѣйствія, но пусть господинъ секретарь уволитъ насъ отъ обязанности отвѣчать на сей вопросъ, какъ несостоятельный и неисполнимый въ практическомъ отношеніи: въ самомъ дѣлѣ—съ кѣмъ заключать перемиріе? съ кѣмъ вести переговоры объ этомъ предметѣ? (съ шайкою разбойниковъ и негодяевъ?)

Въ-шестыхъ, созваніе конференціи изъ державъ, подписавшихъ Вѣнскій трактатъ, его императорское величество не желаетъ и ни подъ какимъ видомъ не

допустить,—это значило бы позволить иностраннымъ правительствамъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Россіи, что было бы въ высшей степени унизительно для Русскаго Государства, какъ великой державы.

Въ седьмыхъ, его императорское величество государь императоръ, заключаетъ свою ноту князь Горчаковъ, можетъ допустить одно только: созваніе конференціи для разсужденія о польскихъ дѣлахъ изъ державъ, подѣлившихъ Польшу, т. е. Австріи и Пруссіи.

Отъ того же числа (т. е. 1-го іюля) Горчаковымъ посланы были ноты Франціи и Австріи. Ноты къ двумъ этимъ державамъ отличаются краткостью, но суть дѣла въ нихъ одна и та же; только въ нотѣ къ Франціи прибавлено, чтобы правительство Наполеона III, прежде чѣмъ заботиться о волненіяхъ въ другихъ государствахъ, постаралось бы уничтожить революціонную агитацію въ Парижѣ, такъ какъ эта агитація поддерживаетъ мятежъ польскій и опасна для цѣлой Европы.

Отвѣты Горчакова зрѣлы, обдуманы, тверды; всѣ требованія западныхъ державъ въ нихъ отклонены. Россія не урониласебя въ этомъ международномъ спорѣ.

Отвѣты русскаго канцлера, какъ и слѣдовало ожидать, ошеломили з. Европу. Они произвели удручающее впечатлѣніе на правительства державъ, подавшихъ ноты по поводу польскихъ дѣлъ, особенно на французское. Озлобленію Наполеона III не было границъ: онъ чувствовалъ себя больше всѣхъ оскорбленнымъ и униженнымъ, а потому снова сталъ подбивать Англію и Австрію противъ Россіи. Цѣлый мѣсяцъ шли переговоры; французскій императоръ все настаивалъ на вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣло Польши, но получилъ рѣшительный отказъ отъ Австріи и Англіи. Тогда онъ сталъ просить Англію и Австрію написать одну общую ноту, придать ей болѣе торжественный

характеръ и представить русскому правительству, но и въ этомъ получилъ отказъ. Наполеонъ III добился отъ этихъ державъ одного только, что тѣ согласились передать Горчакову отдѣльныя депеши и притомъ въ болѣе миролюбивомъ тонѣ, чѣмъ прежде. Первая депеша, отъ 3-го августа, была французская; вторая, отъ 11 августа, англійская и третья, отъ 12 августа, австрійская.

Содержаніе всѣхъ трехъ депешъ почти одно и то же [1]); при томъ депеши отличаются деликатностью и дышатъ какою-то грустью. Европейскія державы въ своихъ депешахъ, послѣ рѣшительныхъ отвѣтовъ Горчакова, прекращаютъ тѣ требованія, съ которыми въ началѣ такъ шумно и громко обратились къ Россіи. Онѣ уже не настаиваютъ на неслыханномъ требованіи, чтобы русское правительство заключило перемиріе съ какимъ-то подпольнымъ комитетомъ, который дѣйствуетъ, какъ разбойникъ, грабежомъ и тайными убійствами. Франція, Англія и Австрія уже не возобновляютъ требованій своихъ о созваніи европейской конференціи для устройства Польши. Послѣ русскихъ отвѣтовъ, отвергшихъ всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла новыя депеши иностранныхъ державъ не имѣютъ уже никакого значенія: это выстрѣлы, выражаясь словами покойнаго М. Н. Каткова, холостыми зарядами. Отказавшись отъ всякаго дѣятельнаго вмѣшательства въ чужія дѣла, три двора, каждый съ своей точки зрѣнія, старались только оправдать свои побужденія и свой взглядъ. Послѣднія депеши Австріи, Англіи и Франціи имѣютъ характеръ болѣе оборонительный, нежели на-

[1]) Австрія только сдѣлала въ своей депешѣ небольшое отступленіе: она, угождая Франціи и Англіи, заявила, что не согласна на конференцію по польскому вопросу безъ участія этихъ державъ. „Сѣверная почта“ 1863 г. „Journal de St.-Pétersbourg“ 1863 г.

ступательный; онѣ не нападаютъ, а защищаются и оправдываются: ясно, что это результатъ того рѣшительнаго и исполненнаго достоинства тона, который былъ принятъ русскимъ правительствомъ.

Всѣ три депеши оканчиваются одинаково, именно: „мы", говорится въ депешахъ Франціи, Англіи и Австріи, „считали своею нравственною обязанностью дружески указать правительству Россіи на самый лучшій путь, который весьма скоро привелъ бы Ц. Польское въ спокойное состояніе, и если русское правительство отвергло его, то оно само подвергаетъ себя серьезнымъ послѣдствіямъ и этимъ даетъ возможность польскимъ мятежникамъ продолжать волненіе, и потому отвѣтственность за все это падаетъ на самое русское правительство".

На эти три депеши не замедлили послѣдовать новые отвѣты русскаго правительства, отвѣты въ болѣе торжественной формѣ, чѣмъ прежніе. Въ одной изъ своихъ депешъ къ тремъ иностраннымъ дворамъ—французскому, англійскому и австрійскому—князь Горчаковъ прямо и категорически заявилъ, что „его императорское величество, государь императоръ Александръ II, покоряется только волѣ Божіей и руководствуется только собственною совѣстью въ исполненіи своихъ обязанностей относительно подвластныхъ ему народовъ и не обязанъ давать отчета Европѣ въ употребленіи своихъ верховныхъ правъ" [1].

Словомъ, послѣдними депешами русскій канцлеръ далъ знать европейскимъ дворамъ, что дальнѣйшіе переговоры о польскихъ дѣлахъ болѣе не умѣстны и нежелательны.

---

[1]) См. Сборникъ статей Каткова, стр. 1182.

Новые отвѣты русскаго канцлера Горчакова еще больше раздражили Францію, Англію и Австрію. Вслѣдствіе этого произошли новые переговоры между этими державами, именно: какія принять мѣры, чтобы заставить Россію исполнить требованіе ихъ. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній порѣшено было: Франція попытается склонить на свою сторону Пруссію, а Англія и Австрія выработаютъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Россіи.

Переговоры Франціи съ Пруссіею шли цѣлый мѣсяцъ. Мы не знаемъ, что Наполеонъ III предлагалъ Пруссіи за союзъ ея съ Франціею, но предложеніе было цѣнное и весьма соблазнительное: есть темное извѣстіе о томъ, что Пруссія даже согласилась было и приказала сформировать нѣсколько корпусовъ и двинуть на русскую границу, но потомъ дѣло разстроилось, и Пруссія снова примкнула къ Россіи даже тѣснѣе, чѣмъ прежде.

Между тѣмъ Австрія и Англія продолжали переговариваться между собою касательно выработки плана дѣйствій противъ Россіи, но и онѣ ни до чего не договорились. Лордъ Россель представилъ было Австріи такого рода проектъ: послать Горчакову новую депешу, въ которой бы оффиціально и рѣзко высказана была мысль объ утратѣ Россіею права на Польшу, основаннаго на Вѣнскомъ трактатѣ; но Австрія отвергла этотъ проектъ. Дѣло вотъ въ чемъ: когда лордъ Россель предложилъ Австріи проектъ этотъ, то Австрія, прочитавши его, сообразила, что если она приметъ этотъ проектъ и объявитъ Россію лишенною права на Польшу, то поставитъ на ноги всѣхъ поляковъ Галиціи и такимъ образомъ накличетъ на себя войну съ Россіею, а потому сейчасъ же спросила Англію: если возгорится война съ Россіею, то приметъ ли Англія

участіе въ этой войнѣ, если не войсками, то денежной субсидіей? Но Англія, располагавшая извлекать для себя изъ польскаго вопроса только даровыя побѣды, прямо и категорически заявила, что въ войнѣ не приметъ участія и не истратитъ на это ни одного фунта стерлинговъ; тогда и Австрія отказалась отъ сего проекта, тѣмъ болѣе, что и самъ Наполеонъ III нашелъ его непрактичнымъ.

Послѣ этого между Франціею, Англіею и Австріею опять пошли переговоры, которые опять кончились ничѣмъ. Франція требовала объявленія Россіи войны, Австрія соглашалась, но Англія и слышать объ этомъ не хотѣла. Англія настаивала на одномъ только: послать Россіи грозную ноту и объявить ей, что она лишается права на Польшу, основаннаго на Вѣнскомъ трактатѣ—и больше ничего; но остальныя двѣ державы на это не согласились, онѣ справедливо говорили: исполнить желаніе Англіи—значитъ получить отъ Россіи новую пощечину.

Послѣдніе переговоры происходили въ первыхъ числахъ октября. Но вдругъ 8 октября 1863 г. представителемъ Англіи при Берлинскомъ дворѣ получена была изъ Лондона отъ лорда Росселя депеша, которую слѣдовало послать лорду Непиру для передачи Горчакову, такого содержанія: такъ какъ Россія не желаетъ исполнить своихъ обязательствъ, наложенныхъ на нее Вѣнскимъ трактатомъ, то правительство ея величества королевы англійской считаетъ нужнымъ оффиціально заявить, что Россія этимъ теряетъ право на Польшу, основанное на Вѣнскомъ трактатѣ. Кто подбилъ Англію на этотъ шагъ? Какія цѣли преслѣдовались этою державою при отправленіи такой дерзкой депеши? все это осталось неразъясненнымъ до сего времени. Одни говорятъ, что это сдѣлано было лор-

домъ Росселемъ подъ вліяніемъ антипатіи къ той системѣ правленія, представительницею которой считается Россія; другіе говорятъ, что это сдѣлано было подъ вліяніемъ раздраженія англійскаго правительства, происшедшаго отъ появленія русскаго военнаго флота въ водахъ Атлантическаго океана. Дѣло вотъ въ чемъ: когда Россіи стало извѣстно о переговорахъ Франціи, Англіи и Австріи относительно вооруженнаго вмѣшательства ихъ въ дѣла Польши, то она немедленно выслала въ Атлантическій океанъ восемь военныхъ судовъ, вооруженныхъ 300-ми пушекъ; суда эти въ сентябрѣ мѣсяцѣ прибыли въ Нью-Іоркскую гавань и тамъ приняты были американцами самымъ восторженнымъ образомъ, при чемъ американское правительство высказало мысль, что въ случаѣ принятія Англіею участія въ вооруженномъ нападеніи на Россію, военный флотъ штатовъ будетъ предложенъ къ услугамъ Россіи.

Но что бы тамъ ни побудило Англію послать Горчакову вышеозначенную депешу, только этой депешѣ не суждено было отправиться дальше Берлина, тутъ она и осталась. Опять дѣло вотъ въ чемъ: когда депеша эта сдѣлалась извѣстною Бисмарку, то прусскій канцлеръ энергически обратилъ вниманіе британскаго правительства на то, что съ отрицаніемъ права Россіи на Польшу, основаннаго на Вѣнскомъ трактатѣ, само собою связано признаніе за польскими мятежниками права воюющей стороны, а это, облегчивъ доставку имъ оружія изъ Франціи и другихъ странъ, можетъ повлечь за собою войну съ Россіею, войну, въ которой Пруссія по необходимости будетъ на сторонѣ Россіи. Доводы эти, говорятъ и подѣйствовали на лорда Пальмерстона, который приказалъ немедленно возвратить депешу назадъ [1]).

[1]) „Сборникъ статей по польскому вопросу“ Каткова т. II.

Между тѣмъ Наполеонъ III, видя, что дипломатическій походъ его противъ Россіи потерпѣлъ полное фіаско, сталъ думать о томъ, какъ бы съ честью выйти изъ этой дипломатической неудачи и оправдать себя предъ французскимъ народомъ. И наконецъ придумалъ, именно: созвать конгрессъ изъ всѣхъ европейскихъ державъ для пересмотра статей Вѣнскаго трактата и замѣны ихъ другими статьями, сообразно съ современными обстоятельствами.

Цѣль этого конгресса была та, чтобы сдѣлать Россію подсудимою и объявить ей приговоръ по польскому дѣлу.

Мысль о созваніи конгресса сначала пущена была во французскихъ газетахъ и журналахъ, чтобы узнать мнѣніе Европы, а потомъ, 23 октября, Наполеонъ въ своей тронной рѣчи громогласно заявилъ: „такъ какъ статьи Вѣнскаго трактата часто нарушались европейскими державами, то ясно, что они отжили свое время, а потому нужно созвать европейскій конгрессъ для пересмотра ихъ“. Вслѣдъ за этимъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люисъ по сему вопросу разослалъ всѣмъ европейскимъ державамъ, подписавшимъ Вѣнскій трактатъ, дипломатическія ноты. Но оказалось, что созваніе конгресса для пересмотра статей Вѣнскаго трактата гораздо труднѣе, чѣмъ подбить европейскія державы къ коллективному дипломатическому походу на Россію. Прежде нежели изъявить согласіе на созваніе конгресса, европейскія державы потребовали отъ Франціи программы его, а затѣмъ посыпались возраженія, начались пререканія, доходившія до личныхъ оскорбленій, и дѣло кончилось тѣмъ, что ни одна изъ европейскихъ державъ не дала своего согласія Наполеону III на созваніе конгресса; мало того, Англія категорически заявила Франціи, что

она ни подъ какимъ видомъ не желаетъ пересмотра Вѣнскаго трактата, такъ какъ до сего времени считаетъ статьи его обязательными для всѣхъ [1]).

Такимъ образомъ Наполеонъ III и тутъ потерпѣлъ полную дипломатическую неудачу.

Послѣ этого французскій императоръ притихъ, присмирѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ притихли и присмирѣли тѣ изъ европейскихъ державъ, которыя шли у него на буксирѣ, такъ сказать, во время дипломатическихъ походовъ на Россію.

Послѣ этого Франція, Англія и Австрія болѣе не возобновляли переговоровъ съ Россіею о дѣлахъ польскихъ и не посылали ни дипломатическихъ нотъ, ни депешъ. Къ концу 1863 г. дѣятельность дипломатіи

---

[1]) *Примѣчаніе.* Къ этому времени относится рѣчь знаменитаго французскаго ученаго Прудона, сказанная въ сенатѣ по поводу польскаго возстанія. Рѣчь эта обширная представляетъ цѣлый ученый трактатъ. Въ этой рѣчи французскій ученый между прочимъ сказалъ: „Два года я изучалъ исторію Польши, съ пятаго вѣка христіанской эры до нынѣшняго 1863 г., и вотъ отвѣтъ, который я самъ себѣ далъ: нѣтъ, поляки неправы...Раздѣлы ихъ государства совершены были правильно ..Польша нѣсколько вѣковъ своими междоусобными распрями скандализировала Европу... Съ кончиною Казимира, послѣдняго Пяста, въ 1370 г. Польша начала торговать своею короною, какъ публичная женщина своею красотою... Исторія Польши, съ самаго начала ея, можетъ быть опредѣлена словами: постепенный упадокъ... цивилизиція ея въ средніе вѣка была ничто иное, какъ восточная роскошь; ея литература—только контрафакція латинизма; ея республика—лексиконъ, заимствованный изъ древняго быта, или оперная декорація, и набожность ея—крайнее ханжество. У нея не было ничего истиннаго; ничего не было опредѣленнаго у этихъ чувственныхъ людей, преданныхъ иступленію всѣхъ страстей ..Кого должны поляки обвинять въ своихъ несчастіяхъ? Самихъ себя и только самихъ ..Польша попала подъ власть Россіи—это ея счастіе... Теперь толкуютъ о 6-ти пунктахъ, и развѣ имъ не дано было все это? дано ..больше даже... Мнѣ стыдно будетъ, сказалъ въ заключеніе Прудонъ, за мою Францію, если въ ней не найдется человѣка, протестующаго противъ этой польской комедіи. См. „Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло“ Шолковича т. I. Вильна. 1885 г.

была покончена. И такимъ образомъ Россія, благодаря твердости своей, изъ этого международнаго правительства вышла съ честію и славою [1]).

Но, говоря о дипломатической перепискѣ западно-европейскихъ державъ съ Россіею по польскому вопросу, мы должны сознаться, что Россія переживала тяжелое время: война висѣла на волоскѣ, и только именно твердость государя императора Александра II, а также ловкость канцлера Горчакова и всеобщее воодушевленіе и патріотизмъ русскаго народа отстранили грозившую опасность.

А говоря о патріотизмѣ русскаго народа, его всеобщемъ воодушевленіи, мы должны еще прибавить слѣдующее: въ это трудное время для нашей дипломатіи среди русской періодической печати громче всѣхъ раздавался могучій патріотическій голосъ Михаила Никифоровича Каткова. Въ своей газетѣ „Московскія Вѣдомости“ Катковъ помѣстилъ цѣлый рядъ передовыхъ статей, въ которыхъ онъ ясно, какъ Божій день, доказалъ всю нелѣпость вмѣшательства западно-европейскихъ державъ въ польскія дѣла; при этомъ онъ энергически ратовалъ за то, чтобы русское правительство дало отпоръ западнымъ державамъ, достойный чести Россіи, съ цѣлію заставить отказаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Въ то же время М. Н. Катковъ, этотъ замѣчательный человѣкъ, цѣлымъ рядомъ международныхъ фактовъ съ очевидною ясностью доказалъ, что если на претензіи западныхъ державъ отвѣчено будетъ отказомъ, то ни одна изъ нихъ не поддержитъ своихъ требованій силою оружія, такъ какъ

[1]) Подробности о дипломатической перепискѣ по поводу польскихъ дѣлъ см. газеты 1863 г., именно: „Московскія Вѣдомости“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „День“, „Сѣверную Почту“, „Сынъ Отечества“ и „Journal de St. Pétersbourg“.

весь этотъ дипломатическій крикъ основанъ на фальши и лжи и расчитанъ на податливость и робость Россіи [1]).

Между тѣмъ, пока шла дипломатическая переписка по польскому вопросу, Россія продолжала энергически усмирять возстаніе поляковъ и добивать послѣднія банды. Такъ, между прочимъ, въ это время уничтожены были банды:

I. Въ Радомской губерніи, около селенія Юрковце, маіоръ Чути и подполковникъ Голубевъ истребили банду Чаховскаго. Банда эта состояла изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 300 чел. конницы. Сформирована она была въ Галиціи и явилась въ Россію въ половинѣ октября, гдѣ избрала своимъ предводителемъ Чаховскаго. Послѣ пораженія Чаховскій бѣжалъ въ Илжинскій лѣсъ, гдѣ изъ бродячихъ повстанцевъ сформировалъ новую банду въ 100 чел., съ которою расположился около деревни Кремпа. Тутъ на него напалъ поручикъ Мѣдяновъ съ 25 драгунами и поручикъ Асіевъ съ стрѣлками. Банда моментально была уничтожена. Самъ Чаховскій бросился было бѣжать къ лѣсу, но его нагналъ Мѣдяновъ и зарубилъ шашкою [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи всѣ слова Михаила Никифоровича Каткова оправдались: его въ этомъ дѣлѣ положительно можно назвать пророкомъ.

Примѣчаніе. За свой патріотизмъ, выразившійся въ 1863 г., М. Н. Катковъ заслужилъ глубочайшую признательность всѣхъ истинно русскихъ людей; за одно только это дѣло онъ вполнѣ заслуживаетъ памятника.

Передовыя статьи Московскихъ Вѣдомостей за 1863—4 гг., въ которыхъ М. Н. Катковъ говоритъ о польскихъ дѣлахъ, въ настоящее время собраны и напечатаны въ 3-хъ томахъ, изъ коихъ каждый имѣетъ около 700 стр. и носитъ такое названіе: „Сборникъ статей по польскому вопросу, помѣщавшихся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Русскомъ Вѣстникѣ за 1863—4 гг.“ Москва, 1877 г.

[2]) См. Русскую Старину за 1879 годъ, декабрь, стр. 651.

Примѣчаніе. Очевидецъ событій въ Ц. Польскомъ Н. В. Бергъ

II. 15 ноября около деревни Оцесенки (Радомск. г., Опатовск. у.) разбита была на голову банда графа Іосифа Гауке или Басака [1]). Стычка эта была едва ли не изъ самыхъ жаркихъ во все продолженіе мятежа. О ней разсказываютъ такъ: Басакъ, вмѣстѣ съ другимъ довудцемъ Сигизмундомъ Хмѣленскимъ [2]), въ началѣ ноября сформировалъ банду тысячи въ двѣ слишкомъ. Объ этомъ стало извѣстно начальнику Келецкаго военнаго отдѣла, генералу Чэнгери [3]), который приказалъ двумъ русскимъ отрядамъ: одному—подъ начальствомъ полковника Шульмана, а другому—подъ начальствомъ маіора Добрышина, разыскать эту банду и истребить ее. Банда найдена была около вышеозначенной деревни Оцесенки. Завязался бой. Русскіе, вслѣдствіе малочисленности своего отряда, долго не могли выбить шайку Басака изъ деревни. Но около шести часовъ вечера явился съ свѣжимъ отрядомъ полковникъ Оленичъ, находившійся недалеко отъ мѣста боя, и энергическимъ натискомъ дѣло скоро рѣшилъ: Басакъ выскочилъ изъ

считаетъ Чаховскаго однимъ изъ лучшихъ довудцевъ польскаго возстанія. По его словамъ „Чаховскій никогда не терялся, никогда не позволялъ обойти себя и сбить разными безтолковыми совѣтами кому бы то ни было; никогда не искалъ спасенія за границею. Все время, съ появленія своего на полѣ битвы до самой смерти, былъ въ краѣ, исключая тѣхъ дней, когда принужденъ былъ лѣчиться въ Галиціи отъ ранъ. Поляки считали его неуловимымъ и неуязвимымъ,—и когда его не стало, не вѣрили этому, говоря, что москали сочинили его смерть съ какимъ-нибудь расчетомъ. Вслѣдствіе этого, говоритъ Бергъ, начальникъ Радомскаго военнаго отдѣла приказалъ выставить тѣло Чаховскаго на одной изъ площадей Радома на показъ всему народу. Какія то двѣ дамы пришли туда почью и упросили часового дозволить имъ отрѣзать у покойнаго на память нѣсколько волосъ и, когда это позволено было имъ, остригли его такъ, что онъ сталъ почти неузнаваемъ".

[1]) О Гауке или Басакѣ см. ниже.

[2]) Братомъ Игнатія Хмѣленскаго, основателя анархическаго жонда.

[3]) Чэнгери только-что произведенъ былъ въ генералы.

деревни и бѣжалъ къ городу Опатову, а за нимъ скоро выбѣжалъ и Хмѣленскій. Бой продолжался шесть часовъ. Басакъ потерялъ 300 человѣкъ убитыми.

Послѣ этого боя, двѣ недѣли не было слышно ни о Басакѣ, ни о Хмѣленскомъ. Но въ первыхъ числахъ декабря получены были извѣстія о Хмѣленскомъ. Оказалось, что Хмѣленскій съ остатками банды Басака скрывается около мѣстечка Вержбинка (Опатовскаго у.) въ горахъ и крутоярахъ. Когда получены были точныя извѣстія объ этомъ, то генералъ Чонгери командировалъ туда 20 ротъ солдатъ, чтобы устроить облаву. Облава удалась: вся банда захвачена была въ плѣнъ, а съ нею и самъ Хмѣленскій [1]).

---

[1]) О поимкѣ Хмѣленскаго передаютъ такъ: „Двое драгунъ, проѣзжая по кустамъ, увидѣли бѣгущаго человѣка съ серебряными жгутами и, предположивъ, что это по всей вѣроятности начальникъ, пустились за нимъ въ погоню. Одинъ драгунъ заступилъ ему дорогу наперерѣзъ на тропинкѣ; повстанецъ выстрѣлилъ по немъ изъ револьвера, но далъ промахъ. Тогда драгунъ ударилъ его палашомъ и ранилъ ему правую руку въ локоть; хотѣлъ повторить ударъ, но тотъ закричалъ чистымъ русскимъ языкомъ:

„Не бей, я—Хмѣленскій!“

Имя это было извѣстно всѣмъ солдатамъ Радомскаго военнаго округа, какъ имя одного изъ лучшихъ повстанскихъ довудцевъ. Драгунъ сейчасъ же вложилъ палашъ въ ножны, связалъ, при помощи подоспѣвшаго товарища, руки плѣнника и доставилъ его въ отрядъ. Дали знать генералу Чонгери, что взятъ Хмѣленскій. Онъ не повѣрилъ, сѣлъ ту же минуту на лошадь и поскакалъ къ мѣсту, гдѣ находился пойманный. Приближаясь къ нему, онъ спросилъ:

— Правда ли, что вы Хмѣленскій?

— Прежде позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ Хмѣленскій.

— Я Чонгери.

— А я Хмѣленскій.

Множество любопытныхъ стеклось тѣмъ временемъ смотрѣть Хмѣленскаго, какъ рѣдкаго звѣря. Хмѣленскій маленькій, худой, блѣдный лежалъ въ телѣгѣ, сердито сверкалъ глазами и, наконецъ, не выдержалъ этого оглядыванья и сказалъ:

Между тѣмъ о самомъ Басакѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ ничего не было слышно. Только въ концѣ декабря сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ, послѣ разгрома его банды около деревни Одесенки, бѣжалъ въ лѣсъ, находившійся недалеко отъ деревни Дальтице (въ 15 верстахъ отъ города Келецъ), и тамъ скрылся. Проживая въ лѣсу, Басакъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, изъ остатковъ разбитыхъ бандъ составилъ новую шайку болѣе чѣмъ въ 1000 человѣкъ. Въ началѣ января 1864 г. онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Жверждовскимъ напалъ на г. Опатовъ, гдѣ находился полковникъ Звѣревъ съ нѣсколькими ротами. Завязалось жаркое дѣло. Басакъ не устоялъ: со всею бандою обратился въ бѣгство. Полковникъ Звѣревъ погнался и истребилъ всю банду мятежниковъ, при чемъ болѣе 700 человѣкъ взялъ въ плѣнъ. Но Басакъ ушелъ.

Послѣ этого Басакъ не принималъ участія въ мятежахъ: онъ скоро эмигрировалъ въ Парижъ, гдѣ поступилъ въ французскую армію и дрался съ пруссаками. Въ 1870 г. былъ убитъ при городѣ Дижонѣ [1]).

— Прикажите, генералъ, меня куда-нибудь спрятать, гдѣ бы я не былъ потѣхою праздному любопытству.

Ченгери велѣлъ помѣстить его въ одной избѣ и не пускать туда никого.

7 декабря Хмѣленскій былъ разстрѣленъ въ Радомѣ, на площади.

[1]) Басакъ, иначе графъ Іосифъ Гауке (родной дядя, по сестрѣ, бывшаго болгарскаго князя Александра Баттенбергскаго), тоже считался однимъ изъ лучшихъ довудцевъ. Воспитаніе получилъ въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ. Потомъ сдѣланъ былъ камеръ-пажемъ и въ 1851 г. поступилъ въ лейбъ-гвардейскій гусарскій полкъ. Въ 1853 г. въ чинѣ поручика вышелъ въ отставку. Нѣсколько времени прожилъ въ Парижѣ. Въ 1859 г. снова поступилъ въ русскую службу и попалъ на Кавказъ—подъ начальство князя Барятинскаго. Участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ Шамилемъ и получилъ за храбрость орденъ Станислава 2-й степени съ мечами и саблю. Съ этою саблею онъ никогда не разставался, любилъ ее до страсти. Когда онъ былъ убитъ подъ

Другъ Басака Жверждовскій тогда же попался въ плѣнъ. Его нашли скрывшимся въ одной избѣ въ Опатовѣ, и тогда же онъ по приказанію Чонгери повѣшенъ былъ на обгорѣлой балкѣ еще дымившейся хаты, которую незадолго предъ этимъ приказалъ зажечь самъ Жверждовскій.

III. Въ Люблинской губерніи, Луковскаго уѣзда, подполковникъ Федоровскій 14 декабря разбилъ соединенную банду Крука и Лѣневскаго. Въ этой схваткѣ убито 100 человѣкъ мятежниковъ и 30 ранено. Предводителемъ шайки былъ Крукъ. Крукъ тоже былъ раненъ, но успѣлъ бѣжать. Послѣ этого онъ исчезъ куда-то и больше не появлялся среди мятежниковъ.

IV. Въ Люблинской губерніи, около г. Янова, казацкій сотникъ разбилъ шайку Новицкаго, при чемъ самъ Новицкій былъ убитъ.

Послѣ этого бандъ въ 100 и даже въ 50 человѣкъ не появлялось Появлялись въ 30, 40 чел. не болѣе, да и то банды эти болѣе занимались грабежомъ мирныхъ деревенскихъ жителей. Правда, въ первыхъ числахъ января 1864 г. появилась было одна крупная банда въ 1000 человѣкъ, подъ начальствомъ довудцы

Дижономъ, то жена, не найдя при тѣлѣ мужа его любимой сабли, черезъ европейскія газеты просила возвратить ее, и сабля дѣйствительно была возвращена ей: она найдена была у какого-то прусскаго унтеръ-офицера.

Въ концѣ сентября 1862 г. Басакъ за свои военные подвиги на Кавказѣ получилъ чинъ полковника и ожидалъ званія флигель-адъютанта, но, не дождавшись его, взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ революціонерами Домбровскимъ и Сѣраковскимъ. Тѣ его убѣдили бросить службу и вступить въ ряды повстанцевъ. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Парижъ. Въ Парижѣ его окончательно сбили съ толку. Въ началѣ 1863 г. онъ изъ Франціи прибылъ въ Царство Польское и сталъ формировать банды, съ которыми нѣсколько разъ вступалъ въ стычки съ русскими отрядами и, конечно, постоянно терпѣлъ пораженія. Послѣдняя его стычка была, какъ мы сейчасъ видѣли, около города Опатова.

Рембайло; но 9 января напалъ на нее при урочищѣ Остро-Гурки (въ Радомской губ., Опочинскаго уѣзда) полковникъ Алешичъ и сразу истребилъ ее всю; при чемъ самъ Рембайло былъ убитъ.

Приближался конецъ 1863 г. Польскій мятежъ къ этому времени рѣшительно ослабѣлъ: банды не появлялись изъ лѣсовъ, и политическія убійства совершенно прекратились или, по крайней мѣрѣ, совершались весьма рѣдко. Притомъ въ послѣдніе три мѣсяца сдѣлано было много важныхъ открытій изъ тайныхъ дѣйствій мятежниковъ, которыя совершенно подорвали такъ называемый „Временный народный жондъ“. Такъ, еще въ октябрѣ мѣсяцѣ открыта была главная типографія народнаго жонда, гдѣ печатались его прокламаціи, газеты, преступнаго содержанія брошюры и разнаго рода воззванія. Потомъ открыты были склады оружія, провіанта, и захвачены значительныя суммы денегъ. Затѣмъ открыта была почта жонда, развозившая его агентовъ.

Большинство вышеозначенныхъ открытій сдѣлано было прикомандированнымъ къ Варшавской полиціи подпоручикомъ гвардейской артиллеріи, Владиміромъ Васильевичемъ Опопріенко. За глубокую преданность правительству, смѣлость и энергію народный жондъ присудилъ его къ смерти. И дѣйствительно, Опопріенко едва не поплатился жизнію: въ октябрѣ мѣсяцѣ на него напалъ убійца, но былъ схваченъ и обезоруженъ въ ту минуту, когда обнажилъ кинжалъ, чтобы нанести ударъ. Преступникъ оказался ремесленнымъ подмастерьемъ Ягошевскимъ; онъ казненъ на Гржибовской площади въ Варшавѣ [1]).

---

[1]) Графъ Бергъ высоко цѣнилъ Опопріенку: однажды онъ пригласилъ его къ себѣ и при всѣхъ сказалъ, что дѣйствія его считаются наравнѣ съ военными подвигами, и подарилъ ему 500 р.

Годъ закончился поимкою и казнью многихъ жандармовъ—вѣшателей и кинжалистовъ; въ числѣ послѣднихъ пойманъ былъ одинъ изъ главныхъ начальниковъ надъ кинжалистами, нѣкто Беньковскій, и его другъ и помощникъ ксендзъ Іосифъ Любянскій, организовавшій шайку кинжалистовъ въ Остроленскомъ уѣздѣ.

Насталъ 1864 г.; мятежъ окончательно былъ усмиренъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ наконецъ открытъ былъ и самый народный жондъ.

Послѣдній народный жондъ, о которомъ мы говорили, былъ жондъ Игнатія Хмѣленскаго или жондъ „анархистовъ“; но онъ недолго существовалъ: мѣсяца два, не болѣе. Къ концу октября онъ разсыпался. Главный начальникъ его Игнатій Хмѣленскій бѣжалъ за границу; но при этомъ онъ не упустилъ случая запустить свою цѣпкую руку въ жондовскій сундукъ и украсть оттуда значительную сумму денегъ [1]).

Послѣ бѣгства Хмѣленскаго польскій мятежъ оставался нѣсколько времени безъ жонда. Многіе изъ мятежниковъ предлагали образовать новый жондъ прежнимъ членамъ его—Карлу Маевскому и его пріятелю Вячеславу Пржибыльскому, но тѣ рѣшительно отклонили отъ себя эту честь: они страшно боялись, какъ бы снова не явился Хмѣленскій съ револьверомъ въ одной рукѣ и кинжаломъ—въ другой. Вмѣсто себя они предложили въ организаторы новаго жонда Ромуальда Траугута, отставного подполковника русскихъ войскъ, который въ началѣ возстанія командовалъ шайкою въ

Дѣятельность Опопріенко была извѣстна всей Россіи. За свои подвиги онъ получилъ много благодарственныхъ телеграммъ и цѣнныхъ подарковъ изъ Петербурга, Москвы и др. городовъ.

[1]) Хмѣленскій былъ родомъ изъ Варшавской губ., Ново-Минскаго уѣзда. Послѣ бѣгства за границу, онъ сначала жилъ въ Лондонѣ, потомъ въ Парижѣ, Швейцаріи и постоянно терпѣлъ страшную нужду.

Кобринскомъ уѣздѣ (Гродн. губ.) и затѣмъ бѣжалъ за границу и жилъ въ Парижѣ. На него, какъ на даровитую личность, указалъ и предсѣдатель Парижскаго Демократическаго общества Владиславъ Чарторыйскій [1]).

---

[1]) Траугутъ былъ дворянинъ Гродненской губерніи. Родился въ 1826 г. Образованіе получилъ въ Свислочской гимназіи (Гродненской губерніи). Среди товарищей онъ ничѣмъ не отличался. Былъ тихимъ, скромнымъ ученикомъ. Надъ нимъ часто смѣялись и даже нерѣдко въ насмѣшку толкали его, и онъ все покорно переносилъ. Но если начинали насмѣхаться надъ католическою религіею, надъ папою, надъ ксендзами—„тутъ", говоритъ Н. В. Бергъ, „оставляло Траугута обычное его спокойствіе: онъ приходилъ въ бѣшенство, глаза его сверкали несвойственнымъ имъ дикимъ блескомъ. Можно было думать, что, попадись ему въ то время ножъ подъ руки, онъ пырнулъ бы неосторожнаго насмѣшника, нисколько не задумываясь". Необычайная приверженность къ религіи составляла вообще исключительную черту характера Траугута съ самыхъ раннихъ лѣтъ.

Въ 1844 г. Траугутъ поступилъ въ военную службу и скоро получилъ чинъ офицера.

Въ 1855 г. Траугутъ попалъ подъ стѣны Севастополя въ качествѣ старшаго адъютанта при Меншиковѣ. Находясь въ центрѣ военныхъ дѣйствій и постоянно видя предъ собою огонь и смерть, онъ, по словамъ очевидцевъ, оставался спокойнымъ и равнодушнымъ ко всему окружающему: его не радовали и не печалили ни русскія побѣды, ни русскія неудачи. Когда другіе поляки, которыми былъ переполненъ штабъ Меншикова, при каждомъ успѣхѣ русскаго оружія не выдерживали характера: сердились, бранились или забивались въ свои палатки и сидѣли тамъ насупясь (русскіе офицеры называли ихъ термометрами русскихъ побѣдъ), Траугутъ оставался совершенно спокойнымъ. Никто изъ товарищей не подозрѣвалъ въ немъ никакихъ страстей; иные даже не подозрѣвали въ немъ и ума, да его дѣйствительно въ немъ не было; если онъ попалъ въ штабъ, то только по протекціи.

По окончаніи крымской войны, Траугутъ сначала служилъ въ Харьковѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Въ 1860 г., въ чинѣ подполковника, вышелъ въ отставку, уѣхалъ на родину и тамъ женился на внучкѣ знаменитаго Костюшки.

Когда началось возстаніе, Траугутъ принялъ въ немъ горячее участіе: въ 1863 г. онъ въ Гродненской губ., въ Кобринскомъ уѣздѣ, сформировалъ банду и началъ съ нею, во имя католической религіи, какъ онъ говорилъ, разбойничать. Затѣмъ перешелъ въ Волынскую губернію и тамъ разорилъ и опустошилъ нѣсколько имѣній православныхъ помѣщиковъ, пока въ Воронскомъ лѣсу не была истреблена его шайка; а самъ онъ, боясь

Траугутъ принялъ предложеніе и въ началѣ октября прибылъ въ Варшаву.

Онъ поселился въ отдаленномъ углу Варшавы, на Смольной улицѣ на берегу Вислы, въ квартирѣ Елены Маевской [1]). Тутъ онъ составилъ новый жондъ, и тутъ были его засѣданія.

Жондъ, составленный Траугутомъ, назывался „жондомъ Траугута“ или „жондомъ пятаго состава“. Предсѣдателемъ этого жонда былъ самъ Траугутъ, а членами: Краевскій Рафаилъ—бывшій инженеръ, Точинскій Осипъ, Жулинскій Романъ—учитель, Езеровскій Иванъ—акцизный чиновникъ, Поприцкій Сигизмундъ—студентъ, Суминскій Сигизмундъ—тоже студентъ, Тржебецкій Эдуардъ—плотничій подмастерье, Неверъ Станиславъ—тоже плотничій подмастерье, Токаржевскій Семенъ—Варшавскій сапожникъ, Малиновскій Болеславъ—архитекторъ, Дунаевскій—ксендзъ, Волинскій Артуръ—тоже ксендзъ.

Первое засѣданіе новаго жонда произошло 10 октября. Открыто оно было рѣчью Траугута. Въ рѣчи своей Траугутъ между прочимъ сказалъ: „Намъ нужно какъ можно дольше поддерживать возстаніе въ виду того, что Европа скоро вступится за насъ. Вы говорите, что у насъ денегъ нѣтъ. но это дѣло скоро будетъ поправлено: я уже распорядился сдѣлать два займа: внѣшній—европейскій и внутренній—польскій; затѣмъ для веденія военныхъ дѣйствій мною приглашено зна-

---

попасть въ руки правительства, бѣжалъ въ Парижъ, откуда, какъ мы видѣли сейчасъ и былъ приглашенъ въ Варшаву составить жондъ.

[1]) Елена Маевская сначала была женою Киркора (издателя „Виленскаго Вѣстника“ въ шестидесятыхъ годахъ), а потомъ, бросивши мужа, бѣжала съ поэтомъ Сырокомлею (Кондратовичемъ), но скоро и съ нимъ разошлась. Въ 1863 г. она поселилась въ Варшавѣ и снимала номера одной гостинницы для пріѣзжающихъ.

чительное количество иностранныхъ офицеровъ, которые, подъ моимъ надзоромъ, устроятъ армію на подобіе европейскихъ армій: съ корпусами, дивизіями и полками, а также съ правильно организованнымъ штабомъ. Кромѣ того, заключилъ свою рѣчь Траугутъ, сдѣлано распоряженіе объ основаніи сильнаго флота на Черномъ морѣ, и ассигнованы на это дѣло соотвѣтствующія суммы денегъ“ [1]).

Рѣчь выслушана была въ глубокомъ молчаніи. Она произвела на слушателей потрясающее дѣйствіе. Правда, всѣмъ было хорошо извѣстно, что у жонда пѣтъ за душою ни копѣйки, что о сформированіи не только корпусовъ арміи, но даже одного баталіона нельзя думать, и что спаряженіе сильнаго флота на Черномъ морѣ есть чистая мечта; но тѣмъ не менѣе всѣ слышавшіе рѣчь Траугута, по свойственному качеству натуры поляковъ вѣрить всему несбыточному, нелѣпому, если это только клонилось къ возстановленію Польши, вышли отъ Траугута вполнѣ увѣренными, что все это есть такъ и такъ будетъ, и что теперь Польша несомнѣнно будетъ возстановлена въ предѣлахъ 1772 г., а потому положили дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ противъ русскихъ всѣмъ, чѣмъ только возможно. Но вся дѣятельность ихъ ограничилась только нѣсколькими политическими убійствами. Они не могли даже составить сколько-нибудь значительной банды. Если во время этого жонда въ Ц. Польскомъ были крупныя банды, то появились они благодаря энергіи отдѣльныхъ довудцевъ, а никакъ не народному жонду. Впрочемъ члены Траугутова жонда сами скоро убѣдились въ своемъ безсиліи и своей непригодности вслѣдствіе энергическихъ дѣйствій правительственной власти, а потому

---

[1]) См. „Русскую Старину“ за 1879 г. мѣсяцъ декабрь.

многіе изъ нихъ къ концу 1863 г. постарались по-добру-по-здорову эмигрировать за границу. Самъ диктаторъ сознавалъ, что дни его жонда сочтены, и что въ недалекомъ будущемъ онъ попадетъ въ руки правительства, а потому каждое засѣданіе свое обставлялъ глубокою таинственностью и необыкновенными предосторожностями.

И дѣйствительно, предчувствія Траугута сбылись: въ концѣ января большинство членовъ жонда было арестовано [1]), а въ февралѣ и остальные пойманы; самъ диктаторъ арестованъ былъ въ первыхъ числахъ марта. Онъ арестованъ былъ въ собственной квартирѣ, въ постели, въ два часа ночи. Говорятъ, что, когда его разбудили, онъ, взглянувъ на окружавшихъ его военныхъ, произнесъ: „уже"!

Всѣ члены арестованнаго жонда понесли достойное наказаніе: самъ Ромуальдъ Траугутъ и первые четыре упомянутые нами члены жонда были повѣшены [2]); слѣ-

---

[1]) Правительство добралось до жонда вслѣдствіе одного, повидимому, маловажнаго обстоятельства, именно: 12 января гимназистъ Лышкевичъ ночью шелъ по одной изъ улицъ Варшавы съ фонаремъ (тогда всѣмъ приказано было ходить ночью съ фонарями), но на дорогѣ фонарь потухъ; Лышкевича взяли въ полицію (тогда всѣхъ приказано было брать въ полицію, кто не имѣлъ зажженнаго фонаря). Въ полиціи Лышкевичъ подвергнутъ былъ допросу—откуда и куда шелъ? Сначала онъ запирался, а потомъ сказалъ, что былъ у студента главной школы Владислава Богуславскаго. Произвели внезапно у Богуславскаго обыскъ и нашли много компрометирующихъ бумагъ. По одной изъ этихъ бумагъ полиція заключила, что Богуславскій коротко знакомъ съ нѣкіимъ Эмиліаномъ Лауберомъ, который считался помощникомъ начальника жондовой полиціи. Арестовали того, а тотъ съ испугу открылъ и весь жондъ.

[2]) Казнь членовъ жонда произведена была 24 іюля въ Варшавѣ, у гласиса Александровской цитадели, близъ форта Алексѣя. Объ этой казни очевидецъ разсказываетъ такъ: Въ 8 час. утра войска окружили эшафотъ, а въ 9 показалась изъ цитадели процессія съ палачомъ впереди. Осужденные ѣхали каждый на особой узкой телѣгѣ въ одну лошадь, съ открытыми голо-

дующіе пять были сосланы въ каторжныя работы, а остальные три—Малиновскій Болеславъ и два ксендза бѣжали за границу.

Жондъ Траугута былъ послѣдній жондъ польскаго мятежа. Открытіе этого жонда и его членовъ нанесло польской крамолѣ окончательный ударъ.

Правда, послѣ арестованія Траугута захватилъ было власть въ свои руки студентъ С.-Петербургскаго университета Вашковскій Александръ [1]) и составилъ было жондъ изъ трехъ своихъ пріятелей: сына столяра—Эммануила Шафарчика и двухъ ксендзовъ—Шабранскаго Владислава и Михайловскаго Даніила, но скоро былъ схваченъ вмѣстѣ съ своими пріятелями [2]).

вами, имѣя по правую руку ксендза-капуцина. Около телѣгъ—справа, слѣва и сзади ѣхали въ полной парадной формѣ, въ каскахъ, жандармы съ обнаженными саблями, и шло нѣсколько ротъ солдатъ.

Траугутъ ѣхалъ первымъ. Онъ былъ одѣтъ въ длинное осеннее пальто синяго цвѣта, съ широкою тесьмою по краямъ. Неподалеку отъ эшафота всѣхъ осужденныхъ спустили съ телѣгъ и поставили въ рядъ по лѣвую руку; тутъ всѣмъ прочитанъ былъ смертный приговоръ. Во время чтенія приговора Траугутъ обратился къ ксендзу и сказалъ ему что-то на ухо.

Послѣ этого всѣхъ преступниковъ возвели на эшафотъ и поставили подъ петли. Потомъ всѣмъ имъ надѣли смертныя рубахи. Руки у нихъ почему то не были связаны, какъ дѣлается обыкновенно съ подобными лицами: имъ предоставлена была значительная свобода дѣйствій, вслѣдствіе чего одинъ изъ преступниковъ, именно Краевскій, воспользовавшись этимъ, расправилъ свою большую и красивую бороду, перехваченную веревкою. Всѣ преступники, повидимому, говоритъ очевидецъ, были спокойны, за исключеніемъ одного, именно Езеровскаго Ивана: этотъ безпрестанно поворачивалъ голову направо и налѣво, въ глазахъ его замѣчался страшный испугъ, лицо его было очень блѣдно, черты искажены, волосы взъерошены.

Послѣ казни трупы ихъ сейчасъ же были сняты и преданы землѣ.

[1]) Тотъ самый, который укралъ изъ главной кассы Варшавскаго казначейства 3,600.000 рублей.

[2]) *Примѣчаніе.* Вашковскій, объявивши себя начальникомъ жонда, по словамъ Н. Берга, скрывался по разнымъ трущобамъ.

Самъ Вашковскій и его пріятель Шабранскій были повѣшены 5-го февраля 1865 года въ Варшавѣ, близъ Александровской цитадели, а ксендзы сосланы въ каторгу [1]).

Послѣ арестованія Вашковскаго какъ въ Варшавѣ, такъ и во всемъ Ц. Польскомъ не могло уже болѣе существовать никакой конспираціонной организаціи. Послѣ этого польскіе патріоты перенесли свою преступную дѣятельность въ Парижъ. Въ началѣ 1865 г. они основали тамъ конспираціонное общество, назван-

---

Въ послѣднее время онъ держался на казенной мельницѣ, на Сольцѣ, подъ досками, надъ которыми вѣчно ходили и стучали жернова. Тутъ онъ спалъ, въ чемъ ходилъ, прикрывался, вмѣсто одѣяла, старыми мучными мѣшками; никогда не перемѣнялъ бѣлья, никогда не умывался, и при такихъ условіяхъ все-таки воображалъ себя „начальникомъ жонда и будущимъ возстановителемъ Польши".

О поимкѣ его передаютъ такъ: У него была сестра въ Варшавѣ, по имени Клотильда, которой онъ написалъ письмо и просилъ ее придти для свиданія въ указанный пунктъ. Это было въ первыхъ числахъ декабря, въ 10 часовъ утра. Но сестра не пришла. Вашковскій прождалъ ее часъ и затѣмъ повернулъ назадъ на свою мельницу; но, проходя по улицѣ, онъ постоянно оглядывался на всѣ стороны и видимо трусилъ. Это замѣтилъ одинъ полиціантъ, остановилъ его и затѣмъ потребовалъ въ полицію. Тогда Вашковскій вырвался и пустился бѣжать. Въ одномъ переулкѣ онъ юркнулъ въ чью-то калитку; потомъ поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ и скрылся въ одной каморкѣ, гдѣ и былъ арестованъ.

[1]) Вашковскій и Шафарчикъ повѣшены были тамъ, гдѣ повѣшены были и члены послѣдняго жонда.

Когда Вашковскаго и его пріятеля взвели на эшафотъ, то послѣдній, обратясь къ первому, началъ громко говорить: „это они все, мерзавцы, натворили; они сбили насъ съ толку; мы люди маленькіе, темные, были вѣрные подданные, и что они сдѣлали съ нами! будьте прокляты"!

Вашковскій, какъ бы не слышалъ всего этого, стоялъ и смотрѣлъ съ эшафота на народъ, окружавшій эшафотъ; но видно было, что онъ страшно перепуганъ и трясся.

Шафарчика стали вѣшать первымъ. Онъ подобралъ подъ себя ноги и этимъ затруднялъ процессъ казни. Когда стали надѣвать ему петлю, онъ укусилъ исполнителя казни за палецъ.

Тѣла ихъ тоже висѣли не долго, ихъ скоро предали землѣ.

ное ими „Представительнымъ польскимъ комитетомъ въ Парижѣ“. Членами сего общества, между прочимъ, были: Даниловскій Владиславъ, Гауке Іосифъ (Басакъ) и Котковскій Касперъ—ксендзъ. Цѣль этого общества состояла въ томъ, чтобы поднять въ Ц. Польскомъ новое возстаніе посредствомъ отправки туда эмиссаровъ.

И дѣйствительно, въ концѣ 1865 года четыре эмиссара вышеозначеннаго общества: Рудзинскій Владиславъ, Янчевскій Здиславъ, Улятовскій Мечиславъ и Даниловскій Владиславъ прибыли въ Варшаву изъ Парижа, но были схвачены и сосланы [1]). Послѣ этого уже не было попытокъ поднять возстаніе въ Ц. Польскомъ.

Потерявъ всякую надежду имѣть въ Ц. Польскомъ революціонную организацію, польская эмиграція занялась ею главнымъ образомъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Турціи. Тамъ она основала свои разные кружки, комитеты, братства и стала издавать газеты, именно: „Niepodległość“ (въ Цюрихѣ), „Głos Wolny“ (въ Лондонѣ), „Peuple Polonais“ (тоже въ Лондонѣ) и др.

Въ настоящее время польскіе патріоты пріютились въ Австріи, въ Галиціи, именно въ Львовѣ и Краковѣ.

Проживая въ вышеозначенныхъ городахъ, польскіе патріоты зорко слѣдятъ оттуда за тѣмъ, что дѣлается въ Россіи. Въ то же время они съ нетерпѣніемъ ждутъ—скоро ли Россія вступитъ въ кровавую борьбу съ тройственнымъ союзомъ (т. е. съ Германіею, Австріею и Италіею), чтобы самимъ принять участіе въ этой борьбѣ въ качествѣ сторонниковъ этого союза. Польскіе патріоты положительно убѣждены въ томъ, что если нач-

---

[1]) „Заговоры и покушеніе на жизнь намѣстника“ Берга Устимовича. Варшава 1870 г.

нется борьба Россіи съ тройственнымъ союзомъ, то Россія несомнѣнно потерпитъ пораженіе. И затѣмъ положительно увѣрены, что по окончаніи войны у Россіи будутъ отняты земли по Днѣпръ, изъ которыхъ будетъ образовано Царство Польское, какъ оплотъ отъ русскаго нашествія [1]).

По этому поводу недавно былъ съѣздъ польскихъ патріотовъ въ городѣ Львовѣ. На этомъ съѣздѣ, между прочимъ, присутствовали три самыхъ злѣйшихъ врага Россіи и православія, именно: Филинскій, Красинскій и Гриневецкій, бывшіе католическіе епископы въ Россіи.

Австрійская провинція Галиція (или Лодомирія), въ которой теперь пріютились польскіе патріоты, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ большихъ частей, именно: бывшаго герцогства Краковскаго (на западъ отъ р. Сана, притока Вислы) и собственно Галиціи (на востокъ отъ Сана). Первая часть населена поляками (2,400,000 ч.), а вторая—русскими (2,700,000 ч.). Эти два народа, живя въ Галиціи, постоянно находились во враждѣ между собою изъ-за политическихъ тенденцій. Политическій идеалъ польской народности, живущей въ Галиціи — возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года; политическій же идеалъ русиновъ—слитіе съ Москвою.

---

[1]) Въ концѣ 1884 г., когда отношенія Россіи къ Германіи обострились, въ одинъ изъ городовъ Сѣверо-Западнаго края пріѣзжали изъ-за границы нѣсколько польскихъ патріотовъ съ цѣлію подготовить поляковъ Сѣверо-Западнаго края, въ случаѣ войны Россіи съ Германіей, къ союзу съ послѣднею. Въ честь этихъ патріотовъ было устроено нѣсколько вечеровъ съ танцами. На этихъ вечерахъ польскіе патріоты положительно увѣряли, что война Россіи съ Германіей непремѣнно вспыхнетъ, что Россія будетъ разгромлена и прогнана за Волгу, къ Уральскимъ горамъ, и что изъ отнятыхъ у Россіи земель будетъ образовано Царство Польское. По этому поводу много было выпито шампанскаго въ честь Бисмарка и будущаго Царства Польскаго. Мнѣ передавалъ это человѣкъ, который самъ былъ на одномъ изъ сихъ вечеровъ.

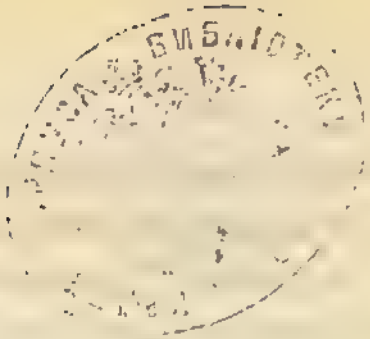
Такъ было до начала шестидесятыхъ годовъ. Затѣмъ, въ шестидесятыхъ годахъ въ Галиціи, среди русскаго населенія, образовалась партія такъ называемая „малороссійская“ или „украинофильская“, политическій идеалъ которой — образованіе особаго, автономнаго государства изъ русской (русинской) народности, населяющей Галицію.

Въ настоящее время малороссійская партія, благодаря польскимъ патріотамъ, соединилась съ польскою народностію съ цѣлію, какъ она говоритъ, скорѣе достигнуть своего намѣченнаго идеала. Представители малорусской партіи: Романчукъ, Телишевскій и Сѣчинскій составили свою программу, въ которой они восхваляютъ все польское и шляхетское и осуждаютъ все русское и православное. Они требуютъ въ своемъ органѣ „Правда“, чтобы малороссы соединились съ поляками и шли съ ними рука объ руку въ виду того, что скоро Россія вступитъ въ борьбу съ З. Европою и, побѣжденная, согласится на возстановленіе Польши и Малороссіи.

Малороссійская или украинская партія въ Галиціи старается найти себѣ и въ Россіи, на югѣ, соучастниковъ. Насколько это ей удается—мы не знаемъ, но вотъ одна странность, на которую нельзя не обратить вниманія: есть лица, живущія на югѣ Россіи, которыя, сочувствуя тенденціямъ русиновъ, ихъ желанію слиться съ Россіею, выписываютъ ихъ печатные органы „Червонную Русь“ и „Страхопудъ“; но оказывается, что въ этихъ газетахъ постоянно вырѣзываются тѣ статьи, въ которыхъ содержатся неблагопріятные отзывы или о малороссійской партіи, или же о полякахъ и католичествѣ; кто это дѣлаетъ — рѣшить не можемъ.

Послѣ арестованія членовъ послѣдняго народнаго жонда, русское правительство приступило къ реформамъ въ Царствѣ Польскомъ съ цѣлію сравнять его въ административномъ отношеніи съ остальною Россіею. Главное вниманіе обращено было на устройство быта крестьянъ, на католическое духовенство и народное образованіе. Крестьяне надѣлены были землею, духовенству положено было штатное жалованье, а бенефиціи или церковныя имѣнія были отобраны (секуляризованы); многіе монастыри закрыты, а остальные подчинены строгому полицейскому надзору; народное образованіе приняло характеръ русскій, а не польскій.

Послѣ усмиренія мятежа графъ Берґъ оставался намѣстникомъ Царства Польскаго до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1874 году.



Возстаніе поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи.

Одновременно съ возстаніемъ поляковъ въ Царствѣ Польскомъ произошло возстаніе ихъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Подобно тому какъ въ Царствѣ Польскомъ первоначально начались манифестаціи и разнаго рода демонстраціи въ Варшавѣ, такъ и въ Литвѣ и Бѣлоруссіи первоначально начались онѣ въ Вильнѣ. Какъ въ Варшавѣ существовалъ „Центральный революціонный комитетъ“ или такъ называемый „Временный народный жондъ“, который завѣдывалъ всѣми дѣлами мятежа въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Вильнѣ существовалъ подобный комитетъ, который завѣдывалъ всѣми дѣлами мятежа въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Но, несмотря на это сходство, возстаніе поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи значительно разнилось отъ возстанія въ Царствѣ Польскомъ. Самое главное и существенное отличіе возстанія поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи отъ возстанія ихъ въ Царствѣ Польскомъ состояло, во-первыхъ, въ томъ, что въ Литвѣ и Бѣлоруссіи оно не имѣло того остраго характера, какое имѣло въ Царствѣ Польскомъ; во-вторыхъ, въ томъ, что въ Литвѣ и Бѣлоруссіи оно не было такъ продолжительно, какъ въ Царствѣ Польскомъ. То и другое, конечно, больше всего зависѣло отъ состава народонаселенія и энергіи мѣстныхъ властей.

Признаки революціонныхъ движеній въ Сѣверо-Западномъ краѣ (т. е. въ Литвѣ и Бѣлоруссіи) начали обнаруживаться еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. На первыхъ порахъ признаки эти обнаружились въ

тайныхъ съѣздахъ польскихъ помѣщиковъ для переговоровъ относительно поднятія духа полонизма; затѣмъ—въ основаніи польскимъ дворянствомъ сельскихъ и городскихъ школъ, въ которыя приглашены были учителями лица завѣдомо нерасположенныя къ правительству и русской народности; наконецъ—въ распространеніи среди сельскаго и городского населенія такихъ книгъ и брошюръ, въ которыхъ восхвалялось все польское и католическое и, наоборотъ, охуждалось все русское и православное.

Кромѣ того, признакомъ революціоннаго движенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ было еще „поднятіе“, если можно такъ выразиться. „значенія костеловъ“ и „униженіе православныхъ церквей“. Именно: ксендзы и польскіе помѣщики всѣ силы и средства употребили на то, чтобы какъ можно богаче изукрасить и обставить костелы, особенно тѣ, которые находились вблизи православно-русскихъ селеній, и, наоборотъ, всѣ силы и средства употребляли на то, чтобы довести православные храмы до возможно большаго нищенства и убожества. „Трудно вообразить себѣ“, говоритъ очевидецъ, „все безобразіе, до котораго доходила запущенность русскихъ храмовъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, ихъ разрушеніе, нищета и неопрятность!“ [1]).

„Въ самой Вильнѣ“, по словамъ того же очевидца, „православные храмы, благодаря небрежности мѣстныхъ властей, подвергались возмутительному поруганію, до котораго только можетъ дойти фанатическая ненависть ко всему русскому и православному“.

„Польскіе помѣщики“, заключаетъ тотъ же очевидецъ, „заявляя русскому правительству о неимѣніи

[1]) См. сочиненіе Василія Ратча „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г.“ т. I, стр. 120, 121, 123 и т. д.

средствъ поддерживать православные храмы [1]), въ то же время воздвигали новые великолѣпные костелы и содержали ксендзовъ въ усиленномъ числѣ“ [2]).

Къ числу признаковъ революціоннаго движенія поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи можно отнести и основаніе въ Вильнѣ археологическаго музея.

Музей основанъ былъ въ 1855 г. по иниціативѣ графа Евстафія Тышкевича, при дружномъ содѣйствіи мѣстнаго дворянства и католическаго духовенства. Музей удостоенъ былъ высочайшаго утвержденія. Цѣль музея ясно была выражена въ рескриптѣ покойнаго государя императора на имя наслѣдника престола, именно: „служить къ вящшему объединенію Западной Россіи съ остальною Россіею,“ т. е. чтобы предметы, собранные въ музеѣ, своею наглядностью убѣждали посѣтителей этого учрежденія, что Литва и Бѣлоруссія съ древнихъ временъ находились въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Русскимъ государствомъ, и что православіе и русская народность преобладали въ этомъ краѣ надъ католичествомъ и польскою народностью.

Но между тѣмъ дѣло вышло совершенно наоборотъ: въ этомъ музеѣ были подобраны и размѣщены предметы въ такомъ порядкѣ, въ которомъ ясно отражался демонстративный и тенденціозный характеръ

---

[1]) Польскіе помѣщики, владѣя крестьянами православнаго исповѣданія, обязаны были поддерживать и православные храмы.

[2]) Съ 1854 г. по 1863 г. въ Сѣверо-Западномъ краѣ построено было 399 новыхъ католическихъ костеловъ. Многіе изъ нихъ, съ цѣлію олатинить православныхъ, построены были среди православно-русскаго населенія, гдѣ кромѣ ксендза и мѣстнаго пана не было ни одного католика.

Примѣчаніе. Польскіе помѣщики и ксендзы, чтобы сильнѣе подѣйствовать на православныхъ, умножили въ своихъ костелахъ, особенно въ тѣхъ, которые находились среди православно-русскаго населенія, церковныя процессіи и при этомъ старались придать имъ какъ можно болѣе эффектности и театральности.

музея. Въ немъ выставлены были только тѣ предметы, которые исключительно говорили о польскомъ владычествѣ въ краѣ, о процвѣтаніи въ немъ католичества и его благотворномъ вліяніи. Тутъ на самомъ видномъ мѣстѣ лежали: папскія буллы, посланія и грамоты католическихъ бискуповъ, предметы, относящіеся къ дѣятелямъ Рѣчи Посполитой; стѣны музея увѣшаны были портретами польскихъ королей, ихъ министровъ, полководцевъ и разнаго рода польскихъ знаменитостей. Предметы же русскіе совершенно отсутствовали или находились въ самомъ ничтожномъ количествѣ; что же касается портретовъ православныхъ дѣятелей въ краѣ, то на стѣнахъ музея ни одного изъ нихъ не было, а между тѣмъ въ музеѣ они были, но только, какъ негодный хламъ, валялись въ темныхъ углахъ музея. Не былъ даже выставленъ въ музеѣ такой рѣдкій и драгоцѣнный предметъ, какъ подлинный „Статутъ Литовскій," который, какъ извѣстно, написанъ былъ еще при Сигизмундѣ Старомъ (умеръ въ 1542 г.) по-русски. Статутъ этотъ тоже находился въ музеѣ, но только засунутъ былъ за шкафъ и заваленъ тряпьемъ, чтобы никто его не вынулъ [1]). Словомъ, отсутствіе въ музеѣ предметовъ русской половины, предметовъ, носящихъ православно-русскій характеръ, поражало всякаго человѣка, хотя немного знакомаго съ исторіею Литвы и Бѣлоруссіи [2]).

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, именно въ 1858 и 1859, среди польскаго населенія началось сильное

---

[1]) Этотъ рѣдкій и дорогой экземпляръ въ самомъ началѣ основанія музея переданъ былъ Тышкевичу, при письмѣ, митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашкою.

[2]) См. брошюру „Дневникъ засѣданія комиссіи для разбора предметовъ, находящихся въ Виленскомъ музеѣ древностей" 1865 г. Или же „Вѣстникъ Западной Россіи", тоже за 1865 г., мѣсяцы мартъ и апрѣль.

движеніе, видимое для всѣхъ; движеніе это яснѣе всего выразилось въ неповиновеніи правительственнымъ лицамъ, оскорбленіи полиціи и протестахъ противъ административнаго соединенія Литвы и Бѣлоруссіи съ Россіею [1]).

Но особенно движеніе это выразилось среди учащейся молодежи: воспитанниковъ гимназій, пансіоновъ и институтовъ. Годы 1860, 1861 и 1862-й представляютъ яркую картину деморализаціи молодежи и полнѣйшей анархіи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній. Не проходило дня въ учебномъ заведеніи, чтобы ученики не устроили скандала. На улицахъ, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, они вели себя ничуть не лучше, чѣмъ въ стѣнахъ самаго заведенія. Русскимъ, православнымъ и особенно духовнымъ лицамъ страшно было попасться учащейся молодежи на глаза, когда она съ шумомъ и гамомъ вырывалась изъ стѣнъ заведенія. Православные, русскіе, попавшіеся ей на встрѣчу, подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ: ихъ ругали, осыпали пескомъ, забрасывали грязью, а нерѣдко даже нападали и били [2]).

---

[1]) Въ 1861 г. минское дворянство, по иниціативѣ своего предводителя Лаппы, составило адресъ къ государю императору съ просьбою присоединить Минскую губернію въ административномъ отношеніи къ Царству Польскому, такъ какъ губернія эта, по ихъ словамъ, сплошь населена католиками и поляками. А между тѣмъ этотъ доводъ былъ чистѣйшая ложь: въ Минской губерніи въ то время считалось католиковъ 168,000, а православныхъ 740,000. Подобный же адресъ составленъ былъ и въ Могилевской губерніи, гдѣ католиковъ сравнительно съ православными было еще меньше. Адресы представлены были государю императору, но, какъ и слѣдовало ожидать, были отклонены.

Примѣчаніе. Но вотъ что замѣчательно: нашлись лица русскія, которыя, не понимая сути дѣла, подписались подъ адресами.

[2]) Подробности см. въ „Сборникѣ статей, объясняющихъ польское дѣло," Шолковича. т. I 1885 г. стр. 303, 304, 305 и 306.

Февральское событіе въ Варшавѣ, т. е. столкновеніе революціонной процессіи съ русскими войсками и убійство 5 человѣкъ, послужило сигналомъ къ всеобщему возстанію. Въ Вильнѣ и въ другихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края начались заупокойныя службы, на которыхъ присутствовали массы народа. Польскія дамы одѣлись въ черное, въ знакъ глубокой печали, постигшей польскій народъ; за ними послѣдовали еврейки, а потомъ и русскія дамы. Послѣднія, конечно, сдѣлали это по принужденію: ни одна русская дама, явившаяся на улицу въ свѣтломъ платьѣ, не спасалась отъ оскорбленія уличной толпы: у ней обрывали цвѣты, обливали платье чернилами, сѣрною кислотою и т. п. Всякія увеселенія были прекращены, и если въ какомъ либо домѣ оказывались сильно освѣщенныя окна, то собиралась толпа, бросались камни и выбивались стекла и рамы. Многія польки, въ знакъ глубокой печали, надѣвали на руки цѣпи, большіе кресты на шею, якоря и т. п. Мужчины одѣлись въ кунтуши и на голову надѣли конфедератки. „Разыгрался старый шляхетскій разгулъ," говоритъ Ратчъ въ своемъ сочиненіи, „усы закручивались кверху, конфедератки заламывались на бекрень, раздавались хвастливыя рѣчи".

Наконецъ насталъ періодъ всеобщихъ манифестацій, въ которыхъ принимали участіе всѣ сословія.

Первая манифестація такого рода совершена была въ Вильнѣ 8-го мая 1861 г., въ католическомъ каѳедральномъ костелѣ, въ праздникъ самаго популярнаго святого въ Польшѣ, св. Станислава [1]). Въ этотъ день,

---

[1]) Св. Станиславъ былъ Краковскій епископъ, по фамиліи Щепановскій. Онъ извѣстенъ въ исторіи своею борьбою съ польскимъ королемъ Болеславомъ Отважнымъ, въ которой и погибъ. Объ этомъ въ древнихъ лѣтописяхъ (напр. въ лѣтописи писателя

по случаю престольнаго праздника, въ костелѣ служилъ обѣдню епископъ Красинскій. Народу собралось до 2000. По окончаніи обѣдни всѣ присутствовавшіе въ костелѣ пропѣли революціонный гимнъ: „Боже!

XII вѣка Мартина Галла) говорится такъ: По смерти польскаго короля Казимира I (онъ умеръ въ 1052 г.) на престолъ вступилъ сынъ его Болеславъ Отважный. Это былъ великій государь. Онъ особенно замѣчателенъ былъ тѣмъ, что хотѣлъ отнять крестьянъ у польскаго духовенства и польскихъ пановъ. Ему, при его сердечной добротѣ, жаль было смотрѣть, что простой народъ („быдло," какъ его паны называли) сильно страдаетъ подъ властію господъ. Но когда Болеславъ дѣйствительно приступилъ къ выполненію своего намѣренія, т. е. началъ отбирать крестьянъ у духовенства и пановъ, то эти послѣдніе страшно возненавидѣли короля и подняли возстаніе, во главѣ котораго сталъ Станиславъ Щепановскій. Началась жестокая борьба. На первыхъ порахъ борьба происходила съ перемѣннымъ счастьемъ; но потомъ стала клониться на сторону короля. Тогда Станиславъ Щепановскій грозно потребовалъ отъ Болеслава прекратить борьбу и не заступаться за простой и бѣдный народъ. Болеславъ не послушался. Епископъ проклялъ его и отлучилъ отъ церкви. Борьба ожесточилась и, наконецъ, дошла до того, что сторонники короля 8 мая 1079 г. напали на Станислава Щепановскаго и убили его, какъ главнаго врага короля и его благородныхъ намѣреній (нѣкоторые говорятъ, что епископа убилъ самъ Болеславъ, но это, кажется, ложь). Но это убійство было великимъ несчастіемъ для короля: духовенство и паны донесли римскому папѣ Григорію VII Гильдебрандту, что Болеславъ по своей злобѣ, безъ всякой вины, убилъ епископа. Папа же, будучи самъ злѣйшимъ врагомъ всякой свѣтской власти, не разобравши въ чемъ дѣло, провозгласилъ Станислава мученикомъ и святымъ, а короля въ свою очередь проклялъ и приказалъ изгнать его изъ отечества. Изгнанный король бѣжалъ въ Венгрію и тамъ умеръ въ одномъ изъ монастырей.

Простой народъ, узнавъ объ изгнаніи Болеслава, горько плакалъ о немъ. Съ тѣхъ поръ уже никто не заступался за крестьянъ. Станиславъ же Щепановскій, благодаря стараніямъ духовенства, сдѣлался въ Польшѣ самымъ популярнымъ святымъ, и нѣтъ ни одного города, гдѣ бы не было костела въ честь этого епископа. Въ Вильнѣ каѳедральный костелъ тоже построенъ въ честь этого святого.

Примѣчаніе. Польскіе паны и духовенство ненавидѣли Болеслава Отважнаго и потому еще, что онъ былъ сынъ дочери Владиміра Св. Маріи-Доброгнѣвны и вслѣдствіе этого любилъ русскихъ и православіе, хотя самъ и былъ католикомъ. Затѣмъ нужно прибавить, что исторія Болеслава Отважнаго, благодаря пена-

Который Польшу столь долгіе вѣка озарялъ могуществомъ славы“ и т. д. Главными зачинщиками этой демонстраціи были четыре студента университета: графъ Тышкевичъ Казимиръ, Пашковскій Викторъ, Зельверовичъ Александръ и Лимановскій,—затѣмъ докторъ Дыбовскій и отставной поручикъ Станишевскій. Всѣ эти зачинщики были арестованы и отправлены на гауптвахту; тамъ они просидѣли цѣлую ночь.

На другой день Виленскія аристократки, числомъ до 50, явились къ генералъ-губернатору Назимову и дерзко стали требовать, чтобы арестованные были немедленно освобождены. Болѣе двухъ часовъ продолжались ихъ назойливыя требованія, пока по приказанію генералъ-губернатора не привезены были пожарныя бочки съ водою, чтобы облить ихъ; только этимъ заставили просительницъ удалиться домой.

Вторая манифестація или, лучше сказать, демонстрація произведена была, мѣсяцъ спустя послѣ первой, именно 9 іюня. Демонстрація эта произведена была виленскимъ дворянствомъ при избраніи предводителя дворянства. Дѣло было вотъ въ чемъ: до 1861 г. виленскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства былъ И. Т. Въ самомъ началѣ мятежа онъ сталъ во главѣ политическихъ агитаторовъ; дѣйствуя въ этомъ направленіи, Т. старался привлечь на свою сторону виленскихъ ремесленниковъ, для чего, одѣвшись во фракъ и бѣлыя перчатки, дѣлалъ имъ визиты, а одного изъ нихъ, портного Коровая, привезъ домой, представилъ женѣ и продержалъ цѣлый вечеръ, угощая виномъ и

висти пановъ и духовенства, страшно искажена у древнихъ польскихъ писателей. Теперь наукой доказано, что польскія духовныя лица распорядились истребить всѣ письменные памятники, въ которыхъ осуждались дѣйствія Станислава Щепановскаго и оправдывались дѣйствія короля.

разнаго рода сластями. Затѣмъ на праздникъ Пасхи онъ приготовилъ было обѣдъ для 1500 ремесленниковъ, но полиція воспротивилась этому [1]). За эти и другіе подобные поступки И. Т. „по Высочайшему повелѣнію“ былъ отрѣшенъ отъ должности, при чемъ приказано было избрать новаго предводителя дворянства.

9 іюня дворяне собрались въ залъ дворянскаго собранія для выбора новаго предводителя дворянства. Передъ баллотировкою получено было распоряженіе генералъ-губернатора Назимова о томъ, чтобы собравшіеся дворяне вели себя скромно и избѣгали всякаго рода оскорбительныхъ для правительства демонстрацій. Это предупрежденіе произвело страшный ропотъ среди дворянъ и рѣзкія замѣчанія по адресу правительства. Послѣ этого выступилъ съ рѣчью помѣщикъ Вагнеръ Карлъ, въ которой онъ очертилъ благородную дѣятельность прежняго предводителя дворянства и просилъ собраніе написать отъ лица всѣхъ присутствующихъ благодарственный адресъ и приподнесть ему. Затѣмъ выступилъ другой помѣщикъ, именно Болеславъ Еленскій, и вынулъ изъ кармана заранѣе уже приготовленный адресъ, прочиталъ его и потомъ просилъ подписать. Предложеніе было принято съ энтузіазмомъ, и адресъ подписали всѣ члены, даже вновь избранный ими предводитель дворянства Ваньковичъ Александръ.

Третья манифестація устроена была въ Вильнѣ 31 іюля. Въ этотъ день, послѣ пѣнія революціоннаго

---

[1]) См. брошюру Цылова: „Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь.“ Вильна 1867 г.

Примѣчаніе. Подобные факты были и на Волыни и въ Подольской губ.: тамъ очень многіе польскіе паны, надѣвши фраки, сшитые въ Парижѣ, и бѣлыя перчатки, и взявши въ руки цилиндры, дѣлали визиты крестьянамъ и ремесленникамъ, въ знакъ равенства. См. Сборникъ Каткова, т. I, стр. 7-я.

гимна предъ Остробрамскою иконою Божіей Матери, около 5000 человѣкъ собрались на предмѣстьи Бельмонтѣ и устроили гулянье съ танцами, при чемъ самыя знатныя польскія аристократки танцовали съ сапожниками, столярами, кожевниками и другими ремесленниками. Во время танцевъ постоянно слышались восклицанія: „Еще Польша не погибла (не сгинэла)! Да здравствуетъ ремесленничество! Ура! Гибель москалямъ! Долой схизматиковъ!“ (православныхъ). Танцами заправлялъ чиновникъ гражданской палаты Невядомскій, который постоянно провозглашалъ: „Еще разъ полонезъ на погибель Москвѣ!“

Четвертая, самая большая манифестація, приведшая къ столкновенію съ войсками, устроена была поляками 6 августа. Еще задолго до этого дня кто-то распустилъ слухъ, что въ Вильну изъ Царства Польскаго, черезъ Ковну, идетъ процессія, которую Виленскіе жители должны встрѣтить. Этотъ слухъ, при всей своей нелѣпости, сильно взволновалъ городское населеніе. Поляки огромными толпами стали ходить на предмѣстье Погулянку для встрѣчи процессіи и не разъ, прождавъ ее напрасно часовъ 5—6, спокойно возвращались домой. Но вотъ наступилъ канунъ 6 августа. Кто-то увѣрилъ поляковъ, что завтра, т. е. 6 августа, въ 8 часовъ вечера, процессія непремѣнно прибудетъ въ Вильну.

6 августа, къ 7 часамъ вечера, болѣе 6000 человѣкъ собрались на Погулянкѣ, откуда сплошною массою всѣ двинулись къ Троекой заставѣ. Тутъ эта толпа встрѣтила роту солдатъ и пикетъ казаковъ. Толпа остановилась и затянула революціонный гимнъ. Затѣмъ вступила въ переговоры съ солдатами; потомъ подняла страшную ругань, а въ заключеніе схватила камни и стала ими осыпать солдатъ и казаковъ; тѣ

не выдержали, бросились на толпу и разогнали ее прикладами и нагайками, при чемъ двое—дворянинъ Кржижевичъ и мастеровой Вельцъ—получили значительные ушибы [1]).

Послѣ этой манифестаціи правительство объявило всю Литву на военномъ положеніи и строго запретило устраивать процессіи и собираться толпами на площадяхъ и улицахъ.

И дѣйствительно, благодаря этому запрещенію, манифестаціи прекратились; но зато значительно усилилась революціонная пропаганда, особенно въ Вильнѣ; въ этомъ отношеніи здѣсь, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, больше всѣхъ обнаружили дѣятельность и энергію католическіе ксендзы и прелаты. Они то и дѣло разсылали воззванія къ народу и говорили въ высшей степени возмутительныя проповѣди. Такъ, между прочимъ, 14 августа въ Остробрамской часовнѣ одинъ изъ ксендзовъ, послѣ обѣдни, обратясь къ народу, говорилъ: „Великое несчастіе постигло насъ и нашу святую религію! но народъ долженъ быть устойчивъ и терпѣливъ въ такое преслѣдованіе церкви и хри-

[1]) Кржижевичъ и Вельцъ отправлены были въ госпиталь и черезъ нѣсколько времени выздоровѣли. Но въ польскихъ заграничныхъ газетахъ это дѣло представлено было жаркимъ сраженіемъ, въ которомъ пало много убитыхъ и много утонуло въ р. Виліи. Епископъ Красинскій съ прелатами разослалъ по всѣмъ приходамъ Виленской епархіи циркуляръ, чтобы по убитымъ (мнимымъ) чездѣ совершалось поминовеніе въ продолженіе трехъ недѣль. Вотъ содержаніе этого любопытнаго документа: „Совершилась злодѣйская рѣзня! Наша защита Богъ! За души мучениковъ, которыхъ тѣла не почтены святымъ погребеніемъ, будемъ пѣть въ продолженіе трехъ недѣль, послѣ обѣдни, заупокойный гимнъ „Anioł Pański“. Пять стиховъ національнаго гимна мы будемъ пѣть къ Богу во время дароприношенія, отъ „Oremus до Praefatio“. На василіе отвѣтимъ безропотностію первыхъ христіанъ и святою молитвою, потому что въ этомъ наше спасеніе“. 1861 г. августа 6, въ Вильнѣ. Епископъ и пресвитеры. См. брошюру Цылова.

стіанъ, подобно тому, какъ терпѣли предки во время нападенія на города, разоренія ихъ и всеобщаго убійства, и Всевышній Господь умилосердился и избавилъ ихъ. И теперь безъ сокрушенія и наказанія никто не можетъ быть спасенъ. Будьте мужественными и переносите все терпѣливо!“ А въ заключеніе прибавилъ: „За упокой погибшихъ пойте молитву Anioł Pański.“

12 ноября ксендзъ Амвросій Шульцъ произнесъ въ Виленскомъ каѳедральномъ костелѣ весьма дерзкую и полную наглой лжи проповѣдь. Въ ней онъ прямо укорялъ правительство въ томъ, что оно будто бы угнетаетъ католическую религію, оскверняетъ храмы, запрещаетъ молиться и, отрывая отъ образа Богоматери молящихся, наполняетъ ими темницы [1]).

Годъ этотъ закончился появленіемъ у поляковъ новой молитвы, которую они стали распѣвать въ костелахъ. Вотъ содержаніе этой молитвы: „Всемогущій Боже! когда польется кровь за вѣру предковъ нашихъ, за отнятыя права наши, подкрѣпляй насъ силою Твоею; да забьются сердца наши мужествомъ предковъ; легіонъ же польскій, напутствуемый Тобою и предводительствуемый Людовикомъ (Мирославскимъ) да сразится съ тиранскимъ народомъ и истребитъ его. Пресвятый Боже! сколько уже невинной польской крови пролилъ нашъ народъ въ нѣмомъ отчаяніи! Сколько этой крови пролито въ одной Сибири, гдѣ скитаются польскіе изгнанники! Всеблагій Боже! помоги Мирославскому утвердиться въ Царствѣ Польскомъ“ [2]).

---

[1]) На другой день у этого ксендза сдѣланъ былъ обыскъ, причемъ найдено 59 книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія.

[2]) Въ это время написана была особая революціонная обѣдня. См. Дѣла Кіевской слѣдственной комиссіи 1863 г. или же Вѣстникъ З. Россіи 1865 г.

Насталъ 1862 годъ. Годъ этотъ ознаменовался появленіемъ въ Вильнѣ сразу двухъ „центральныхъ революціонныхъ обществъ“ или такъ называемыхъ „временныхъ народныхъ жондовъ.“ Одинъ изъ нихъ образованъ былъ партіею „Бѣлыхъ,“ а другой-партіею „Красныхъ.“

Дѣло вотъ въ чемъ: въ Сѣверо-Западномъ краѣ (въ Литвѣ и Бѣлоруссіи), какъ и въ Царствѣ Польскомъ, существовали двѣ революціонныя партіи—партія „Бѣлыхъ“ и партія „Красныхъ.“

Представителями партіи „Бѣлыхъ“ были: предводитель гродненскаго дворянства Викторъ Старжинскій, предводитель минскаго дворянства Лаппа, минскій помѣщикъ Александръ Оскерко, дворянинъ Яковъ Гейшторъ, князь Николай Гедройцъ и помѣщикъ Антонъ Еленскій.

Изъ нихъ особенно выдавался своею преступною дѣятельностью графъ Старжинскій.

Старжинскій еще раньше этого, именно въ сороковыхъ годахъ, участвовалъ въ политическомъ заговорѣ, за что сосланъ былъ въ качествѣ рядового солдата на Кавказъ; но въ 1858 году онъ былъ помилованъ, а въ 1861 г. выбранъ былъ предводителемъ Гродненскаго дворянства. Будучи отъ природы человѣкомъ умнымъ, хитрымъ и ловкимъ, онъ съумѣлъ войти въ довѣріе у многихъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, напримѣръ у министра внутреннихъ дѣлъ Зеленаго и шефа жандармовъ Долгорукаго. При посредствѣ этихъ высокопоставленныхъ лицъ графъ Старжинскій представилъ русскому правительству проектъ въ которомъ доказывалъ, что необходимо отдѣлить Литву отъ Россіи и въ административномъ отношеніи соединить съ Царствомъ Польскимъ, такъ какъ этимъ самымъ, по его словамъ, и возможно будетъ прекра-

тить волненія въ Литвѣ и расположить къ себѣ поляковъ. Старжинскій былъ даже представленъ государю императору и читалъ ему свой проектъ. Въ 1862 г. онъ сопровождалъ государя въ Москву и тамъ, имѣя доступъ къ нему, постоянно, при разговорѣ, старался доказать, что смирить поляковъ можно только кротостію и уступчивостью, а также возстановленіемъ границъ Польши 1772 г.

Такое вниманіе русскихъ властей къ Старжинскому сдѣлало его настолько гордымъ, что онъ, прибывши въ Гродну, не хотѣлъ и знать генералъ-губернатора.

По возвращеніи изъ Москвы Старжинскій сдѣлался оракуломъ всей польской интеллигенціи Сѣверо-Западнаго края. Всѣ поляки смотрѣли на него, какъ на будущаго избавителя своего отъ „москалей.“ Когда вспыхнулъ мятежъ, то Старжинскій сталъ дѣйствовать рѣшительно: онъ написалъ въ Петербургъ два весьма дерзкихъ письма—одно государю, а другое—министру внутреннихъ дѣлъ Зеленому. Въ этихъ письмахъ онъ обвинялъ правительство въ томъ, что оно допускаетъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи преобладаніе демократическихъ началъ, возбуждаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и страшно стѣсняетъ поляковъ и ихъ религію, а потому онъ, Старжинскій, писалъ въ заключеніе своихъ писемъ, не считаетъ себя обязаннымъ служить правительству въ качествѣ предводителя дворянства и слагаетъ съ себя это званіе [1]).

Получивъ отставку и проживая въ Гроднѣ, Старжинскій всею душою предался мятежу. Генералъ-губернаторъ Назимовъ, находя пребываніе его въ Гроднѣ вреднымъ для края, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ подвергнуть его аресту или выслать куда-нибудь;

---

[1]) См. Записки Муравьева. „Русская Стар.“ 1882—3 г.

но отвѣта не получилъ. Старжинскій до пріѣзда М. Н. Муравьева былъ на свободѣ.

Представителями „Красныхъ“ были слѣдующія лица: кандидатъ С.-Петербургскаго университета Константинъ Калиновскій, дворянинъ Титъ Далевскій, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Зверждовскій, поручикъ при желѣзной дорогѣ Малаховскій и учитель естественныхъ наукъ въ Виленскомъ дворянскомъ институтѣ Пржибыльскій Вацлавъ.

Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Константинъ Калиновскій. Калиновскій былъ молодой человѣкъ, 26 лѣтъ отъ роду; средняго роста, крѣпкаго сложенія; имѣлъ крутой, высокій лобъ, чистое жесткое лицо и выразительные глаза; носилъ короткіе русые волосы, зачесанные назадъ. Калиновскій обладалъ большимъ умомъ и необыкновенною силою воли и характера. Это единственный человѣкъ изъ всей корпораціи Литовскаго жонда, который безкорыстно преданъ былъ своему дѣлу. Человѣка этого нельзя было ни испугать, ни сбить съ толку. Калиновскій прямо шелъ къ своей цѣли, не измѣнилъ себѣ и не опозорилъ себя, подобно Огрызкѣ и Сѣраковскому, трусостью до самой смерти. Но въ то же время Калиновскій былъ ярый „Красный,“ человѣкъ положительно безъ сердца и души,—это Робеспьеръ польскій; онъ все ломалъ и истреблялъ, что попадалось ему на пути; онъ ужасъ наводилъ и на своихъ и на чужихъ.

Вотъ изъ этихъ то двухъ партій, т. е. партіи „Бѣлыхъ“ и партіи „Красныхъ,“ въ 1860 г. и образовались въ Вильнѣ два революціонныхъ общества или „временныхъ народныхъ жонда“; при чемъ одинъ назывался „Народный жондъ Бѣлыхъ,“ а другой—„Народный жондъ Красныхъ.“

Предсѣдателемъ „Народнаго жонда Бѣлыхъ“ сначала былъ Александръ Оскерко, а потомъ Викторъ Старжинскій. Членами этого жонда были всѣ тѣ лица, которыя нами упомянуты выше въ качествѣ представителей партіи „Бѣлыхъ,“ именно: Лапла, Гейнторъ, Гедройцъ и Еленскій.

Предсѣдателемъ „Народнаго жонда Красныхъ“ былъ постоянно Константинъ Калиновскій, а членами — тоже упомянутые нами: Далевскій, Звержловскій и Малаховскій. за исключеніемъ Пржибыльскаго [1]).

Эти два жонда страшно ненавидѣли другъ друга: они постоянно ссорились между собою, а порѣдко и дрались. По большей части причиною этихъ ссоръ и дракъ между жондами были разногласія относительно плана возстанія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи.

Планъ возстанія выработанъ былъ жондомъ партіи „Бѣлыхъ“ и предложенъ „Краснымъ.“ Но тѣ, разсмо-

---

[1]) Вацлавъ Пржибыльскій, по словамъ очевидцевъ, былъ однимъ изъ ярыхъ членовъ виленскихъ революціонеровъ. Какъ преподаватель естественныхъ наукъ, онъ получилъ разрѣшеніе отъ начальства водить учениковъ въ Виленскій археологическій музей для ознакомленія ихъ съ хранящимися тамъ предметами. Занимаясь объясненіемъ зоологіи по чучеламъ, Пржибыльскій скоро перешелъ къ объясненію предметовъ, напоминающихъ польскую старину. Объ этомъ стало извѣстно обывателямъ Вильны, и тѣ массами стали сходиться въ музей, особенно женщины. Тогда Пржибыльскій, окруженный тысячною толпою, сталъ употреблять все свое краснорѣчіе, чтобы воспламенить въ своихъ слушателяхъ польскій патріотизмъ и жажду свободы и независимости. И дѣйствительно, Пржибыльскій отчасти достигалъ своей цѣли: многіе изъ его слушателей, выходя изъ музея, сильно были наэлектризованы патріотизмомъ. Впрочемъ эти лекціи недолго продолжались: правительство скоро разгадало Пржибыльскаго и перевело его въ Вологодскую гимназію.

Примѣчаніе. Въ 1862 г. Пржибыльскій бѣжалъ изъ Вологды въ Царство Польское; тамъ онъ, по порученію жонда, собиралъ деньги на возстаніе; но когда собралъ ихъ достаточное количество, то убѣжалъ за границу, купилъ тамъ виллу и сталъ жить припѣваючи, какъ говорятъ.

трѣвши его, нашли неудобнымъ и требовали измѣненія. Бѣлые не соглашались на это. Отсюда у нихъ и пошли ссоры и драки.

Планъ возстанія, предложенный „Бѣлыми," въ общихъ чертахъ состоялъ въ слѣдующемъ:

I. Народный жондъ посылаетъ въ каждый уѣздъ, къ сельскимъ помѣщикамъ, по нѣсколько своихъ агентовъ (эмиссаровъ).

II. Агенты эти, вмѣстѣ съ сельскими помѣщиками, привлекаютъ крестьянъ на свою сторону и образуютъ изъ нихъ крупные военные отряды (шайки, банды).

III. Когда будутъ образованы военные отряды, то народный жондъ назначаетъ одного общаго воеводу (полководца), который соединяетъ эти разрозненные отряды въ одну общую армію, съ которою и вступитъ въ борьбу съ русскими войсками.

IV. Народный жондъ и главный воевода употребляютъ всѣ свои силы на то, чтобы какъ можно долѣе протянуть возстаніе, во-первыхъ, для того, чтобы на него обратила вниманіе Европа, а во-вторыхъ, для того, чтобы добиться ея сочувствія и помощи [1]).

---

[1]) Подробности этой части плана Бѣлыхъ, между прочимъ, были еще слѣдующія:

Когда затянется борьба, говорили Бѣлые, то принцъ Наполеонъ (двоюродный братъ французскаго императора), Владиславъ Чарторыйскій и другіе доброжелатели поляковъ въ Парижѣ будутъ имѣть достаточно времени, чтобы склонить французскаго императора на сторону поляковъ. Затѣмъ, когда Наполеонъ III станетъ на сторону поляковъ, то онъ силою своего могущества и своего авторитета (французскій императоръ въ это время дѣйствительно стоялъ на самой высотѣ своего величія) вгонитъ въ дѣло поляковъ всю Европу, и Европа, руководимая французскимъ императоромъ, пошлетъ въ Петербургъ нѣсколько грозныхъ нотъ, которыхъ русское правительство, по своей трусости, (такъ говорили „Бѣлые") перепугается, сробѣетъ и безпрекословно исполнитъ всѣ требованія Европы, именно: дастъ полную автономію Царству Польскому и присоединитъ къ нему въ административномъ отношеніи Литву и Бѣлоруссію.

Кромѣ того, „Жондъ Бѣлыхъ“ думалъ связать свою дѣятельность съ дѣятельностью Варшавскаго народнаго жонда и даже подчиниться ему.

Таковъ былъ планъ жонда партіи Бѣлыхъ.

Жондъ партіи Красныхъ нашелъ этотъ планъ, какъ мы уже замѣтили, неудобоисполнимымъ во всей своей цѣлости. Главное возраженіе онъ поставилъ противъ того способа, который хотѣли употребить Бѣлые для поднятія крестьянъ. Красные категорически заявили, что агенты съ помѣщиками не съумѣютъ привлечь крестьянъ на свою сторону и не въ состояніи будутъ поднять ихъ, потому что крестьяне ненавидятъ помѣщиковъ за ихъ вѣковой гнетъ; всѣ симпатіи народа, говорили Красные, въ настоящее время находятся на сторонѣ русскаго правительства и русскаго царя.

Красные были правы: народъ дѣйствительно ненавидѣлъ пановъ; всѣ его симпатіи въ это время дѣйствительно находились на сторонѣ русскаго правительства и русскаго царя [1]). Дѣло вотъ въ чемъ: съ 1831 г. русское правительство постоянно заботилось объ улучшеніи быта польскихъ крестьянъ, а въ 1861 г., 19 февраля какъ извѣстно, крестьяне были совершенно освобождены отъ панскаго гнета и надѣлены землею. А все это и расположило польскихъ крестьянъ къ русскому правительству и русскому царю [2]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* Когда Красные задумали поднять мятежъ, то положили сначала узнать, насколько будетъ можно расчитывать въ семъ дѣлѣ на крестьянъ, и для этой цѣли командировали въ народъ самаго энергичнаго своего члена, именно Константина Калиновскаго. Калиновскій цѣлый годъ бродилъ по деревнямъ, переходя изъ одной хаты въ другую, изъ одной корчмы въ другую, и воочію убѣдился, что на крестьянъ положительно нельзя расчитывать, такъ какъ они ненавидятъ помѣщиковъ и всецѣло преданы правительству, о чемъ и сообщилъ и Краснымъ, и Бѣлымъ. См. сочиненіе Ратча.

[2]) *Примѣчаніе I.* Ненависть польскихъ крестьянъ къ польскимъ панамъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи и до настоящаго времени суще-

Поэтому Красные, чтобы привлечь крестьянъ на свою сторону и заставить ихъ принять участіе въ дѣлѣ возстанія, предложили слѣдующій проектъ: убѣдить польскихъ пановъ, чтобы они добровольно отказались отъ своей поземельной собственности и раздѣлили ее между крестьянами, не требуя за это ни копѣйки. Затѣмъ, говорили они, такъ какъ паны наши, нѣтъ сомнѣнія, будутъ упорствовать въ этомъ дѣлѣ, т. е. не будутъ соглашаться на добровольный раздѣлъ своей поземельной собственности между крестьянами, то образовать высшее судилище, высшій трибуналъ, который бы зорко слѣдилъ за панами и принуждалъ бы ихъ къ тому посредствомъ силы террора, именно: кинжала и веревки.

Кромѣ того, Красные предполагали раздѣлить весь Сѣверо-Западный край на военные отдѣлы, отдѣлы

ствуетъ. Это доказывается тою массою тяжебныхъ дѣлъ крестьянъ съ помѣщиками, которыми завалены мировые суды въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Мировые судьи, пріѣзжающіе въ Сѣверо-Западный край изъ глубины Россіи, поражены бываютъ этимъ бытовымъ явленіемъ польской жизни.

Примѣчаніе II. Въ настоящее время замѣчается, что народная ненависть въ Литвѣ и Бѣлоруссіи развивается по отношенію къ ксендзамъ. Это также доказывается разборами дѣлъ въ камерахъ мировыхъ судей.

Примѣчаніе III. Я однажды обратился къ одному очень образованному поляку съ вопросомъ: чѣмъ объяснить это бытовое явленіе, т. е. развивающуюся въ народѣ ненависть къ ксендзамъ? и получилъ такой оригинальный отвѣтъ: „Народъ поумнѣлъ, а ксендзы поглупѣли.“ Отойдя отъ своего собесѣдника, я вдумался въ его фразу и нашелъ, что онъ сказалъ отчасти правду, по крайней мѣрѣ относительно ксендзовъ. Я болѣе 15 лѣтъ состою преподавателемъ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Сѣверо-Западнаго края, и за это время моихъ учениковъ масса выбыла изъ заведенія до окончанія курса и поступила въ Виленскую католическую семинарію, и всѣ они далеко не отличались даровитостью, чтобы не сказать болѣе. Впослѣдствіи я видѣлъ многихъ изъ нихъ уже окончившими курсъ католической академіи и ксендзами.

подраздѣлить на уѣзды, уѣзды—на станы, станы—на приходы, и въ каждый изъ нихъ назначить особаго правителя съ порученіемъ ему образовать отдѣльныя шайки или банды, начальниковъ которыхъ или довудцевъ назначитъ самъ жондъ, по своему усмотрѣнію.

Относительно же подчиненія Варшавскому народному жонду Красные и слышать не хотѣли.

Въ одномъ только Красные соглашались съ Бѣлыми: какъ можно долѣе протянуть возстаніе съ цѣлію вызвать сочувствіе Европы.

Между тѣмъ о появленіи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи одновременно двухъ народныхъ жондовъ и объ ихъ ссорахъ дошло до свѣдѣнія Варшавскаго народнаго жонда. Варшавскій жондъ рѣшился помирить ихъ и въ то же время подчинить ихъ своей власти. Для этой цѣли онъ командировалъ въ Вильну одного изъ лучшихъ своихъ членовъ, именно Дюлорана.

Дюлоранъ былъ принятъ съ почетомъ какъ Бѣлыми, такъ и Красными и допущенъ въ засѣданія какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Но какъ онъ ни старался помирить враждующіе жонды, никакъ не могъ этого достигнуть. Относительно подчиненія ихъ Варшавскому жонду Дюлоранъ не рѣшился и заикнуться.

Видя, что миссія его не достигла той цѣли, для которой онъ былъ посланъ, Дюлоранъ задумалъ тихонько, секретно отъ Виленскихъ жондовъ подчинить Литву и Бѣлоруссію власти Варшавскаго жонда и отчасти успѣлъ было въ этомъ, но это скоро сдѣлалось извѣстнымъ Бѣлымъ и Краснымъ. Первые, впрочемъ, сочувственно отнеслись къ продѣлкѣ Дюлорана, но Красные взглянули на это дѣло иначе. И вотъ, когда однажды Дюлоранъ, не подозрѣвая, что его дѣйствія извѣстны, вошелъ въ засѣданіе Красныхъ, то вскочилъ съ своего мѣста Калиновскій, схватилъ его за ворот-

никъ и выбросилъ за двери. Послѣ этого Дюлоранъ оставилъ намѣреніе подчинить Литву и Бѣлоруссію, а ограничился только сборомъ податей; кромѣ того, онъ ближе сошелся съ Бѣлыми, которые въ это время имѣли больше силы и средствъ.

Приближался конецъ года. Красные и Бѣлые продолжали ссориться и драться. Чтобы помирить ихъ, по предложенію предводителя минскаго дворянства Лаппы, въ Минскѣ былъ созванъ общій съѣздъ, т. е. съѣздъ Бѣлыхъ и Красныхъ. Но съѣздъ этотъ ни къ чему не привелъ: Красные никакъ не соглашались принять предложенія Бѣлыхъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Бѣлые и Красные разъѣхались еще съ большею враждою другъ къ другу, чѣмъ это было прежде.

Насталъ 1863 годъ. Въ Царствѣ Польскомъ начался вооруженный мятежъ. Произошло нѣсколько стычекъ съ русскими войсками. А въ Литвѣ и Бѣлоруссіи продолжался разладъ между Бѣлыми и Красными. Стыдно стало представителямъ революціи въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и они поспѣшили составить въ Ковнѣ новый съѣздъ. Сюда опять съѣхались Бѣлые и Красные, и дѣло опять кончилось ничѣмъ. Въ концѣ февраля въ Вильнѣ составился третій съѣздъ, на который, кромѣ членовъ двухъ вышеозначенныхъ жондовъ, прибыли съ разныхъ мѣстъ всего Сѣверо-Западнаго края польскіе помѣщики, мировые посредники и нѣкоторые изъ предводителей дворянства [1]). Этотъ съѣздъ кончился вполнѣ благополучно: Бѣлые и Красные помирились. Бѣлые

---

[1]) Съѣздъ этотъ составленъ былъ по иниціативѣ графа Старжинскаго и съ согласія генералъ-губернатора Назимова. Но чтобы закрыть, такъ сказать, глаза правительству, члены съѣзда представили Назимову весьма благовидную цѣль съѣзда, именно: устройство быта крестьянъ согласно манифесту 19 февраля 1861 г.

признаны были распорядителями революціоннаго движенія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Красные подчинились.

Торжеству Бѣлыхъ много содѣйствовали событія, случившіяся въ сіе время въ Царствѣ Польскомъ, именно: тамъ какъ разъ въ это время совершилось пораженіе Красныхъ въ лицѣ Мирославскаго и торжество Бѣлыхъ въ лицѣ Лянгевича.

Но, главное, торжеству Бѣлыхъ больше всего помогъ польскій революціонный кружокъ въ Петербургѣ, носившій названіе „Центральнаго польскаго Петербургскаго кружка". Этотъ кружокъ своимъ авторитетнымъ голосомъ далъ Бѣлымъ возможность одолѣть Красныхъ, и онъ же снабдилъ ихъ и средствами. Вообще нужно замѣтить, что „Центральный польскій революціонный Петербургскій кружокъ" имѣлъ огромное вліяніе на дѣло польской справы въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вліяніе это было совершенно такое же, какое было вліяніе „Парижскаго демократическаго общества" на дѣло польской справы въ Царствѣ Польскомъ.

„Польскій Петербургскій центральный революціонный кружокъ" образовался въ началѣ шестидесятыхъ годовъ изъ двухъ другихъ польскихъ Петербургскихъ революціонныхъ кружковъ: военнаго кружка или кружка Сигизмунда Сѣраковскаго и статскаго кружка или кружка Іосафата Огрызки.

Польскій Петербургскій революціонный военный кружокъ или кружокъ Сѣраковскаго основанъ былъ штабсъ-капитаномъ академіи генеральнаго штаба Сигизмундомъ Сѣраковскимъ въ началѣ 1858 г.

Сигизмундъ Сѣраковскій былъ родомъ изъ Волынской губерніи. Образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ. Еще будучи студентомъ, онъ уже заявилъ себя ненавистникомъ Россіи. По выходѣ изъ

заведенія Сѣраковскій сейчасъ же составилъ революціонный кружокъ, цѣлію котораго было отдѣленіе Польши отъ Россіи, за что былъ арестованъ и отданъ въ солдаты.

Въ 1857 году Сѣраковскій былъ помилованъ, при чемъ ему возвращены были и всѣ права. Въ концѣ этого года онъ получилъ чинъ штабсъ-капитана и, какъ способный офицеръ, отправленъ въ Петербургъ, гдѣ прикомандированъ былъ къ академіи генеральнаго штаба. Въ это время Сѣраковскій женился на дочери Виленскаго дворянина Далевскаго.

Поступивши въ академію, Сѣраковскій немедленно познакомился со всѣми офицерами—поляками, жившими въ Петербургѣ, сталъ ихъ приглашать къ себѣ [1]), бесѣдовать съ ними, вникать въ ихъ положеніе, въ ихъ нужды и въ короткое время сдѣлался ихъ общимъ любимцемъ [2]).

Пріобрѣвши вліяніе на офицеровъ, Сѣраковскій мало-по-малу началъ излагать предъ ними свои задушевныя мысли. свои желанія, именно: что Польша есть ихъ отечество, которое нужно горячо любить, и о возстановленіи котораго нужно постоянно думать.

---

[1]) Онъ жилъ на отдѣльной квартирѣ, въ обществѣ съ другими офицерами—поляками, прикомандированными къ академіи.

[2]) По словамъ его товарищей по академіи, Сѣраковскій прикидывался человѣкомъ высокообразованнымъ, развитымъ, опытнымъ,—человѣкомъ либеральнымъ, передовымъ,—человѣкомъ вполнѣ современнымъ; въ то же время, по словамъ тѣхъ же товарищей, онъ корчилъ изъ себя человѣка обиженнаго, обойденнаго правительствомъ, неоцѣненнаго по способностямъ и по развитію. „И дѣйствительно, передаютъ тѣ же товарищи, на людей некрѣпкихъ убѣжденій, незрѣлыхъ политически, Сѣраковскій имѣлъ сильное вліяніе: они ему внимали съ благоговѣніемъ, прислушивались къ каждому его слову и ловили каждую его мысль. См. сочиненіе членовъ Виленской слѣдственной комиссіи Гогеля: „Іосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный жондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа". Вильна 1867 г. стр. 41 и 56.

„Патріотизмъ“, говорилъ Сѣраковскій въ кругу товарищей—поляковъ, „есть самая высшая добродѣтель каждаго поляка, которую онъ долженъ постоянно поддерживать въ себѣ и постоянно заботиться о ея развитіи.“ Если же Сѣраковскій замѣчалъ у кого-либо изъ своихъ товарищей мало патріотизма, или если кто изъ нихъ высказывалъ сомнѣніе въ возможности возстановленія Польши, то такому онъ давалъ читать польскихъ авторовъ, писавшихъ свои сочиненія въ патріотическомъ духѣ, или же направлялъ скептика къ другу своему Виктору Калиновскому „для назиданія“ [1]).

Дѣйствуя такимъ образомъ, Сѣраковскій скоро составилъ обширный кружокъ съ опредѣленною цѣлію—приготовлять средства къ возстановленію падшей Польши, и пріобрѣлъ искреннихъ друзей, готовыхъ на все. Въ числѣ послѣднихъ, между прочимъ, были: поручикъ Фердинандъ Варанскій, штабсъ-капитанъ Ярославъ Домбровскій, инженеръ Эммануилъ Юндзиллъ, поручикъ Черпякъ [2]) и инженеръ, штабсъ-капитанъ Іосифъ Калиновскій [3]).

Польскій Петербургскій революціонный статскій кружокъ или кружокъ Огрызки былъ основанъ вице-

---

[1]) Викторъ Калиновскій окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. По выходѣ изъ заведенія онъ, по протекціи нѣкоторыхъ вліятельныхъ поляковъ, попалъ въ публичную библіотеку и, какъ служащій въ библіотекѣ, бралъ всевозможныя сочиненія, относящіяся къ польской справѣ, и снабжалъ ими присылаемыхъ къ нему Сѣраковскимъ поляковъ-скептиковъ.

[2]) Черпякъ былъ православный; но мать католичка воспитала его въ польскомъ духѣ.

[3]) Іосифъ Калиновскій среди революціонеровъ сдѣлался особенно извѣстенъ тѣмъ, что укралъ изъ штаба русской арміи планы русскихъ крѣпостей, которые потомъ пересланы были въ Парижъ Владиславу Чарторыйскому для передачи Друэнъ-де-Лупсу, французскому министру иностранныхъ дѣлъ.

директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ Іосафатомъ Огрызкою въ одно время съ военнымъ кружкомъ Сѣраковскаго.

Огрызко Іосафатъ былъ родомъ изъ Борисовскаго уѣзда, Минской губерніи. Воспитывался въ Минской гимназіи. Окончательное образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ. Въ 1849 году поступилъ на гражданскую службу въ министерство финансовъ По службѣ Огрызкѣ очень везло, какъ говорится обыкновенно: въ короткое время онъ дослужился до чина коллежскаго совѣтника; нѣсколько разъ получалъ въ награду „за отлично-усердную службу“ крупныя денежныя суммы. Послѣднюю должность Огрызко занималъ вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ, съ жалованьемъ 3000 р.

Цѣль кружка Огрызки была совершенно одинакова съ кружкомъ Сѣраковскаго. Въ составъ кружка Огрызки входило много молодыхъ людей; замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: профессоръ Владиміръ Спасовичъ, Эдуардъ Желиговскій (поэтъ), профессоръ Балтазаръ Калиновскій, Антонъ Вялецкій, Викторъ Калиновскій и чиновникъ Опоцкій [1]).

Будучи вполнѣ убѣжденъ, что Польша будетъ возстановлена, Огрызко издалъ для будущаго отечества собраніе постановленій польскихъ сеймовъ или такъ называемое „Volumina legum.“ Затѣмъ основалъ газету „Слово.“ Цѣль газеты явная, т. е. сообщенная правительству (легальная цѣль): сближеніе поляковъ съ русскими, а тайная или дѣйствительная цѣль, которой собственно хотѣлъ достигнуть Огрызко черезъ газету, состояла въ томъ, чтобы оживить польско-пля-

---

[1]) См. сочиненіе члена Вилепской слѣдственной комиссіи Гогеля.

хетскіе идеалы посредствомъ печатнаго слова [1]). Впрочемъ газета эта недолго просуществовала: вслѣдствіе напечатанія въ ней письма Лелевеля она была закрыта.

Благодаря Сѣраковскому и Огрызкѣ, къ концу 1858 г. значительное число поляковъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, принадлежало къ двумъ вышеозначеннымъ тайнымъ революціоннымъ обществамъ.

Но Сѣраковскій и Огрызко нашли, что число поляковъ, принадлежащихъ къ ихъ кружкамъ, еще очень незначительно, чтобы серьезно взяться за такое дѣло, какъ освобожденіе Польши изъ-подъ власти Россіи, а потому задумали основать третье революціонное общество, такъ называемое „Литературное.“ Цѣль этого общества состояла въ томъ, чтобы посредствомъ чтенія литературныхъ произведеній какъ можно большее число поляковъ привлечь къ задуманному дѣлу или лучше сказать: какъ можно большее число поляковъ навербовать въ свои революціонные кружки. Литературное общество основано было въ началѣ 1859 г. Главнымъ распорядителемъ и заправителемъ этого новаго общества, по назначенію Сѣраковскаго и Огрызки, былъ другъ ихъ Ярославъ Домбровскій [2]). Посѣтители этого общества дѣлились на „посвященныхъ“ и „непосвященныхъ,“ т. е. на лицъ, которымъ извѣстны были всѣ тайныя цѣли Сѣраковскаго и Огрызки, и лицъ, которымъ ничего не было извѣстно, и которыя попадали сюда только для слушанія чтеній изъ современныхъ литературныхъ произведеній и для обмѣна мыслей по этому предмету.

---

[1]) Главными помощниками и руководителями Огрызки при изданіи газеты „Слова“ были: профессоръ Владиміръ Спасовичъ и Сигизмундъ Сѣраковскій. См. сочиненіе Гогеля стр. 27—37 и 68.

[2]) Тотъ самый, который былъ, какъ мы выше видѣли, предсѣдателемъ Варшавскаго комитета и который бѣжалъ изъ Москвы, и затѣмъ убитъ въ 1871 г. около Парижа.

Литературные вечера происходили у Домбровскаго и Варавскаго (они жили вмѣстѣ) въ пяти большихъ комнатахъ. Собранія происходили разъ въ недѣлю. По большей части читали запрещенныя литературныя произведенія и преимущественно тѣ, которыя касались Польши и ея дѣятелей. Читались также выдержки изъ газеты „Колоколъ," издававшейся въ Лондонѣ русскимъ эмигрантомъ Герценомъ и другомъ его, самымъ отчаяннымъ революціонеромъ, Бакунинымъ [1]).

По окончаніи чтеній, говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ на этихъ вечерахъ, обыкновенно происходили горячіе споры, въ которыхъ принимали участіе больше всего „непосвященные." Правда, принимали участіе и „посвященные," но только тогда, когда нужно было кого-нибудь изъ „непосвященныхъ" вызвать на большую откровенность. Роль „посвященныхъ," особенно такъ называемыхъ „избранныхъ," на этихъ вечерахъ состояла въ томъ, чтобы наблюдать, кто изъ „непосвященныхъ" въ спорѣ выскажется такъ, что его можно „завербовать въ свое общество и сдѣлать посвященнымъ."

Благодаря этимъ литературнымъ вечерамъ, въ число членовъ кружка Сѣраковскаго и кружка Огрызки набралась цѣлая масса лицъ; къ концу 1859 г. ихъ число превысило 1000 человѣкъ.

Послѣ этого Сѣраковскій и Огрызко для большаго единства дѣйствій положили оба свои кружка соединить въ одинъ общій кружокъ, въ такъ называемый „Центральный Петербургскій польскій кружокъ." Соединеніе это произошло въ началѣ 1860 г. Предсѣдателемъ кружка, по указанію Сѣраковскаго и Огрызки, избранъ былъ другъ ихъ, поручикъ академіи генe-

[1]) О Герценѣ и Бакунинѣ см. ниже.

ральнаго штаба, Варавскій. Сами же—Сѣраковскій и Огрызко—отклонили отъ себя эту честь, т. е. предсѣдательство, въ виду своего административнаго положенія, а также въ виду желанія имѣть больше свободы дѣйствій.

Устройство „Центральнаго кружка“ было слѣдующее: всѣ члены дѣлились на десятки, каждый десятокъ подчинялся особому лицу или такъ называемому „десятскому“. Три десятка, соединенные вмѣстѣ, составляли такъ называемое „тридесятское общество,“ которое подчинялось „старшему.“ Личность „старшаго,“ по словамъ участвовавшихъ, окружена была большою таинственностью. Старшіе очень часто сходились между собою, разсуждали о дѣлахъ общества и такимъ образомъ составляли высшій совѣтъ „Центральнаго кружка.“

Обязанности каждаго члена „Центральнаго общества“ были: а) привлекать въ общество какъ можно болѣе новыхъ членовъ, б) жертвовать въ пользу общества 5% своего содержанія, в) всѣми силами и средствами распространять пропаганду, соотвѣтствующую цѣли кружка, т. е. возстановленію Польши.

Организовавши прочно патріотическое польское общество въ Петербургѣ и завлекши въ него въ качествѣ членовъ почти всѣхъ поляковъ, жившихъ тогда въ русской столицѣ, Сѣраковскій и Огрызко положили основать подобныя общества во всѣхъ городахъ Россійской имперіи, гдѣ только есть поляки. Съ этою цѣлію они разослали своихъ агентовъ въ разныя стороны Россіи, а раза два и сами проѣзжали по Россіи въ качествѣ лицъ командированныхъ правительствомъ для пополненія свѣдѣній по своимъ спеціальностямъ.

И дѣйствительно, благодаря энергіи Сѣраковскаго и Огрызки, въ 1861 г. почти во всѣхъ губернскихъ городахъ Россійской имперіи были тайные польскіе

кружки съ своими особыми предсѣдателями. Изъ провинціальныхъ польскихъ тайныхъ кружковъ особенно замѣчательны были три: Кіевскій, Казанскій и Московскій. Изъ предсѣдателей этихъ кружковъ особенно замѣчателенъ былъ энергіею предсѣдатель Московскаго кружка, нѣкто Кишневичъ.

Такимъ образомъ, благодаря Сѣраковскому и Огрызкѣ, менѣе чѣмъ въ два года польскіе тайные революціонные кружки охватили всю Россію. Эти кружки постоянно сносились съ Петербургскимъ „Центральнымъ кружкомъ“ и получали оттуда инструкціи.

Въ то же время Петербургскій „Центральный кружокъ“ въ свою очередь постоянно сносился съ революціонными обществами Царства Польскаго и Парижскимъ „Демократическимъ обществомъ.“ Словомъ, работа кипѣла. Ждали только начала возстанія.

Но всего этого Сѣраковскому, Огрызкѣ и ихъ компаніи казалось мало. Чтобы одолѣть Россію и заставить ее отказаться отъ Польши, они порѣшили ослабить ее посредствомъ внутреннихъ волненій. Для этой цѣли Сѣраковскій и Огрызко положили употребить русскихъ молодыхъ людей, пропитанныхъ революціонными идеями.

Дѣло вотъ въ чемъ: еще въ сороковыхъ годахъ многіе изъ русскихъ молодыхъ интеллигентныхъ лицъ, путешествуя по Западной Европѣ въ качествѣ туристовъ, заразились революціонными идеями и соціально-демократическими теоріями французскихъ ученыхъ Сенъ-Симона и Фурье [1]) и по возвращеніи домой составили нѣсколько преступныхъ обществъ. Такъ, между прочимъ, составлены были ими общества: „Конституціонистовъ,“ „Молодая Россія,“ „Великоруссъ,“ „Общество южно-

[1]) Сенъ-Симонъ (+1825 г.) и Фурье (+1837 г.) требовали равномѣрнаго распредѣленія имуществъ и уравненія правъ всѣхъ сословій.

руссовъ" и множество другихъ. Цѣли этихъ обществъ были различны: одни изъ нихъ желали введенія въ Россіи конституціи на подобіе англійской, другія—республики, третьи—примѣненія теорій Сенъ-Симона и Фурье къ практикѣ, четвертыя—расчлененія Россіи на части и федеративнаго устройства въ ней [1]).

Послѣднее общество было самое многочисленное. Это общество особенно заявило себя со стороны преступной въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Произошло это вслѣдствіе вліянія на нихъ русскихъ эмигрантовъ, именно: Герцена, Бакунина, Огарева [2]) и др.

---

[1]) Такъ они требовали отдѣленія отъ Россіи: Польши, Малороссіи, Литвы, Кавказа и др. областей.

[2]) Герценъ (фамилія по матери) родился въ 1812 году въ Москвѣ. Отецъ его былъ отставной капитанъ гвардіи—Иванъ Яковлевъ—человѣкъ очень богатый. Мать—нѣмка, по фамиліи Герценъ. Герценъ былъ незаконнорожденный сынъ.

Первоначальное воспитаніе Герценъ получилъ въ домѣ отца и закончилъ его въ Московскомъ университетѣ по математическому факультету. По выходѣ изъ учебнаго заведенія Герценъ отправился за границу, заразился тамъ теоріями Сенъ-Симона и Фурье, и по возвращеніи въ Москву сталъ съ жаромъ проповѣдывать, за что былъ сосланъ въ Вятку; оттуда переведенъ былъ во Владиміръ; послѣ этого онъ скоро женился.

Въ 1847 году умеръ его отецъ и завѣщалъ ему все свое огромное состояніе. Получивши богатое наслѣдство, Герценъ сейчасъ же уѣхалъ опять за границу. Сначала онъ жилъ въ Италіи, а потомъ въ Парижѣ и наконецъ переѣхалъ въ Англію и поселился навсегда въ Лондонѣ.

Живя въ Лондонѣ, Герценъ познакомился съ польскими эмигрантами и подружился съ ними. Польскіе эмигранты, замѣтя въ немъ выдающійся публицистическій талантъ, порѣшили воспользоваться этимъ человѣкомъ для своихъ цѣлей. Они уговорили его издавать газету „Колоколъ" и журналъ „Полярная Звѣзда;" подобрали ему сотрудниковъ и предложили услуги распространять эти изданія по Россіи среди молодежи.

И дѣйствительно, благодаря польскимъ эмигрантамъ, изданія Герцена и его компаніи, путемъ контрабандныхъ, цѣлыми тысячами экземпляровъ переправлялись въ Россію и расходились по рукамъ. Они были настольными книгами всѣхъ революціонныхъ обществъ въ Россіи и учащейся молодежи. На страницахъ этихъ изданій постоянно помѣщались пасквили на Россію, на

И вотъ Сѣраковскій, Огрызко и ихъ компанія, задумавши произвести революцію внутри самой Россіи, порѣшили именно употребить для этой цѣли русскихъ молодыхъ людей вышеозначенныхъ революціонныхъ обществъ, особенно молодыхъ людей послѣдняго общества.

ея внутренній строй и на ея государственныхъ дѣятелей. Тутъ все русское и православное смѣшивалось съ грязью и, наоборотъ, все западное, протестантское и особенно католическое превозносилось до небесъ См. соч. Ратча „Польская эмиграція".

Примѣчаніе I. Герценъ никогда не занималъ никакой административной должности, онъ былъ просто литераторъ. Писать началъ Герценъ, живя въ Вяткѣ. Статьи свои онъ помѣщалъ въ журналахъ: „Телескопѣ", „Отечественныхъ Запискахъ", „Современникѣ" и др.

Герценъ писалъ разсказы, повѣсти, романы, критическія статьи, философскія разсужденія и т. п. Замѣчательнѣйшія изъ его сочиненій: „Гофманъ," „Кто виноватъ," „Съ того берега," „Парижскія письма" и др.

Герценъ былъ крупный, выдающійся литературный талантъ. Но вслѣдствіе впечатлительной натуры, отсутствія религіознаго воспитанія и твердости характера, онъ не выработалъ въ себѣ опредѣленнаго направленія, постоянно мѣнялъ свои убѣжденія, путался въ нихъ.

Когда Герценъ жилъ еще въ Россіи, то положительно бредилъ Западомъ: онъ воображалъ, что только за границею, на Западѣ, царитъ истинное просвѣщеніе, что только тамъ можно найти рѣшеніе всѣмъ своимъ сомнѣніямъ и успокоиться душою и тѣломъ. Но когда поселился за границею и ближе познакомился съ Западомъ, то всѣми силами души возненавидѣлъ Западъ.

Въ концѣ концовъ Герценъ разочаровался во всемъ, сдѣлался страшнымъ атеистомъ и ненавистникомъ всего существующаго; словомъ, человѣкъ окончательно сбился съ пути. Вотъ въ это то время онъ попалъ въ руки умныхъ и ловкихъ польскихъ эмигрантовъ, которые съумѣли направить его по своему пути.

Герценъ умеръ въ Лондонѣ въ 1870 г., 9-го ноября.

Примѣчаніе II. По словамъ очевидцевъ, Герценъ, этотъ атеистъ, передъ смертію полюбилъ православіе и очень часто говорилъ друзьямъ, что это единственная религія, которую слѣдуетъ уважать, и что если есть на свѣтѣ истинная религія, то это именно православная.

О Герценѣ См. Сочиненіе Страхова „Борьба съ Западомъ

Для обезпеченія успѣха въ этомъ дѣлѣ, Сѣраковскій, Огрызко и ихъ компанія пригласили изъ Варшавы одного изъ энергическихъ дѣятелей революціоннаго общества, именно Сигизмунда Подлевскаго.

Подлевскій прибылъ въ Петербургъ въ концѣ 1861 г. и вмѣстѣ съ Сѣраковскимъ и Огрызкою быстро и энергично повелъ свое дѣло. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ всѣхъ подробностей этого дѣла. Знаемъ только то, что успѣхъ былъ необыкновенный: онъ привлекъ на свою сторону массу русской интеллигентной молодежи, изъ которой въ началѣ 1862 г. составилъ революціонное общество подъ названіемъ: „Центральное народное русское общество.“ девизомъ котораго было: „Земля и Воля.“

Общество это по большей части извѣстно было по своему девизу, а потому его называли обществомъ „Земля и Воля.“

Предсѣдателемъ этого общества и самымъ энергич-

въ нашей литературѣ.“ С.-Петербургъ 1882 г. или же „Полное Собраніе сочиненій Скабичевскаго“ т. I. С.-Петербургъ 1884 г.

Бакунинъ родился въ Тверской губерніи. Образованіе получилъ въ артиллерійскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ былъ офицеромъ. Служилъ въ одномъ изъ артиллерійскихъ парковъ въ Бѣлоруссіи. По выходѣ въ отставку въ 1836 г. поселился въ Москвѣ. Тутъ онъ сошелся съ революціонерами и сдѣлался самымъ отчаяннымъ нигилистомъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ бѣжалъ за границу и сдѣлался другомъ Герцена и польскихъ эмигрантовъ.

Примѣчаніе. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Бакунинъ, въ союзѣ съ нѣкоторыми польскими эмигрантами, образовалъ въ Лондонѣ „Общество поджигателей.“ Цѣль этого общества состояла въ томъ, чтобы посредствомъ тайныхъ агентовъ производить въ Россіи поджоги. Главными дѣятелями этого общества были поляки—эмигранты: Божеславскій, Владиславъ Миловичъ и Франковскій. Общество это имѣло свои отдѣлы въ Парижѣ и Швейцаріи. Въ Парижѣ главными дѣятелями сего общества были тоже поляки—эмигранты, именно: ксендзъ Бычинскій, Кешковскій, Ясинскій и др. См. соч. Гогеля „Іосафатъ Огрызко“ 1867 г. стр. 107—113.

нымъ дѣятелемъ его былъ жидъ-перекрестъ Утинъ, секретаремъ его и исполнителемъ всѣхъ его распоряженій былъ извѣстный Чернышевскій (написавшій романъ „Что дѣлать“), членами его были: Михайловъ, Серно-Соловьевичъ, Добролюбовъ, Писаревъ, Худяковъ, Пантелѣевъ, Потебня, Чернякъ и др.

Цѣль этого общества весьма ясно видна изъ той программы, которую оно имѣло, именно:

I. Пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа.

II. Возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и вообще противъ власти.

III. Устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему теоріи соціализма.

IV. Заведеніе въ провинціяхъ библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ на началахъ коммуны, которыя, находясь въ рукахъ членовъ главнаго общества, могли бы удобнѣе привлекать и приготовлять новыхъ членовъ и въ то же время состояли бы въ зависимости отъ „Центральнаго общества“.

V. Распространеніе въ народѣ соціалистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей.

Таково было русское революціонное общество, основанное поляками и имѣвшее цѣлію производить смуту въ Россіи. Но общество это не принесло пользы польскому дѣлу. Оно скоро было открыто правительствомъ, и члены его понесли достойное наказаніе [1]).

---

[1]) Именно: Михайловъ, Слѣпцовъ, Чернышевскій, Серно-Соловьевичъ, Худяковъ, Пантелѣевъ—сосланы въ каторжныя работы; Чернякъ разстрѣлянъ въ Казани; Пантелѣевъ убитъ въ

Правда, русское революціонное общество „Земля и Воля“, основанное поляками, не принесло пользы польской справѣ, но тѣмъ не менѣе самая организація его показываетъ, какую могучую силу имѣлъ въ себѣ польскій революціонный кружокъ въ Петербургѣ, и какъ онъ ловко повернулъ было русскую молодежь для достиженія своихъ цѣлей [1]).

Вотъ этотъ то самый „могучій“ польскій революціонный кружокъ, во главѣ котораго стояли Сѣраковскій и Огрызко, и былъ главнымъ виновникомъ того, что въ Литвѣ, какъ мы видѣли, захватили власть „Бѣлые“.

Но, захвативши власть въ свои руки, Бѣлые положили приблизить къ себѣ и Красныхъ: нѣкоторымъ изъ этихъ послѣднихъ они поручили видныя должности; такъ, между прочимъ, Калиновскаго назначили комиссаромъ (правителемъ) Гродненской губерніи, Малаховскаго—помощникомъ революціоннаго начальника гор. Вильны, Александра Оскерку, и Зверждовскаго—комиссаромъ Могилевской губерніи.

Послѣ мира Бѣлыхъ съ Красными дѣятельность революціонеровъ закипѣла. Жондъ партіи Бѣлыхъ распорядился отправить нѣсколько своихъ агентовъ въ уѣзды,

---

шайкѣ Лянгевича; Утинъ бѣжалъ за границу; Добролюбовъ—до суда умеръ.

[1]) *Примѣчаніе.* Вообще нужно замѣтить, что большинство русской молодежи (особенно учащейся), отличаясь, къ глубокому сожалѣнію, индифферентизмомъ, пустымъ либерализмомъ и отсутствіемъ твердыхъ основъ патріотизма, во время своихъ волненій постоянно было слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе ловкихъ и хитрыхъ агитаторовъ—поляковъ и жидовъ, которые, какъ бы въ благодарность за это, насмѣхаясь надъ русскою молодежью, называютъ ее „стадниками“ (отъ слова „стадо“, что значетъ, что русскую молодежъ, какъ стадо, можно направить куда угодно). Я это самъ видѣлъ и самъ слышалъ, бывши въ университетѣ.

чтобы вмѣстѣ съ тамошними помѣщиками заняться формированіемъ шаекъ или бандъ. Такъ, между прочимъ, въ Витебскую губернію былъ посланъ молодой человѣкъ, графъ Плятеръ, въ Могилевскую—Чудовскій и Жуковскій, въ Минскую—Свенторжецкій и Пославскій, въ Гродненскую—Траугутъ [1]) и въ Ковенскую—Люткевичъ, Богдановичъ и два ксендза: Мацкевичъ и Норейко, и офицеръ Корейво.

Въ то же время жондъ партіи Бѣлыхъ разослалъ значительныя суммы денегъ во внутреннія губерніи Россіи для поднятія крестьянъ противъ помѣщиковъ. Такъ, между прочимъ, онъ передалъ 15000 руб. предсѣдателю Московскаго польскаго революціоннаго комитета Кеневичу для поднятія крестьянъ на Волгѣ или, какъ говорилъ жондъ, „для возобновленія временъ пугачевщины.“ Въ заключеніе жондъ партіи Бѣлыхъ пригласилъ къ себѣ въ Вильну изъ Петербурга Сѣраковскаго и сдѣлалъ его воеводою (полководцемъ) всѣхъ мятежническихъ силъ Литвы и Бѣлоруссіи.

Въ мартѣ 1863 г. Сѣраковскій прибылъ въ Литву и явился въ засѣданіе жонда. Тутъ онъ изложилъ свой планъ, по которому должно быть произведено возстаніе.

I. По плану Сѣраковскаго прежде всего необходимо было овладѣть крѣпостью Динабургомъ и укрѣпиться въ ней. Это предполагалось сдѣлать такимъ образомъ: испросить немедленно разрѣшеніе правительства на постройку костела внутри Динабургской крѣпости и затѣмъ въ качествѣ рабочихъ для сооруженія костела ввести нѣсколько сотъ вооруженныхъ повстанцевъ, которые обезоружатъ русскія войска и овладѣютъ крѣпостью, при чемъ Плятеръ нанесетъ пораженіе русскимъ войскамъ, которыя явятся на выручку крѣпости.

[1]) Это тотъ самый, который впослѣдствіи былъ диктаторомъ въ Варшавѣ и потомъ, какъ мы видѣли, повѣшенъ.

II. Зверждовскій соединитъ разрозненныя части повстанскихъ войскъ Могилевскаго воеводства въ одинъ корпусъ, захватитъ мѣстечко Горки и, усиливши свой отрядъ студентами тамошняго института, овладѣетъ Могилевскимъ артиллерійскимъ паркомъ. А затѣмъ съ пушками и музыкою пройдетъ черезъ губерніи: Смоленскую, Тверскую, Московскую, захватывая на пути всѣхъ недовольныхъ правительствомъ, и потомъ, окруженный полумилліонною арміею, явится въ Казань, соединится съ тамошними возставшими жителями, возбужденными къ возстанію Кеневичемъ съ помощью данныхъ ему, какъ мы видѣли, 15000 р., и такимъ образомъ положитъ конецъ существованію Россіи.

III. Самъ же Сѣраковскій отправится въ Ковенскую губернію, организуетъ тамъ изъ повстанскихъ отрядовъ (лѣсныхъ бандъ) армію въ нѣсколько корпусовъ, съ которыми поразитъ русскія войска, высланныя противъ него, затѣмъ войдетъ въ связь съ революціонными войсками Ц. Польскаго и, наконецъ, для общихъ дѣйствій соединится съ иноземнымъ десантомъ [1]).

Въ заключеніе Сѣраковскій поручилъ Александру Оскеркѣ составить проектъ будущаго административнаго устройства Польши по ея освобожденіи; при чемъ поставлялось въ обязанность Оскеркѣ написать такой проектъ, по которому бы преобразованная Польша представлялась государствомъ сильнымъ, могучимъ на столько, чтобы Западная Европа немедленно включила ее въ число первоклассныхъ державъ, вмѣсто разгромленной Россіи.

Принимая порученіе Сѣраковскаго, Оскерко въ одномъ только не могъ согласиться съ Сѣраковскимъ,

[1]) См. соч. Ратча: „Свѣдѣнія о польск. мятежѣ 1863 г.“ т. I, стр. 191—205.

именно: Сѣраковскій требовалъ, чтобы въ будущей Польшѣ всѣ крестьяне были свободны и независимы, а Оскерко отвергалъ это, говоря, что крестьянамъ нельзя давать свободы, такъ какъ они не приготовлены къ этому. „Крестьяне, говорилъ Оскерко, не поймутъ свободы, бросятъ заниматься, начнутъ пьянствовать, и вслѣдствіе этого упадетъ земледѣліе, а вмѣстѣ съ нимъ и экономическое состояніе Польши.“ Съ доводами Оскерко согласились и всѣ члены жонда.

Проектъ Сѣраковскаго относительно военныхъ дѣйствій найденъ былъ всѣми членами жонда партіи Бѣлыхъ великолѣпнымъ, неподражаемымъ; проектъ этотъ привелъ всѣхъ въ восторгъ, и вслѣдствіе этого отдано было приказаніе начать военныя дѣйствія [1]).

Согласно предписанію военныя дѣйствія открылъ молодой Плятеръ. Въ началѣ апрѣля 1863 г. онъ съ своею шайкою около Динабурга напалъ на транспортъ съ оружіемъ и ограбилъ его. Затѣмъ онъ бросился было на крѣпость, чтобы овладѣть ею; но тутъ его

---

[1]) *Примѣчаніе* Разумный человѣкъ, читая только—что сказанное нами, непремѣнно усомнится въ истинности этого: слишкомъ ужъ неправдоподобно, скажетъ онъ, чтобы такой умный человѣкъ, каковымъ, безспорно, былъ Сѣраковскій, могъ создать такой фантастическій планъ и надѣяться на его осуществленіе. Но это фактъ. Кто хорошо знаетъ поляковъ, изучалъ ихъ исторію, тотъ не будетъ удивляться вышесказанному. Дѣло вотъ въ чемъ: польскій народъ безусловно даровитый, храбрый, энергичный, честный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ симпатичный, но въ отношеніи политическомъ онъ положительно „невмѣняемъ,“ если можно такъ выразиться. „Природа, говоритъ одинъ писатель, одарила поляковъ всѣми способностями за исключеніемъ одной—политической, въ этомъ отношеніи она положительно ихъ обидѣла, а отсюда произошли и всѣ ихъ несчастія.“

Отсутствіе у поляковъ политическихъ способностей въ настоящее время признаютъ и многіе сами образованные поляки, они только иначе выражаются относительно этого, именно: „наши поляки, говорили они мнѣ, не знаютъ дипломатіи, большіе идеалисты“ (утописты вѣрнѣе).

встрѣтили тамошніе раскольники, вооруженные дубьемъ и кольями; они бросились на мятежниковъ, разбили ихъ, транспортъ отняли и самого Плятера взяли въ плѣнъ и представили начальству, которое заключило его въ тюрьму. Затѣмъ они бросились на тѣхъ помѣщиковъ, которые составляли заговоры и формировали шайку Плятера; имѣнія ихъ разорили и многихъ самихъ пановъ-заговорщиковъ поймали и также, сковавши по рукамъ и ногамъ, представили по начальству [1]).

Вслѣдъ за Плятеромъ военныя дѣйствія открылъ и Сѣраковскій, который при этомъ принялъ псевдонимъ „Доленго.“

По прибытіи въ Ковенскую губернію, онъ собралъ банду въ 2000 человѣкъ и сталъ съ нею разбойничать, при чемъ онъ убивалъ всѣхъ, кто не сочувствовалъ мятежу.

26 апрѣля Сѣраковскій съ своею шайкою расположился въ лѣсу у фольварка Гудишки; тутъ напалъ на него генералъ Гапецкій и поразилъ наголову. Мя-

---

[1]) *Примѣчаніе.* По замѣчательно: мѣстное начальство, къ удивленію, вмѣсто того, чтобы поблагодарить раскольниковъ за ихъ любовь къ отечеству, за ихъ патріотизмъ, донесло въ Петербургъ, что раскольники производятъ бунты въ Витебской губерніи и, какъ разбойники, нападаютъ на имѣнія помѣщиковъ, грабятъ ихъ и разоряютъ; при этомъ Виленскій жандармскій окружной генералъ просилъ шефа жандармовъ прислать войско для усмиренія раскольниковъ, такъ какъ наличнаго войска для этого мало. Многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, вѣря донесенію начальства Сѣверо-Западнаго края, обратились было къ государю съ просьбою о посылкѣ туда войска; но министръ внутреннихъ дѣлъ Зеленый понялъ настоящее положеніе дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и, благодаря ему, войско не было послано противъ раскольниковъ; правда, спустя мѣсяцъ послѣ этого, войско дѣйствительно было послано въ Витебскую губернію подъ начальствомъ генерала Долотовскаго, но только не противъ раскольниковъ-патріотовъ, а противъ мятежниковъ. Долотовскій скоро усмирилъ здѣсь мятежъ.

тежники потеряли до 100 человѣкъ. Въ плѣнъ взятъ начальникъ праваго крыла Станишевскій. Самъ же Сѣраковскій былъ раненъ въ грудь навылетъ, но друзья спасли его отъ плѣна и скрыли на одной мызѣ, находившейся въ лѣсу Тышкевича. На слѣдующій день убѣжище Сѣраковскаго было открыто, и онъ взятъ былъ въ плѣнъ. Объ этомъ разсказываютъ такъ:

Одинъ офицеръ капорской роты съ нѣсколькими солдатами, отыскивая скрывшагося Сѣраковскаго, нечаянно набрелъ на маленькую мызу, въ густомъ лѣсу, на полянѣ. Мыза была заперта со всѣхъ сторонъ. Когда ее окружили, отворилось окно, изъ котораго услышали: „входите, я—Сѣраковскій—здѣсь.“ Вошли. Сѣраковскій дѣйствительно оказался здѣсь. Онъ былъ тяжело раненъ. Тутъ же, при немъ, находился и его штабъ, состоящій изъ 21-го человѣка. Ихъ всѣхъ арестовали и отвезли въ другую, въ ближайшую мызу, принадлежащую какому-то графу, который самъ былъ въ шайкѣ. Отсюда приказано было доставить Сѣраковскаго въ Медейку, гдѣ находилась главная квартира капорскаго полка. Чтобы перевести плѣнныхъ въ Медейку, присланъ былъ особый офицеръ съ 40 стрѣлками.

Офицеръ и 40 стрѣлковъ прибыли на мызу, гдѣ находился Сѣраковскій съ своимъ штабомъ, въ 12 ч. ночи. Вошли въ помѣщеніе. Въ передней были капорцы. Въ комнатѣ до 12-ти плѣнныхъ спало на соломѣ. Неспавшій молодой человѣкъ, крѣпкаго тѣлосложенія, съ красивымъ, но рѣзкимъ лицомъ, при входѣ офицера всталъ и, подойдя, отрекомендовался: „Колышко.“ Посреди комнаты, увѣшанной картинами, на большой кровати, лежалъ раненый Сѣраковскій. У его изголовья сидѣли два доктора въ польскихъ костюмахъ. Въ глубинѣ комнаты лежало шестеро раненыхъ. Къ офи-

церу подошелъ на цыпочкахъ другой молодой человѣкъ очень красивой наружности и сказалъ: „Я, графъ Коссаковскій, адъютантъ нашего генерала.“—„Кончайте эту комедію и разбудите Сѣраковскаго,“ сказалъ офицеръ, „мнѣ приказано немедленно перевезти всѣхъ васъ въ штабъ, въ Медейку“.—„Это невозможно, поручикъ: рана нашего генерала опасна, теперь кризисъ, онъ не переживетъ. Подождите до 7 часовъ утра.“

Между тѣмъ на мызѣ былъ слухъ, что по дорогѣ въ Медейку, въ лѣсу, находится часть шайки Мацкевича въ засадѣ и замышляетъ отбить плѣнныхъ. Офицеръ поэтому рѣшилъ разбудить тотчасъ Сѣраковскаго. Проснувшись, Сѣраковскій также сказалъ: „Вы пріѣхали взять меня, но я не могу ѣхать, г. офицеръ; подождите до 7 часовъ утра; я буду полезнѣе живой, а то мертваго привезете.“ Но офицеръ объявилъ, что эти просьбы для него подозрительны, что если они надѣются на помощь мятежниковъ, то это напрасно.

Въ два часа ночи начало свѣтать. Офицеръ разбудилъ всѣхъ и велѣлъ одѣваться. Всѣхъ посадили на подводы, а для больного Сѣраковскаго найдена была на мызѣ коляска. Но Сѣраковскій не выходилъ, прося позволенія напиться чаю. Офицеръ позволилъ; но слишкомъ долгія приготовленія вывели его изъ терпѣнія, и онъ сказалъ: „Сѣраковскій, про васъ идетъ слава въ шайкахъ, что вы человѣкъ съ желѣзной волей; докажите, что вамъ чашка чаю нипочемъ.“ Черезъ минуту Сѣраковскій сидѣлъ въ коляскѣ съ докторомъ и Коссаковскимъ.

Другой офицеръ завелъ разговоръ съ Колышкою о ихъ шайкѣ. Колышко сказалъ: „Я уже третій мѣсяцъ начальствую шайкой. Два мѣсяца меня ловили отряды, но я не попадался; даже иногда проходилъ между двумя отрядами и оставался назади. Меня никогда не поймали бы,

если бы не Сѣраковскій. Не соединись я съ нимъ, я былъ бы теперь съ шайкою преспокойно въ лѣсу. Но Сѣраковскій—начальникъ; мы должны его слушаться. Сѣраковскій умный человѣкъ, но не полководецъ; у него мало энергіи, онъ не позволилъ мнѣ напасть на Медейку, когда тамъ была одна капорская рота."

Изъ Медейки Сѣраковскій съ другими плѣнными повстанцами былъ доставленъ въ Вильну и помѣщенъ въ военное отдѣленіе госпиталя св. Якова.

Такая же участь постигла и Зверждовскаго (Топоръ). Правда, въ началѣ апрѣля онъ прибылъ было въ Могилевскую губернію, сформировалъ шайку, съ которою ограбилъ мѣстечко Горки; но потомъ разбитъ былъ русскимъ отрядомъ, бѣжалъ въ Царство Польское, гдѣ былъ схваченъ и повѣшенъ.

Такое неудачное начало военныхъ дѣйствій польскихъ бандъ сильно поразило жондъ партіи Бѣлыхъ. Особенно пораженіе банды Сѣраковскаго и плѣненіе его самого произвели панику среди членовъ жонда. Къ довершенію ужаса въ Литвѣ получено было извѣстіе изъ Царства Польскаго, что и тамъ дѣла не лучше: тамъ, какъ извѣстно стало, банда Лянгевича тоже разбита была наголову. Самъ Лянгевичъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ былъ, какъ мы видѣли, схваченъ и заключенъ въ тюрьму.

Послѣ этого жондъ партіи Бѣлыхъ потерялъ голову и не зналъ, что дѣлать.

Этимъ, между тѣмъ, воспользовались Красные: они вырвали власть у Бѣлыхъ, образовали свой жондъ и провозгласили Калиновскаго диктаторомъ.

Новый жондъ или „жондъ партіи Красныхъ" состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Калиновскій— диктаторъ, затѣмъ члены: Малаховскій, Дюлоранъ, Карлъ Рупрехтъ и Домбъ.

Этотъ новый жондъ, т. е. жондъ партіи Красныхъ, положилъ поддерживать мятежъ посредствомъ террора. Для этой цѣли онъ образовалъ два общества: общество „жандармовъ-вѣшателей“ и общество „кинжалистовъ,“ на обязанности которыхъ лежало убивать тѣхъ лицъ, на которыхъ укажетъ жондъ [1]) какъ на людей, препятствующихъ развитію мятежа или несочувствующихъ ему. Начальникомъ этихъ обществъ былъ избранъ Домбъ, членами: Феликсъ Войцѣховскій, Константинъ Стребейко, Іосифъ Яблонскій, Іосифъ и Александръ Раевскіе, Карлъ Сиповичъ, Александръ Мирошниковъ и другіе.

Общества эти совершили много политическихъ убійствъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ; изъ множества описаній этихъ убійствъ, имѣющихся у насъ подъ руками, мы скажемъ только объ убійствѣ трехъ православныхъ священниковъ, именно:

I. Убійство священника Прокоповича. Отецъ Прокоповичъ былъ священникомъ въ заштатномъ городѣ Гродненской губерніи Суражѣ. О. Прокоповичъ отличался глубокою преданностью Россіи и высокимъ благочестіемъ. Но за то, что принималъ къ себѣ военныхъ, проходившихъ чрезъ Суражъ для усмиренія мятежниковъ, онъ сначала преданъ былъ мятежниками мученію, а потомъ повѣшенъ. Объ этомъ трагическомъ событіи передается такъ: Въ 10 часовъ вечера, это было 22 мая 1863 г., въ домѣ о. Прокоповича всѣ уже заснули первымъ сномъ. Но вдругъ жена о. Прокоповича, проснувшись, услышала страшный шумъ и бѣготню около дома. Разбудила мужа. Тотъ всталъ и началъ одѣваться. Въ это время послышался стукъ въ окно и крикъ: „хозяинъ, отвори!“ А вслѣдъ затѣмъ окно было выр-

[1]) Жандармы-вѣшатели совершали свои злодѣйства по большей части въ селахъ и деревняхъ, а кинжалисты—въ городахъ.

вано и нѣсколько человѣкъ вскочило въ комнату. О. Прокоповичъ догадался, что эти мятежники, которые явились къ нему съ цѣлію убить его. Онъ быстро выскочилъ изъ комнаты и скрылся въ конюшнѣ.

Между тѣмъ мятежники зажгли огонь и начали искать о. Прокоповича. Не найдя его, они схватили его семейство: жену, сына и дочь и стали наносить имъ удары, при чемъ кричали: „гдѣ хозяинъ! гдѣ отецъ вашъ! давайте его сюда“. Но когда тѣ отвѣтили незнаніемъ, то мятежники схватили сына, накинули ему на шею веревку и стали душить. Сынъ отъ боли и испуга закричалъ: „Ахъ, Боже мой, Боже мой!“ Мятежники на это въ свою очередь закричали: „молчи! какой твой Богъ? Твоя вѣра собачья, схизматическая, самъ ты собака, и вѣра твоя такая же,“ и стали снова его душить. Но въ это время послышался крикъ: „нашли хозяина, нашли.“ Дѣйствительно, въ то время, какъ одна часть повстанцевъ мучила семейство о. Проколовича, другая отправилась на дворъ искать самого хозяина и нашла его въ конюшнѣ.

Отыскавши о. Прокоповича, мятежники сначала предали его мученію и разнаго рода истязаніямъ: таскали за волосы, били въ грудь кулаками и прикладами ружей, топтали ногами; ему дано было болѣе ста ударовъ. Затѣмъ одинъ изъ мятежниковъ выстрѣлилъ въ о. Прокоповича и ранилъ его въ бокъ. Послѣ этого повели его вѣшать къ мѣсту въ пяти шагахъ отъ дома, гдѣ находилось нѣсколько тополей. Здѣсь о. Прокоповичъ сталъ просить помолиться въ послѣдній разъ. Но мятежники не позволили: „Кому ты будешь молиться? Бога у тебя нѣтъ, вѣра твоя сабачья, и самъ ты собака“! закричали они и вслѣдъ за этимъ накинули на шею веревку; о. Прокоповичъ могъ только произ-

нести: „Господи Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!“ и былъ повѣшенъ.

Послѣ этого мятежники ограбили весь домъ и ушли.

II. Убійство священника Канапосевича. Отецъ Канапосевичъ былъ священникомъ въ Игуминскомъ уѣздѣ Минской губ., въ мѣсточкѣ Богушевичахъ. Подобно о. Прокоповичу, о. Канапосевичъ отличался глубокою преданностію Россіи и высокимъ благочестіемъ. Его повѣсили за то, что онъ неразъ укорялъ ксендзовъ за ихъ возмутительныя проповѣди, которыя они говорили противъ русскихъ. Однажды, возвратясь домой изъ поѣздки по своему приходу, о. Канапосевичъ нашелъ у себя на столѣ записку такого содержанія: „Отецъ Канапосевичъ! твои укоры слишкомъ жестоки, и потому будь увѣренъ, что ты останешься живъ только тогда, когда ни одного изъ насъ не останется въ живыхъ“. Чрезъ недѣлю угроза дѣйствительно была приведена въ исполненіе. 23 мая 1863 г., въ 4 часа по полудни къ о. Канапосевичу явилась вооруженная банда подъ начальствомъ довудцы Свенторжецкаго. Схватили несчастнаго священника и, несмотря на вопль жены и малолѣтнихъ дѣтей, повѣсили его на воротахъ собственнаго дома.

III. Убійство священника Рапацкаго. О. Рапацкій былъ священникомъ въ Гродн. губ., въ Пружанскомъ уѣздѣ, въ селѣ Котрѣ. Подобно первымъ двумъ мученикамъ, священникъ Рапацкій тоже былъ повѣшенъ. Кончина его произошла 3-го іюля 1863 г. Въ этотъ день о. Рапацкій ходилъ въ поле. Возвращаясь оттуда, онъ встрѣтилъ болѣе 30 человѣкъ вооруженныхъ мятежниковъ, которые немедленно окружили его и потомъ, связавши руки, привели въ его село и тутъ противъ оконъ ксендза повѣсили на деревѣ. Послѣ этого мятежники пустили изъ ружей по нѣсколько пуль въ

тѣло повѣшеннаго. Трупъ о. Рапацкаго висѣлъ три дня, мятежники не позволяли снимать его. На четвертый день сняли. Но замѣчательно—несмотря на страшную жару, тѣло мученика не разложилось. Лицо было чисто и въ высшей степени бѣло, и самъ онъ какъ будто бы спалъ глубокимъ сномъ. Когда его хоронили, то многіе католики-крестьяне плакали: онъ былъ ко всѣмъ очень добрый человѣкъ. У него осталось трое маленькихъ дѣтей [1])

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ по своей общественной и государственной дѣятельности можетъ занять не послѣднее мѣсто среди дѣятелей всемірной исторіи; а по тѣмъ коренным измѣненіямъ, какія онъ произвелъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ относительно упроченія въ немъ православно-русскихъ началъ, и по народной памяти къ нему за это, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ занялъ въ исторіи русской, среди ея дѣятелей, такое мѣсто, какое немногимъ выпало. Еще при жизни своей, какъ всѣмъ извѣстно, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ пріобрѣлъ среди русскаго народа такую популярность за свою дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какой раньше никто не пріобрѣталъ, за исключеніемъ развѣ царственныхъ особъ. И неудивительно, потому что Михаилъ Николаевичъ своею дѣятельностію въ Сѣверо-Западномъ краѣ исполнилъ задушевныя желанія и осуществилъ политическіе взгляды всего истинно-русскаго народа на вышеозначенный край.

[1]) Подробности о мученической кончинѣ вышеозначенныхъ трехъ священниковъ см. газету И. С. Аксакова „День“. 1863 г. № 24, 29, 33, 40 и др.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ обладалъ великимъ умомъ, твердымъ характеромъ и непоколебимою силою воли. Чуждый космополитизма и дешеваго либерализма, каковыми недостатками, къ стыду Россіи, большинство нашей интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ страдало [1]), Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ отличался глубокою любовью къ православію и искреннею преданностью престолу и отечеству. Строгій къ самому себѣ и къ другимъ въ дѣлѣ гражданскихъ обязанностей и общественнаго долга, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ для блага родины не щадилъ ни трудовъ, ни здоровья.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, подобно другимъ, не мѣнялъ своихъ убѣжденій, никогда не подлаживался къ лицамъ, облеченныхъ высшею властію, не искалъ у нихъ протекціи: онъ всегда шелъ къ цѣли прямо, честно и открыто.

Будучи генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ высказалъ себя истиннымъ отцомъ и благодѣтелемъ для всѣхъ лицъ, содѣйствовавшихъ усмиренію мятежа. Таковымъ же онъ заявилъ себя и по отношенію къ тѣмъ лицамъ польскаго происхожденія, которыя, бросивъ крамолу, являлись къ нему съ искреннимъ раскаяніемъ. Но онъ былъ строгъ и безпощаденъ къ тѣмъ изъ крамольниковъ, которые, попавши въ его руки, не сознавали своей вины.

Словомъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ былъ настоящій великорусскій, московскій человѣкъ: честный, прямой, открытый,—человѣкъ безъ фальши, че-

---

[1]) См. „Записки М. Н. Муравьева „Русская Старина 1882—3 г. или же „Дневникъ А. В. Никитенко“ (профессора С.-Петербургскаго университета и академика) Русская Старина 1891 г.

ловѣкъ глубоко религіозный и искренно преданный престолу и отечеству.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ родился въ 1796 году 1 октября. Отецъ его въ это время былъ флотскимъ капитанъ-лейтенантомъ и жилъ въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ приходѣ церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы [1]). Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ своихъ родителей, въ имѣніи Сырецъ, Петербургской губерніи, подъ руководствомъ матери, о которой Михаилъ Николаевичъ до конца жизни вспоминалъ съ благоговѣніемъ. Въ 1809 году М. Н. Муравьевъ поступилъ въ Московскій университетъ на физико-математическій факультетъ. Четырнадцати лѣтъ онъ основалъ изъ студентовъ университета математическое общество, въ которомъ читалъ аналитическую и начертательную геометрію. Въ 1811 году М. Н. Муравьевъ вышелъ изъ университета и поступилъ въ полкъ. Во время Бородинской битвы Муравьевъ получилъ тяжелую рану. Въ 1818 г. М. Н. Муравьевъ женился на княжнѣ Шереметьевой, а въ 1820 году вышелъ въ отставку и поселился въ селѣ Лазицахъ, въ имѣніи жены, Смоленской губ., Рославльскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ г. Рославля.

Въ отставкѣ Михаилъ Николаевичъ недолго на-

---

[1]) У отца Михаила Николаевича было всѣхъ дѣтей шесть человѣкъ: пять сыновей и одна дочь. Старшій сынъ Александръ, за участіе въ заговорѣ противъ правительства, въ 1824 г. былъ сосланъ въ Сибирь, а по возвращеніи изъ нея получилъ мѣсто губернатора въ Нижегородской губерніи; умеръ сенаторомъ. Второй—Николай (умеръ въ 1866 г.); онъ отличался во многихъ сраженіяхъ, особенно при взятіи Карса во время восточной войны, за что получилъ названіе „Карскаго“. Третій сынъ—это былъ Михаилъ Николаевичъ. Четвертый—Андрей Николаевичъ, путешественникъ и писатель; онъ, между прочимъ, написалъ „Исторію Русской Церкви“; пятый—Николай Николаевичъ—карьеры не составилъ, но любилъ науки и особенно философію.

ходился; но это время его жизни ознаменовано было тѣмъ, что онъ, подозрѣваемый въ заговорѣ противъ государственнаго строя, былъ арестованъ и нѣкоторое время содержался въ заключеніи [1]). Выпущенный затѣмъ на свободу, М. Николаевичъ поступилъ на гражданскую службу. Въ 1827 г. онъ былъ Витебскимъ вице-губернаторомъ; въ 1828 г. губернаторомъ Могилевскимъ, а съ 1829 г. по 1834 г. Гродненскимъ губернаторомъ и потомъ Курскимъ. Съ 1839 по 1842 г. М. Николаевичъ былъ директоромъ департамента податей и разныхъ сборовъ; затѣмъ управляющимъ межеваго корпуса и предсѣдателемъ департамента удѣловъ, а съ 1857 по 1862 г. занималъ постъ министра государственныхъ имуществъ. Будучи министромъ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевъ принималъ дѣятельное участіе въ главномъ комитетѣ по устройству быта крестьянъ, а потомъ, вслѣдствіе несогласія его видовъ съ господствовавшимъ мнѣніемъ, требовавшимъ освобожденія крестьянъ, вышелъ въ отставку [2]).

По выходѣ въ отставку М. Николаевичъ жилъ въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ. О немъ въ это время какъ будто бы всѣ забыли. А между тѣмъ въ это же самое время мятежъ въ Польшѣ и въ Литвѣ все болѣе и болѣе разгорался. Правительство же русское, угрожаемое сосѣдями, ставшими на сторону поляковъ, не рѣшалось принять энергическихъ мѣръ къ подавленію

---

[1]) М. Николаевичъ заподозрѣнъ былъ въ томъ заговорѣ, который составленъ былъ въ русскомъ войскѣ полковникомъ уфимскаго полка Павломъ Пестелемъ и отставнымъ полковникомъ Поджіо. См. сочиненіе Богдановича: „Исторія Императора Александра I“. С.-Петербургъ 1866 г.

[2]) Подробности о жизни М. Н. Муравьева до назначенія его Гродненскимъ губернаторомъ см. сочиненіе Д. П. Кропотова подъ заглавіемъ: „Жизнь графа М. Н. Муравьева“. С.-Петерб. 1874 г.

мятежа; оно, какъ и въ Ц. Польскомъ, по большей части ограничивалось однѣми палліативными мѣрами, а этимъ еще больше давало поводъ усиливаться мятежу, потому что поляки видѣли въ этомъ слабость и безсиліе русскаго правительства.

Въ Литвѣ въ сіе время былъ генералъ-губернаторомъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, человѣкъ честный, но слишкомъ добрый и мягкій; онъ не только самъ не предпринималъ энергическихъ мѣръ къ подавленію возстанія, но не позволялъ и другимъ этого дѣлать; поэтому справедливо нѣкоторые говорятъ, что если бы управленіе Назимова Литвою продолжилось, то опасность для русскаго государства была бы еще большая, потому что мятежный духъ польской шляхты могъ бы охватить и простой (сельскій) народъ, который, какъ и въ Ц. Польскомъ, не принималъ никакого участія въ мятежѣ. Но онъ скоро былъ смѣненъ, и мѣсто его занялъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Назначеніе М. Н. Муравьева генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края, по словамъ брата его Андрея Николаевича, совершилось такъ: за два дня до призванія М. Николаевича къ государю императору (это было 23 апрѣля 1863 г.), братъ его Андрей Николаевичъ отправился къ директору азіатскаго департамента Н. П. Игнатьеву, чтобы взять отпускъ на проѣздъ въ Кіевъ. Будучи въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Н. П. Игнатьевымъ, онъ разговорился съ нимъ о бѣдственномъ положеніи дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Во время этого разговора Андрей Николаевичъ, между прочимъ, замѣтилъ, что еслибы брата его Михаила Николаевича послали туда, то мятежъ скоро былъ бы усмиренъ, такъ какъ Михаилъ Николаевичъ хорошо знаетъ этотъ край по личному опыту. Игнатьевъ, зная умъ, силу воли и энергію М. Н. Му-

равьева, вполнѣ согласился съ Андреемъ Николаевичемъ, но при этомъ спросилъ сего послѣдняго: „скажите, пожалуйста, какъ же сдѣлать, чтобы вашему брату вручить управленіе Литвою, вѣдь онъ, если ему предложить это, не согласится, особенно послѣ того, какія онъ перенесъ неудовольствія по министерству?“ Андрей Николаевичъ поспѣшилъ на это отвѣтить такъ: „правда, братъ не согласится принять управленіе Литвою, если это предложено ему будетъ какимъ-нибудь министромъ; но есть другой способъ для этого, и онъ не откажется: пусть самъ государь пошлетъ къ нему фельдъегера и скажетъ брату: „Муравьевъ! отечество въ опасности, спасай его, и онъ, какъ честный человѣкъ и вѣрный сынъ своего отечества, не можетъ отказаться“. Между тѣмъ какъ происходилъ этотъ разговоръ, къ Н. П. Игнатьеву явился курьеръ съ требованіемъ его къ канцлеру Горчакову съ бумагами, которыя немедленно нужно канцлеру везти къ государю императору. Н. П. Игнатьевъ сталъ собираться и укладывать нужныя бумаги въ портфель. Андрей Николаевичъ началъ прощаться съ Игнатьевымъ и при этомъ сказалъ ему: „вотъ цѣнная минута, воспользуйтесь ею и предложите брата канцлеру“. Они разстались. Н. П. Игнатьевъ дѣйствительно, какъ теперь извѣстно, воспользовался этою минутою: онъ сказалъ Горчакову о М. Н. Муравьевѣ, а тотъ государю [1]).

28 апрѣля 1863 года Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ былъ приглашенъ къ государю императору, гдѣ ему было объявлено, что онъ назначается генералъ-губернаторомъ въ Вильну съ неограниченною властію, для подавленія мятежа. Поблагодаривъ государя за оказанную честь и довѣріе, М. Николаевичъ, по

---

[1]) См. Русскую Старину за 1882 г., мѣсяцъ декабрь, стр. 644.

выходѣ отъ него, немедленно сталъ собираться къ отъѣзду.

1-го мая послѣдовало оффиціальное объявленіе о назначеніи Михаила Николаевича Муравьева на новую должность, а 12-го Михаилъ Николаевичъ, помолившись въ казанскомъ соборѣ и приложившись къ чудотворной иконѣ казанской Божіей Матери, находившейся въ семъ соборѣ, выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Вильну. „Провожавшихъ Михаила Николаевича, говоритъ очевидецъ всѣхъ событій при немъ въ Вильнѣ, было множество: сочувствіе къ нему было большое, на него были устремлены всѣ взоры, на него всѣ надѣялись“ [1]).

13 мая, въ 7 часовъ утра, Михаилъ Николаевичъ прибылъ въ Динабургъ и остановился въ крѣпости. Тутъ онъ сказалъ сильную рѣчь представителямъ дворянства и конфирмовалъ приговоръ графа Плятера, осужденнаго военнымъ судомъ къ разстрѣлянію.

14 мая, въ 7 часовъ пополудни, Михаилъ Николаевичъ прибылъ въ Вильну и остановился во „дворцѣ“ [2]); онъ прибылъ въ Вильну одинъ, безъ семьи.

На слѣдующій день Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ рано утромъ съѣздилъ поклониться въ Духовъ монастырь св. Виленскимъ мученикамъ, а оттуда завернулъ къ митрополиту Іосифу Сѣмашко, у котораго пробылъ около часу.

По возвращеніи отъ митрополита Муравьевъ сдѣлалъ общій пріемъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ. Онъ весьма ласково привѣтствовалъ военныхъ и благодарилъ ихъ отъ имени государя за труды и

---

[1]) См. Русскую Старину за 1883 г. т. 40.

[2]) „Дворцомъ“ въ Вильнѣ называется домъ, въ которомъ проживаетъ генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края.

вѣрность престолу и отечеству; но съ строгою и сильною рѣчью обратился къ гражданскимъ властямъ, изъ которыхъ громадное большинство были поляки. Онъ напомнилъ имъ ихъ обязанности, высказалъ свой взглядъ на управленіе и требовалъ, чтобы всѣ лица, несогласныя съ его взглядами на дѣло, немедленно выходили въ отставку.

„Общее впечатлѣніе, произведенное генералъ-губернаторомъ, говоритъ очевидецъ, было самое сильное. Всѣ видѣли предъ собою человѣка твердаго и проницательнаго; тутъ уже не приходилось шутить и надо было переходить въ тотъ или другой лагерь“ [1]).

Послѣ пріема военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ принялъ православное духовенство. Къ нему онъ такъ же ласково отнесся, какъ и къ военнымъ; много говорилъ о значеніи его въ этомъ краѣ, ободрилъ его и обѣщалъ огра-

---

[1]) *Примѣчаніе.* О томъ, что М. Н. Муравьевъ не любитъ шутить тамъ, гдѣ дѣло касалось крамолы, поляки хорошо знали изъ дѣйствій М. Н. Муравьева въ бытность его Гродненскимъ губернаторомъ, именно: когда въ 1830 году вспыхнуло возстаніе въ Ц. Польскомъ, то М. Н. Муравьевъ, желая предохранить свою губернію отъ крамолы, пригласилъ къ себѣ изъ всей губерніи вліятельныхъ польскихъ помѣщиковъ и сказалъ имъ: „Господа! мнѣ, какъ военному губернатору, хорошо извѣстно, что у насъ въ губерніи открылась повальная и очень опасная болѣзнь: это воспаленіе мозга. Надѣюсь, что въ губернскомъ городѣ больше средствъ для излѣченія, нежели въ деревняхъ, я собралъ васъ и прошу не выѣзжать изъ города до минованія болѣзни“. Объ этомъ распоряженіи скоро сдѣлалось извѣстнымъ по всей губерніи и навело такой страхъ, что Гродненская губернія, при всеобщемъ мятежѣ вокругъ нея, осталась спокойною. Когда Варшава была взята, М. Н. Муравьевъ пригласилъ арестованныхъ помѣщиковъ и снова сказалъ: „Теперь, господа, болѣзнь, кажется, миновала, Варшава взята, и вы можете ѣхать въ ваши деревни. Мѣра моя, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ васъ показалась крутою, но вы возвращаетесь въ свои деревни, а безъ этого, Богъ знаетъ, возвратились вы бы въ нихъ; прощайте“. См. Душеполезное Чтеніе. Москва 1891 г. стр. 552.

дить его отъ оскорбленій, наносимыхъ поляками, и полное содѣйствіе его матеріальному обезпеченію, но при этомъ просилъ его усилить свою энергію и дѣйствовать самоотверженно въ пользу водворенія въ семъ краѣ русскихъ православныхъ началъ.

16 мая было принято Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ католическое духовенство. Оно явилось къ нему вмѣстѣ со своимъ епископомъ Красинскимъ, отличавшимся, какъ мы уже говорили выше, особеннымъ нерасположеніемъ къ правительству и полнымъ сочувствіемъ къ мятежу. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ заявилъ ему, что онъ будетъ справедливъ по отношенію къ честнымъ людямъ, но строгъ и безпощаденъ къ тому, кто будетъ уличенъ въ крамолѣ. „Ни знатность происхожденія, ни санъ, ни связи, ничто не спасетъ крамольника отъ заслуженнаго наказанія," сказалъ Муравьевъ. На слова Михаила Николаевича Красинскій заявилъ: „какой здѣсь мятежъ? здѣсь просто погоня за нѣсколькими несчастными повстанцами; за ними гоняются войска, какъ за зайцами." То же самое, вслѣдъ за Красинскимъ, тутъ же при католическомъ духовенствѣ, повторилъ бывшій при семъ жандармскій окружной генералъ-маіоръ[x]. Послѣдній даже прибавилъ, что причиною возстанія служатъ отчасти раскольники, которые, какъ разбойники, нападаютъ на помѣщиковъ, особенно католическихъ. Изъ словъ Красинскаго Муравьевъ увидѣлъ, что поляки слишкомъ увѣрены въ своей силѣ и рѣшительно далеки отъ мысли сознаться въ виновности. Но больше всего взволновало Михаила Николаевича заявленіе жандармскаго генерала. По окончаніи пріема Михаилъ Николаевичъ пригласилъ его въ свой кабинетъ и тутъ рѣзко ему высказалъ, что онъ не можетъ быть вѣрнымъ сыномъ отечества, такъ какъ стоитъ на сторонѣ враговъ его и защищаетъ ихъ. Въ

x) Гильдебрандтъ.

заключеніе Муравьевъ заявилъ ему, чтобы онъ уѣзжалъ отсюда, такъ какъ онъ, Муравьевъ, служить съ нимъ не желаетъ. Жандармскій генералъ пораженъ былъ этимъ, смутился и не зналъ, что сказать,—онъ никакъ не думалъ, чтобы новый генералъ-губернаторъ такъ круто съ нимъ поступилъ, потому что жандармскій генералъ до сего времени былъ самый сильный человѣкъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и при томъ любимецъ шефа жандармовъ, человѣка самаго близкаго къ государю. Черезъ недѣлю жандармскаго генерала уже не было въ Вильнѣ, а вслѣдъ за нимъ выѣхалъ и Назимовъ [1]).

Съ прибытіемъ Михаила Николаевича Муравьева въ Вильну, началась кипучая дѣятельность: всѣ стали работать, начиная отъ мелкаго чиновника и кончая самимъ генералъ-губернаторомъ. Михаилъ Николаевичъ вставалъ въ 6 часовъ утра; въ 7 часовъ онъ садился за работу и продолжалъ заниматься безъ перерыва до 5 часовъ вечера; въ 5 часовъ обѣдалъ; три часа отдыхалъ, а затѣмъ въ 8 часовъ вечера снова садился за работу и не отрывался отъ нея до часу ночи [2]). Смежныя комнаты съ рабочимъ кабинетомъ Михаила Николаевича Муравьева наполнены были чиновниками, исполнявшими его приказанія. Самыми дѣятельными лицами, окружавшими генералъ-губернатора, были: генералъ Лошкаревъ и генералъ Соболевскій; первый занимался докладами, а второй—составленіемъ инструкцій. Кромѣ того, извѣстны своею энергическою дѣятельностью по исполненію приказаній генералъ-губернатора: ротмистръ Шаховской, завѣдывавшій тайною

---

[1]) См. Русскую Старину за 1882 г. т. 36 стр. 403.

[2]) *Примѣчаніе.* М. Н. Муравьевъ обладалъ необыкновенною памятью: онъ зналъ наизусть содержаніе всѣхъ поступающихъ къ нему бумагъ и помнилъ каждый номеръ. Мнѣ это передавалъ человѣкъ, который постоянно находился при немъ.

полиціею; Нееловъ—разборомъ судебныхъ дѣлъ. Затѣмъ выдающимися дѣятелями были: Левъ Николаевичъ Маковъ, полковникъ Черевинъ, генералъ Панютинъ и Иванъ Петровичъ Корниловъ.

Первые дни своего пребыванія въ Вильнѣ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ посвятилъ заботамъ объ улучшеніи состоянія войскъ, находившихся въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. Прежде всего онъ улучшилъ ихъ матеріальное положеніе, потомъ постарался поднять ихъ упавшій духъ и затѣмъ правильно распредѣлилъ ихъ по губерніямъ и уѣздамъ, для скорѣйшаго уничтоженія бродившихъ мятежныхъ шаекъ. По словамъ Михаила Николаевича, войска, находившіяся въ Сѣверо-Западномъ краѣ, съ первыхъ дней его пребыванія въ Вильнѣ привязались къ нему въ высшей степени, особенно гвардейцы. Въ нихъ Михаилъ Николаевичъ нашелъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ энергичныхъ исполнителей своихъ приказаній. „Войска, говоритъ Михаилъ Николаевичъ въ своихъ запискахъ, съ радостію принимали всѣ возложенныя на нихъ порученія; даже въ солдатахъ было замѣтно особое стремленіе къ подавленію мятежа. Солдаты на все шли съ самоотверженіемъ; ихъ много ободряло данное мною имъ приказаніе не давать пощады полякамъ, которые бы осмѣлились быть съ ними дерзкими; при этомъ я еще, продолжаетъ Михаилъ Николаевичъ въ своихъ запискахъ, далъ имъ право немедленно арестовывать дерзкихъ поляковъ и представлять коменданту“. Послѣдняя мѣра, особенно послѣ нѣсколькихъ примѣровъ, сильно подѣйствовала на поляковъ: они увидѣли, что съ ними Муравьевъ не будетъ шутить.

Затѣмъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, съ цѣлію скорѣйшаго подавленія мятежа, издалъ особую ин-

струкцію, которую можно назвать военно-полицейскою. Сущность ея слѣдующая:

I. Военное положеніе вводится по всему Сѣверо-Западному краю; при чемъ предписывается, чтобы мѣстныя власти строго слѣдили за исполненіемъ его.

II. Въ каждомъ уѣздѣ учреждаются военно-полицейское управленіе, начальниками котораго назначаются лица военнаго званія изъ штабъ-офицеровъ. Военно-полицейскимъ управленіямъ подчиняются всѣ мѣстныя власти и все населеніе, при чемъ начальникамъ ихъ строго предписывается: а) ограждать крестьянъ отъ мятежниковъ, б) переписать жителей и в) завести обывательскія книги съ цѣлію видѣть лицъ, принявшихъ участіе въ мятежѣ.

III. Образовать сельскія стражи для огражденія сельскихъ жителей отъ грабежа и насилій мятежниковъ.

IV. Устроить сельскіе караулы по деревнямъ и селамъ, а также—конные разъѣзды по дорогамъ для наблюденія за проѣзжающими.

V. Предписывается уѣзднымъ войскамъ разыскивать и истреблять мятежническія шайки.

VI. Приказывается въ три дня обезоружить всѣхъ помѣщиковъ, шляхтичей, ксендзовъ и ихъ прислугу. Изъ крестьянъ — обезоружить только неблагонадежныхъ.

VII. Немедленно арестовать всѣхъ замѣшанныхъ въ мятежѣ: помѣщиковъ, шляхтичей, ксендзовъ и католическихъ монаховъ и предать ихъ военному суду.

VIII. Объявить помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, что они будутъ подвергаться строгой отвѣтственности, если въ ихъ имѣніяхъ появятся шайки, и они объ нихъ не донесутъ, или же если кто изъ нихъ будетъ снаб-

жать шайки деньгами, или припасами. Равнымъ образомъ помѣщики и ихъ управляющіе отвѣчаютъ за укрывательство бродягъ.

IX. Объявить всему латинскому духовенству, что, за возбужденіе населенія къ мятежу, члены его подвергаются всей строгости законовъ, при чемъ не будетъ приниматься отговорка, что они вынуждены были къ тому угрозами мятежниковъ, такъ какъ служитель алтаря менѣе другихъ долженъ подчиняться симъ угрозамъ.

X. Помѣщики, управители, настоятели монастырей и прочіе должны немедленно доносить о всякихъ мятежническихъ дѣйствіяхъ въ ихъ чертѣ, подъ опасеніемъ строгаго суда.

XI. Военные суды должны совершать свои процессы безъ замедленія и приговоры приводить въ исполненіе быстро.

XII. На имѣнія всѣхъ помѣщиковъ и монастырей, содѣйствующихъ прямо или косвенно мятежу немедленно наложить секвестръ [1]).

Обнародовавши свою военно-полицейскую инструкцію, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ занялся устройствомъ г. Вильны, какъ главнаго литовскаго центра, гдѣ ютилась крамола. Такъ какъ изъ Вильны каждый день уходили въ лѣсъ для поступленія въ число мятежниковъ человѣкъ по 50, то Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ объявилъ всѣмъ домохозяевамъ, содержателямъ трактировъ, настоятелямъ церквей и монастырей, что за всякое ушедшее лицо они отвѣчаютъ суммою денегъ отъ 10 до 100 рублей и въ случаѣ повторенія — вдвое. Эта мѣра имѣла дѣйствительно огромный успѣхъ: недѣлю спустя, полиціймейстеръ уже болѣе не доно-

[1]) См. сочиненіе Ратча „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г. въ Сѣверо-Западномъ краѣ“, т. I. Вильна 1867 г.

силъ генералъ-губернатору о бѣжавшихъ въ лѣсъ Виленскихъ обывателяхъ.

Послѣ этого Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ занялся разсмотрѣніемъ виновности тѣхъ лицъ, которыя арестованы были еще при Назимовѣ и подвергались суду. По однимъ изъ такихъ дѣлъ еще не было постановлено приговоровъ, а по другимъ состоявшіеся приговоры еще не были приведены въ исполненіе.

Разсмотрѣвши дѣла, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ увидѣлъ, что самыми важными преступниками были ксендзы, а потому онъ распорядился двухъ изъ нихъ, именно Ишору и Земацкаго немедленно казнить.

О казни ксендза Ишоры очевидецъ разсказываетъ такъ: „20 мая, въ 10 ч. утра, сидя у себя дома, я былъ пораженъ отдаленными звуками барабана и военныхъ рожковъ; звуки эти все приближались, и съ ними росъ гулъ толпы. Всѣ всполошились и бросились къ окнамъ. По Доминиканской улицѣ (теперь Благовѣщенская) двигалась процессія: вели на казнь ксендза Ишору. Впереди ѣхали жандармы и казаки; далѣе, окруженный солдатами, бодро шелъ въ своей сутанѣ высокій, молодой ксендзъ, пріятной наружности. Рожки уныло играли. Рядомъ съ осужденнымъ находился духовникъ, и за процессіею и вокругъ нея кипѣла необозримая толпа. Большая часть женщинъ были въ черномъ и горько плакали. Несмотря на все это, никто не думалъ, чтобы Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ рѣшился казнить Ишору, и менѣе всего, какъ я послѣ узналъ, говоритъ очевидецъ, ожидалъ этого самъ ксендзъ Ишора, а потому и шелъ такъ бодро и смѣло. Ишора воображалъ, какъ и всѣ Виленскіе поляки воображали, что казнь будетъ примѣрная, т. е. подведутъ его къ позорному столбу, прочтутъ о его винѣ приговоръ,

сдѣлаютъ холостые выстрѣлы и затѣмъ отпустятъ осужденнаго на всѣ четыре стороны. Но вотъ Ишору привели на мѣсто казни, поставили у позорнаго столба, прочитали приговоръ. Воцарилась глубокая тишина; всѣ ждали, что дальше будетъ... Вдругъ раздался ружейный залпъ, и трупъ Ишоры повисъ окровавленный... Ужасъ напалъ на поляковъ, иллюзіи ихъ исчезли, теперь всѣ увидѣли, что Муравьевъ не шутитъ [1]).

Черезъ два дня та же участь постигла и другого ксендза, Земацкаго.

Казнь двухъ ксендзовъ больше всего перепугала епископа Красинскаго. Устрашенный энергическими мѣрами Михаила Николаевича Муравьева, епископъ потерялъ голову и не зналъ, что дѣлать. Еще больше епископъ Красинскій перепугался, когда получилъ письмо отъ генералъ-губернатора, въ которомъ требовалось, чтобы онъ немедленно написалъ увѣщаніе къ народу и представилъ въ канцелярію для обнародованія. Вмѣсто отвѣта епископъ сказался больнымъ, а затѣмъ обратился къ генералъ-губернатору съ прошеніемъ объ отпускѣ на минеральныя воды въ Лифляндію для поправленія будтобы разстроеннаго здоровья. Тогда Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ порѣшилъ покончить съ нимъ: онъ положилъ удалить его изъ Вильны и отвезти въ одну изъ отдаленныхъ губерній Россіи.

Намѣреваясь сослать Красинскаго, какъ человѣка вреднаго, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ прежде всего приказалъ выдать ему отпускной билетъ.

Получивъ отпускъ, Красинскій чрезвычайно обрадовался и началъ разъѣзжать по городу, дѣлать прощальные визиты и въ то же время увѣщевать жителей не падать духомъ, а продолжать поддерживать крамолу. Но обо всемъ этомъ донесено было Михаилу

[1]) Разсказъ очевидца.

Николаевичу Муравьеву, и тотъ приказалъ Красинскому немедленно уѣзжать изъ Вильны.

На слѣдующій день епископъ Красинскій, въ сопровожденіи духовника, доктора и двухъ слугъ, явился на вокзалъ, окруженный огромною толпою католиковъ, собравшихся сюда провожать своего епископа. Епископъ сѣлъ въ одинъ изъ вагоновъ петербургскаго поѣзда и двинулся по направленію къ Динабургу, откуда намѣренъ былъ отправиться въ Лифляндію, на минеральныя воды. Но желаніе его не осуществилось: вмѣстѣ съ нимъ въ одинъ вагонъ сѣлъ и жандармскій офицеръ, снабженный открытымъ предписаніемъ и бумагами къ разнымъ губернаторамъ, и значительными средствами для пути.

До Динабурга никто не зналъ, что Красинскаго везутъ въ ссылку. Пріѣхавъ въ Динабургъ, Красинскій хотѣлъ выйти изъ вагона, чтобы пересѣсть на рижскую линію, но въ это время къ нему подошли мѣстный военный начальникъ (которому дано было знать по телеграфу) и жандармскій офицеръ, и заявили, что ему нужно ѣхать дальше, до Пскова. Это смутило Красинскаго и его свиту. Красинскій спросилъ, куда его везутъ, и получилъ отвѣтъ, что въ Псковѣ ему будетъ объявлено. Въ Псковѣ епископу объявлено было, что его везутъ въ Вятку. Это извѣстіе страшно поразило Красинскаго, онъ поблѣднѣлъ, зашатался и едва не упалъ въ обморокъ: съ нимъ сдѣлалось дурно. Но больше всѣхъ перепугался докторъ: этотъ, какъ маленькій ребенокъ зарыдалъ и сталъ просить, чтобы его отпустили въ Вильну, такъ какъ онъ рѣшительно ни въ чемъ невиновенъ. Его дѣйствительно отпустили, и онъ сейчасъ же повернулъ назадъ [1])

[1]) Красинскій находился въ Вяткѣ до 1884 года. Послѣ этого онъ былъ освобожденъ изъ ссылки и уѣхалъ въ Австрію, гдѣ живетъ на свободѣ до настоящаго времени.

Послѣ высылки въ Вятку епископа Красинскаго, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ велѣлъ предать суду самаго главнаго виновника польскаго возстанія въ Сѣверо-Западномъ краѣ Сигизмунда Сѣраковскаго.

Сигизмундъ Сѣраковскій, какъ мы видѣли, взятъ былъ въ плѣнъ еще при Назимовѣ, но по причинѣ болѣзни (онъ былъ раненъ), находился въ госпиталѣ до 10-го іюня. Но и теперь, когда предсѣдатель суда объявилъ Сѣраковскому, что онъ по распоряженію генералъ-губернатора предается полевому суду, началъ возражать, что онъ, Сѣраковскій, еще не поправился отъ болѣзни, слабъ, не можетъ отвѣчать на предложенные ему вопросы и не надѣется, чтобы въ настоящемъ положеніи могъ сказать правду, потому что всѣ представленія, какія теперь ему кажутся справедливыми, черезъ два часа онъ находитъ нелѣпыми. По этому случаю былъ приглашенъ медикъ Штакманъ, который, осмотрѣвъ Сѣраковскаго, заявилъ, что состояніе его здоровья настолько удовлетворительно, что онъ безъ затрудненія можетъ давать показанія. Сѣраковскій упорствовалъ. Онъ требовалъ, чтобы составлена была цѣлая комиссія изъ докторовъ для освидѣтельствованія его, и если она найдетъ его достаточно здоровымъ, чтобы давать показанія, то уже тогда онъ, Сѣраковскій, явится на судъ. Когда же ему замѣтили, что изъ теперешнихъ его объясненій вовсе не видно, чтобы онъ не могъ объясняться логично, Сѣраковскій сказалъ: „Нерѣдко предметы я вижу не въ настоящемъ положеніи, такъ что цвѣта, замѣченные прежде, мнѣ кажутся въ иномъ видѣ. Я нахожусь въ состояніи кошмара, стараюсь придти въ нормальное состояніе и боюсь, чтобы не потерять разсудка. Уже десять ночей не сплю и, если усну спокойно только три ночи, мои мысли возстановятся; тогда обѣщаю отвѣчать на

вопросы суда. Я и самъ желаю объяснить всѣ обстоятельства мнѣ извѣстныя, но боюсь, чтобы не сдѣлать неправильнаго показанія. Ужасаюсь всего болѣе того, чтобы не умереть въ госпиталѣ; хочу все открыть и умереть честно" [1]).

Изворотливость и уклончивость Сѣраковскаго отъ отвѣтовъ на вопросы имѣли цѣлію продлить время и отсрочить наказаніе, а то и отклонить его совсѣмъ. Можетъ быть онъ разсчитывалъ на что-нибудь другое...

12 іюня, въ среду, члены слѣдственной комиссіи въ послѣдній разъ прибыли къ Сѣраковскому для убѣжденія его откровенно высказать всѣ обстоятельства его участія въ мятежѣ; но Сѣраковскій и въ этотъ разъ уклонился отъ прямыхъ отвѣтовъ, сводя разговоръ на свою командировку въ Парижъ, на вниманіе къ нему Наполеона III и Гарибальди и вообще на близкія свои отношенія къ высшимъ лицамъ Европы, и высказалъ только то, что онъ не былъ бы въ шайкѣ, если бы не былъ убѣжденъ, что возстаніе будетъ единодушное. Ясно было что Сѣроковскій старался только даромъ протянуть время.

Судъ приговорилъ Сѣраковскаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе. О самой казни его разсказываютъ такъ:

15 іюня 1863 г. насталъ для Сѣраковскаго послѣдній день его жизни. Ксендзъ Юліанъ Сыруковичъ былъ назначенъ для христіанскаго приготовленія Сѣраковскаго къ переходу въ вѣчную жизнь и къ св. причастію.

Когда ксендзъ Сыруковичъ предложилъ Сѣраковскому исповѣдоваться и причаститься, то онъ началъ было просить ксендза отложить исповѣдь до другого дня по причинѣ своей неподготовленности къ ней. Но потомъ согласился; началъ мыться и одѣваться. Помо-

[1]) См. брошюру Цылова.

лясь Богу, Сѣраковскій приступилъ къ исповѣди, по окончаніи которой причастился св. тайнъ. Послѣ этого Сѣраковскій спросилъ стаканъ чаю, котораго выпилъ только половину. Между тѣмъ ксендзъ напомнилъ ему, что дни его уже сочтены, и совѣтовалъ ему не терять напрасно времени, а посвятить послѣднія минуты молитвѣ и раскаянію. Затѣмъ ксендзъ вышелъ въ корридоръ.

Командующимъ войсками при казни Сѣраковскаго былъ назначенъ командиръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка генералъ-маіоръ Шамшевъ. Когда Шамшевъ вошелъ къ Сѣраковскому, одѣтый при шарфѣ, послѣдній совершенно растерялся и сталъ просить 5 минутъ отсрочки, сказавъ при этомъ съ дикимъ взглядомъ, что онъ желаетъ писать стихи; но въ этомъ ему было отказано.

Одѣвшись, Сѣраковскій поклонился присутствующимъ, прося у нихъ прощенія. Выйдя на дворъ, онъ сѣлъ на извозчика съ ксендзомъ и госпитальнымъ служителемъ. Большая часть городского населенія, въ особенности женщинъ, спѣшила на мѣсто казни. Базарная площадь Лукишки и ближайшія возвышенности были покрыты народомъ. „Но, говоритъ очевидецъ, ни на одномъ лицѣ не видно было состраданія и даже раздавались въ толпѣ восклицанія: по дѣломъ вору и мука, или: а сколько онъ самъ погубилъ людей, такихъ нечего жалѣть. Словомъ, ни одна казнь не была принята съ такимъ равнодушіемъ, какъ казнь Сѣраковскаго“. Во все время движенія кортежа, Сѣраковскій полустоялъ на дрожкахъ, облокотясь одной рукой на ксендза, а другой на служителя. Взглядъ его былъ дикъ, лицо выражало неизъяснимый страхъ и въ то же время надежду, что, по прочтеніи приговора, казнь будетъ замѣнена ссылкою.

По прибытіи на мѣсто казни осужденнаго сняли съ дрожекъ, барабаны смолкли, и мертвая тишина водворилась на всемъ пространствѣ, занятомъ войскомъ и народомъ. Сѣраковскому начали читать конфирмацію. Онъ стоялъ, облокотясь всѣмъ корпусомъ на ксендза. Колѣни его дрожали; лицо покрыто было смертною блѣдностью, волосы растрепаны. Но вотъ послышалась заключительная фраза приговора: „казнить смертью— повѣшеньемъ“; для преступника угасъ послѣдній лучъ надежды. Сѣраковскій громко закричалъ, что онъ протестуетъ предъ лицомъ всей Россіи и Европы противъ этого приговора; но бой барабановъ заглушилъ этотъ запоздалый и ничтожный протестъ. Палачъ съ длинной рубашкой стоялъ уже передъ обреченнымъ на казнь, и онъ, почти принужденный ксендзомъ, упалъ на колѣни передъ распятіемъ. Вслѣдъ затѣмъ палачъ сдѣлалъ движеніе, чтобы поднять преступника для совершенія послѣдняго акта экзекуціи; но Сѣраковскій сталъ кричать, рваться, махать руками и отталкивать палача. Бой барабановъ заглушалъ его неистовый крикъ. Овладѣвъ скоро обезсиленнымъ въ борьбѣ Сѣраковскимъ, палачъ повлекъ его къ эшафоту; но осужденный и тутъ обнаружилъ судорожное сопротивленіе: онъ долго боролся съ палачомъ и упирался ногами въ ступени, пока петля не была надѣта на шею, и преступникъ въ саванѣ повисъ въ воздухѣ.

„Такъ кончилъ свою жизнь человѣкъ, говоритъ очевидецъ, уклонившійся съ пути чести, долга и присяги и унизившій себя гнусной измѣной и неблагодарностью къ облагодѣтельствовавшему его правительству при жизни и недостойною офицера трусостью передъ смертію [1]).

[1]) *Примѣчаніе.* О казни Сѣраковскаго мнѣ такъ разсказывалъ очевидецъ: „28 лѣтъ прошло съ того времени, какъ казнили Сѣраковскаго, но эта казнь такъ глубоко врѣзалась въ мою память,

Послѣ казни Сѣраковскаго Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ издалъ приказъ, чтобы всѣ помѣщики, проживающіе въ городахъ, немедленно отправились въ свои деревни и тамъ наблюдали за тѣмъ, чтобы въ ихъ усадьбахъ не формировались новыя шайки; кромѣ этого, они обязывались доносить и о старыхъ шайкахъ, сформированныхъ раньше, какъ только онѣ появятся поблизости; за неисполненіе этихъ распоряженій онъ пригрозилъ военнымъ судомъ и конфискаціею имуществъ. Эта новая мѣра противъ мятежниковъ принесла самые благопріятные плоды въ дѣлѣ усмиренія мятежа: помѣщики, опасаясь за свою жизнь и за свои имѣнія, дѣйствительно стали зорко слѣдить за мятежническими шайками, и въ случаѣ появленія какой-нибудь изъ нихъ въ чьемъ-либо имѣніи владѣлецъ послѣдняго немедленно доносилъ, кому слѣдуетъ, а нерѣдко и самъ, съ помощью крестьянъ, ловилъ и обезоруживалъ мятежниковъ, а потомъ представлялъ ихъ военному начальству. Поймавъ мятежниковъ, крестьяне нерѣдко сначала сами совершали надъ ними экзекуціи, а потомъ уже вручали ихъ начальству; больше всего

что она представляется мнѣ съ такою отчетливостію, будто дѣло было два часа тому назадъ. Я какъ теперь вижу Сѣраковскаго, какъ онъ страшно бился на эшафотѣ, какъ онъ неистово кричалъ и какъ бѣшено рвался изъ рукъ палача... Это была ужасная, потрясающая картина! Дай Богъ, чтобы никому не пришлось видѣть подобной картины!.. Вѣрите ли, что вся площадь, глядя на эту предсмертную борьбу Сѣраковскаго, оцѣпенѣла отъ страха, многіе попадали въ обморокъ; я самъ едва держался на ногахъ, хотя многое въ жизни видѣлъ, и нервы мои крѣпки. Эта казнь произвела удручающее впечатлѣніе на поляковъ и, какъ мнѣ извѣстно, многихъ изъ нихъ образумила. Но эта казнь обнаружила всю мелочность и пошлость натуры Сѣраковскаго, что сознаютъ и сами поляки. Если ты (сказалъ въ заключеніе о Сѣраковскомъ очевидецъ его казни) страдалъ за правду, за идею, какъ говорилъ суду, то и умирай какъ герой, а не какъ пошлый трусъ!"

доставалось тѣмъ изъ мятежниковъ, которые принадлежали къ панамъ-владѣльцамъ и имъ были знакомы. Очевидно, этими экзекуціями крестьяне хотѣли отомстить панамъ за тѣ мученія, какія они вытерпѣли, будучи у нихъ крѣпостными [1]).

Во второй мѣсяцъ своего пребыванія въ Вильнѣ М. Н. Муравьевъ занялся разсмотрѣніемъ просьбъ тѣхъ служащихъ лицъ польскаго происхожденія, которыя еще при Назимовѣ изъявили желаніе выйти въ отставку. Дѣло вотъ въ чемъ: въ началѣ мая 1863 г. большая часть мировыхъ посредниковъ и предводителей дворянства изъ поляковъ, а также и нѣкоторые чиновники, служившіе въ разныхъ вѣдомствахъ, подали просьбы объ увольненіи ихъ отъ службы. Въ этихъ просьбахъ было употреблено много дерзкихъ выраженій противъ русскаго правительства; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, между прочимъ, сказано было, будто правительство вооружаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и подготовляетъ галицкую рѣзню [2]), а потому они,—мировые посредники, предводители дворянства и чиновники,—находятъ неприличнымъ служить такому правительству, каково русское. Цѣлію подачи этихъ прошеній было, конечно, усиленіе смуты. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Гродненскій предводитель дворянства графъ Старжинскій.

Назимовъ былъ испуганъ этимъ общимъ заговоромъ чиновниковъ, оставлявшихъ службу; нѣкоторыхъ онъ

---

[1]) М. Н. Муравьевъ въ своихъ запискахъ, помѣщенныхъ въ Русской Старинѣ за 1882—3 годъ, сообщаетъ, что манифестъ 19 февраля 1861 года о прекращеніи крѣпостнаго права во многихъ мѣстахъ Сѣверо-Западнаго края не былъ введенъ въ дѣйствіе, вслѣдствіе чего тамъ крестьяне еще въ 1863 году отбывали барщину панамъ. Нашлись и такія мѣста, гдѣ паны превратно истолковали крестьянамъ положеніе 19 февраля.

[2]) О галицкой рѣзнѣ см. выше.

уговорилъ продолжать службу, а просьбы большей части чиновниковъ оставилъ безъ разрѣшенія. Но М. Н. Муравьевъ, разсмотрѣвъ эти просьбы и зная настоящую цѣль этой манифестаціи, отвѣтилъ на нее по своему: онъ немедленно отрѣшилъ отъ должностей всѣхъ подавшихъ прошенія, а тѣхъ изъ нихъ, которые употребили дерзкія выраженія въ своихъ просьбахъ или были замѣчены въ тайныхъ заговорахъ противъ правительства, приказалъ арестовать и предать военному суду. Судъ приговорилъ однихъ сослать въ Сибирь въ каторжныя работы, другихъ въ отдаленные города Россіи на поселеніе, а третьихъ— къ заключенію на болѣе или менѣе продолжительное время въ тюрьмы и крѣпости. Старжинскій, какъ главный виновникъ всего этого, приговоренъ былъ на пожизненныя каторжныя работы, но въ Петербургѣ ему смягчили наказаніе: заключили въ Бобруйскую крѣпость [1]).

Мѣры, принятыя противъ названныхъ лицъ, произвели всеобщій страхъ. Послѣ этого польскіе чиновники притихли, присмирѣли; мало того, многіе изъ нихъ сдѣлались даже очень преданными правительству и стали усердно помогать ему въ дѣлѣ усмиренія мятежа. Къ числу послѣднихъ можно отнести губернскаго предводителя дворянства Домейку. Вокругъ него образовался кружокъ лицъ, признавшихъ болѣе выгоднымъ устроить себя въ это мятежное время. Кружокъ этотъ, скоро возросшій до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, 27-го іюля написалъ и подалъ М. Н. Муравьеву вѣрноподданническій адресъ съ просьбою о помилованіи. За этимъ первымъ адресомъ послѣдовало и еще нѣсколько.

Въ то же время Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ мятежникамъ, призывая

---

[1]) См. Записки Муравьева.

ихъ смириться и просить помилованія. Мѣра эта дѣйствительно имѣла благотворный успѣхъ: мятежники сотнями стали являться изъ лѣсовъ съ повинною. Съ нихъ, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, брали очистительную присягу и затѣмъ водворяли на прежнихъ мѣстахъ жительства. Первая очистительная присяга, принесенная нѣсколькими шляхтичами и однимъ ксендзомъ въ Вильнѣ, въ костелѣ св. Яна, была обставлена особенною торжественностью: прелатъ Нѣмкевича совершилъ литургію, на которой присутствовали многіе высшіе гражданскіе чиновники; затѣмъ, по окончаніи богослуженія, раскаявшихся мятежниковъ заставили прочитать клятвенное обѣщаніе въ томъ, что они больше не будутъ принимать участія въ мятежѣ, и поцѣловать св. распятіе. Добровольно возвратившихся мятежниковъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ было свыше 3000 человѣкъ [1]).

Между тѣмъ о дѣйствіяхъ Михаила Николаевича Муравьева и его энергіи сдѣлалось извѣстнымъ всей Россіи. Эти извѣстія вызвали живѣйшую радость во всѣхъ слояхъ общества; посыпались адресы со всѣхъ концовъ Россіи. Первый благодарственный адресъ былъ присланъ знаменитымъ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ съ приложеніемъ иконы архистратига Михаила [2]).

Въ то же время о дѣятельности Михаила Николаевича Муравьева сдѣлалось извѣстнымъ и за границею. Но тамъ его дѣятельность представлена была въ страшно-искаженномъ видѣ: тамъ его очертили самыми

---

[1]) См. Русскую Старину 1883 г. мѣсяцъ январь.

[2]) По словамъ самого Михаила Николаевича Муравьева, адресъ митрополита Филарета былъ для него „небеснымъ даромъ," потому что онъ поддержалъ нравственныя силы Муравьева въ его борьбѣ съ крамолою.

мрачными красками, изобразили его какимъ-то чудовищемъ, человѣкомъ съ демоническою натурою, которая только и жаждетъ крови. По этому поводу изъ-за границы пріѣхало въ Вильну много иностранныхъ агентовъ, чтобы воочію убѣдиться въ справедливости сообщаемыхъ въ иностранной печати извѣстій о Муравьевѣ. Въ числѣ прибывшихъ, между прочимъ, особенно замѣчательны двое, прибывшіе изъ Англіи: Дей и О'Брейнъ.

Господинъ Дей—корреспондентъ англійскаго журнала „Daily News". Дей прибылъ въ Вильну въ іюлѣ и прожилъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ. Онъ явился въ Вильну инкогнито, и потому объ немъ никто не зналъ. О своемъ пребываніи въ Вильнѣ и о томъ, что онъ видѣлъ и что замѣтилъ, помѣстилъ цѣлый рядъ статей въ журналѣ „Daily News". Въ своихъ статьяхъ Дей подробно описалъ личность Муравьева; онъ представилъ его человѣкомъ великаго ума, честнымъ, справедливымъ, и всѣ принятыя имъ мѣры нашелъ въ высшей степени разумными и рѣшительно необходимыми. Черезъ годъ Дей опять пріѣзжалъ въ Вильну. Теперь онъ прямо явился къ Муравьеву и отрекомендовался писателемъ. Его приняли весьма ласково. Ему показано было все: всѣ тюрьмы, казематы, слѣдственныя дѣла. Послѣ этого Дей опять помѣстилъ въ англійскомъ журналѣ цѣлый рядъ статей о Муравьевѣ въ томъ же духѣ.

О'Брейнъ—членъ англійскаго парламента. Ему дано было отъ англійскаго правительства оффиціальное порученіе подробно изслѣдовать, что дѣлается въ Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ.

О'Брейнъ отличался высокимъ образованіемъ, отлично говорилъ по французски. Михаилъ Николаевичъ Му-

равьевъ весьма любезно принялъ его и нѣсколько разъ приглашалъ къ обѣду. Ему тоже, какъ и Дею, все было показано. Ему, по приказанію Михаила Николаевича Муравьева, открытъ былъ доступъ во всѣ тюрьмы [1]); онъ посѣтилъ слѣдственную комиссію и присутствовалъ при допросахъ.

---

[1]) Всѣ политическіе преступники въ то время находились въ такъ называемой францисканской тюрьмѣ. О'Брейнъ посѣтилъ и ее и долго бесѣдовалъ съ арестантами, знающими по-французски.

Примѣчаніе. Очевидецъ всѣхъ событій въ Вильнѣ при Муравьевѣ, сопровождавшій О'Брейна, между прочимъ такъ описываетъ францисканскую тюрьму и посѣщеніе ея: „Въ глубинѣ двора, говоритъ онъ, за костеломъ, нынѣ закрытымъ, находится это большое четырехугольное зданіе въ два этажа, составлявшее прежде жилище францискановъ. Вокругъ него идутъ по наружной стѣнѣ широкіе, чистые корридоры, а всѣ кельи, высокія и сухія, обращены окнами во внутренній дворъ, на которомъ устроенъ цвѣтникъ и посажено нѣсколько тополей. Въ цвѣтникѣ этомъ гуляло нѣсколько арестантовъ, между которыми мнѣ указали, говоритъ очевидецъ, богатаго помѣщика Александра Оскерку, оказавшагося впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Огрызки; уже сосланный въ Уфу, онъ былъ вытребованъ оттуда обратно и по приговору суда отправленъ впослѣдствіи на 20 лѣтъ въ каторжныя работы. Полковникъ Петръ Семеновичъ Лебедевъ (бывшій редакторъ „Русскаго Инвалида"), имѣвшій высшее наблюденіе за всѣми тюрьмами въ Вильнѣ, какъ бы угощалъ иностранца (О'Брейна) этою образцовою тюрьмою, берегъ для него еще одинъ сюрпризъ. Послѣ обзора нѣкоторыхъ арестантскихъ камеръ, мы были приведены въ комнату, гдѣ содержалась богатая Виленская помѣщица Матильда Бучинская, урожденная Гинтеръ. Высокая ростомъ, величественная, уже пожилая госпожа Бучинская приняла насъ весьма любезно, какъ великосвѣтская женщина принимаетъ въ своей гостиной. Она поразила насъ своимъ умомъ, познаніями и живостію. Въ какія-нибудь 10 минутъ рѣчь зашла даже и о Данте; она говорила, что вовсе не сѣтуетъ на арестъ и благодаритъ судьбу за это небольшое испытаніе, такъ какъ она до сихъ поръ не знала въ жизни превратностей и теперь только въ этомъ состояніи научилась понимать нѣкоторыя вещи и думать о томъ, на что прежде не обращала вниманія. У постели ея на стѣнѣ висѣлъ коверъ, на столикѣ предъ диваномъ стояли слѣды домашняго обѣда; на окнѣ, въ горшкѣ, подъ стекломъ, она ростила какую-то травку. Г-жа Бучинская содержалась не какъ подсудимая, но какъ подвергнутая административному взысканію за прежніе подвиги и руководительство въ демонстра-

О'Брейнъ пробылъ въ Вильнѣ тоже очень долго. По возвращеніи на родину онъ все описалъ и помѣстилъ въ журналѣ „Evening Star". Въ своихъ статьяхъ О'Брейнъ, какъ и Дей, восторженно хвалитъ Михаила Николаевича Муравьева.

Были еще и другіе пріѣзжіе иностранцы, менѣе важные; между ними былъ одинъ молодой человѣкъ изъ знатнаго рода: сынъ одного англійскаго лорда; онъ пріѣхалъ въ Вильну вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ изъ Норвегіи,—они путешествовали по Европѣ. Этотъ молодой человѣкъ тоже остался въ высшей степени доволенъ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ и его пріемомъ.

Между тѣмъ подача адресовъ все болѣе и болѣе усиливалась; между прочими поданы были адресы отъ ковенскаго дворянства минскаго и гродненскаго. Въ то же время духовенство католическое стало разсылать воззванія къ народу, призывая его прекратить волненія и успокоиться.

Подача адресовъ сильно встревожила революціонный жондъ какъ Варшавскій, во главѣ котораго въ это время стояли два человѣка—Маевскій Карлъ и Овейде Оскаръ, такъ и Литовскій, во главѣ котораго стоялъ Константинъ Калиновскій. Оба эти жонда порѣшили перебить всѣхъ тѣхъ лицъ въ Вильнѣ, которыя больше всего содѣйствовали подачѣ адресовъ. Таковыми лицами они прежде всего считали самого генералъ-губер-

---

ціяхъ всякаго рода; мѣсяца черезъ три она отправлена была въ Нижегородскую губернію. Вообще содержаніе въ францискавской тюрьмѣ считалось самымъ легкимъ по сравненію съ остальными тюрьмами. Прощаясь съ англичаниномъ,Бучинская сказала, смѣясь: „итакъ, передайте въ вашемъ отечествѣ, что вы видѣли въ Виленской тюрьмѣ женщину веселую и совершенно довольную своимъ положеніемъ." А мнѣ, заключаетъ очевидецъ, она выразила надежду увидѣться гдѣ—нибудь со временемъ при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ".

натора, а потомъ предводители дворянства Домейку; а потому и направили на нихъ свои удары. Для приведенія въ исполненіе своего замысла Варшавскій жондъ прислалъ своихъ убійцъ.

Но Михаила Николаевича Муравьева они не только не убили, но даже не ранили, такъ какъ кинжалисты не нашли удобнаго случая для исполненія своего порученія. Домейку же имъ удалось ранить въ его собственной квартирѣ. Подробности этого дѣла очевидецъ всѣхъ событій, случившихся при М. Н. Муравьевѣ въ Вильнѣ, передаетъ такъ:

„29 іюля, рано утромъ, по городу разнеслась вѣсть, что убили Домейку. Трудно было понять, что это значитъ, а потому я немедленно (говоритъ очевидецъ) отправился во дворецъ. Выходя изъ квартиры, я замѣтилъ необыкновенное движеніе. Нѣмецкая улица, которая постоянно полна грязными евреями, была занята полиціей и войскомъ; скакали верховые. Тутъ только я догадался, въ чемъ дѣло, и что покушеніе было на жизнь губернскаго предводителя дворянства Домейку. Скоро въ нашу канцелярію стали прибывать разныя лица съ мѣста дѣйствія, сообщая подробности. Оказалось, что дѣло было такъ: въ 8 часовъ утра, 29 іюля, неизвѣстный человѣкъ явился къ Домейкѣ подъ предлогомъ подачи прошенія. Слуга просилъ его подождать, пока доложитъ. Домейко только что всталъ съ постели и въ халатѣ вышелъ въ пріемную, куда велѣлъ впустить и пришедшаго. Слуга тѣмъ временемъ остался въ большой прихожей, подъ лѣстницей, гдѣ отворялъ окна. Услышавъ внезапный крикъ въ сосѣдней комнатѣ, онъ бросился туда и въ дверяхъ столкнулся съ убійцею, у котораго въ рукахъ былъ окровавленный кинжалъ. Слуга хотѣлъ было схватить его, но, получивъ нѣсколько ранъ, упалъ замертво, а убійца скрылся.

Между тѣмъ Домейко не только былъ живъ, но даже гораздо слабѣе раненъ, чѣмъ его слуга. Убійца хотѣлъ было пронзить его въ самое сердце, но онъ всякій разъ, когда убійца наносилъ ему удары, защищался локтемъ лѣвой руки, согнувъ ее въ видѣ щита. На рукѣ Домейки оказалось семь большихъ ранъ; но толстый фланелевый рукавъ предохранилъ его, приходъ же слуги заставилъ убійцу броситься назадъ, при чемъ, чтобы проложить себѣ путь къ отступленію, онъ ранилъ слугу. Вмѣсто прошенія Домейкѣ подано было два исписанныхъ по-польски листа; листы эти съ запекшеюся кровію были отосланы въ канцелярію генералъ-губернатора и тутъ съ нихъ сдѣланъ былъ переводъ. На первомъ было написано постановленіе верховнаго совѣта народнаго трибунала, который всѣмъ лицамъ, подписавшимъ адресъ къ государю, грозилъ военнымъ полевымъ судомъ, а Домейку, какъ одного изъ главныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ пользу подписки адреса, постановлено немедленно казнить смертію. Къ этому документу приложена была и синяя печать съ изображеніемъ соединенныхъ гербовъ Литвы и Польши, съ надписью вокругъ: „печать народнаго жонда, отдѣлъ литовскій.“ Другой листъ заключалъ приказъ исполнительнаго отдѣла Литвы за подписью начальника сего отдѣла, проживавшаго въ Вильнѣ (подпись неразборчива), въ коемъ предписывалось привести въ исполненіе приговоръ надъ гражданиномъ Домейкою. Немедленно была подана медицинская помощь Домейки и его слугѣ, который въ первое время мало подавалъ надежды на выздоровленіе. Къ дому Домейки приставленъ былъ караулъ отъ преображенскаго полка, а передъ домомъ разостлали солому. По всей Нѣмецкой улицѣ, во всѣхъ квартирахъ и на заднихъ дворахъ, былъ сдѣланъ частный обыскъ. Городъ былъ весь оцѣпленъ войсками; по всѣмъ направ-

леніямъ были отправлены разъѣзды и сообщены примѣты: средняго роста, рыжій, съ короткими волосами и одѣтъ въ сѣрое пальто. Въ городѣ было общее смущеніе: всѣ власти и служащіе, всѣ русскіе порядочные люди спѣшили заявить свое сочувствіе Домейкѣ и тѣснились до вечера въ его прихожей, узнавая о его положеніи и записывая на листахъ свои имена. Вечеромъ, послѣ 9 часовъ, вовсе было воспрещено выходить изъ домовъ, на площадяхъ были поставлены караулы, а на ночь былъ назначенъ повсемѣстный обыскъ. Обыскъ начался одновременно въ разныхъ частяхъ города, съ наступленіемъ 11 часовъ; по всѣмъ квартирамъ были размѣщены войска, такъ что на каждый домъ приходилось по нѣсколько рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ. Въ обыскѣ принимали участіе одни только гвардейцы; они исполнили эту обязанность отлично, безъ шума. По нѣсколько человѣкъ входило въ квартиру: требовали огня, осматривали всѣхъ наличныхъ жильцовъ, заглядывали подъ кровати, за печи, за шкапы, во всѣ чуланы и чердаки. Такъ какъ нельзя было отмѣтить квартиры, занятыя русскими, то ко многимъ и изъ нихъ заходили солдаты; офицеры за всѣмъ наблюдали. Обыска не избѣжали и мужскіе монастыри; но все было напрасно: взято было нѣсколько лицъ, схожихъ по примѣтамъ съ преступникомъ, но когда предъявили ихъ Домейкѣ и его слугѣ, то тѣ ихъ не признали.

Въ то время, продолжаетъ тотъ же очевидецъ, когда, казалось, не было никакой надежды открыть даже слѣды преступника, сдѣланы были двумя лицами весьма важныя открытія; оба эти лица принадлежали къ шайкѣ кинжальщиковъ. Первый былъ нѣкто Мирошниковъ, молодой человѣкъ, православный и русскій; отецъ его былъ отставной солдатъ, а мать полька, почему сынъ и воспитанъ былъ въ польскомъ духѣ; ку-

тила, сорвиголова, онъ былъ однажды арестованъ по какому-то подозрѣнію; въ то время, когда было покушеніе на жизнь Домейки, онъ гдѣ-то, подъ пьяную руку, проговорился. Арестованный въ кабакѣ вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, Мирошниковъ при допросѣ чистосердечно признался, что онъ принадлежитъ къ партіи кинжальщиковъ, какъ и его товарищъ (полякъ, пьяница и, кажется, сапожникъ по ремеслу). Всѣхъ кинжальщиковъ въ Литвѣ было болѣе 10; нѣкоторыхъ изъ нихъ Мирошниковъ зналъ лично, а потому сообщилъ ихъ имена и примѣты. Вслѣдствіе этихъ сообщеній правительствомъ было арестовано еще четверо кинжальщиковъ: двое Раевскихъ, Яблонскій и Саповичъ,—все люди молодые, ровно ничего не имѣющіе, подрядившіеся за небольшое вознагражденіе совершать политическія убійства по указанію революціоннаго жонда; въ случаѣ удачи имъ выдавалась еще особая награда. Такъ, впослѣдствіи оказалось, что убійцѣ Домейки было обѣщано 1000 рублей, хотя на самомъ дѣлѣ ему выдали только 700, полагая, что убійство уже совершилось; 300 руб. у него вычли за его содержаніе во время пребыванія среди мятежниковъ. Всѣ названные молодые люди были въ высшей степени жалки, даже сами наниматели смотрѣли на нихъ какъ на гнусныхъ убійцъ и при всякомъ удобномъ случаѣ старались удалять ихъ изъ своего сообщества. Всѣ они захвачены были врасплохъ, и хотя никто изъ нихъ не совершилъ убійства, но при всѣхъ оказались кинжалы. Всѣ они, за исключеніемъ Мирошникова, который за полное чистосердечное признаніе былъ избавленъ отъ смерти (его сослали въ каторгу), были казнены.

Между тѣмъ бдительность полиціи и розыски убійцы Домейки не ослабѣвали и скоро увѣнчались успѣхомъ.

6-го августа на Виленской станціи желѣзной дороги жандармскій офицеръ Сабинъ замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, прибывшихъ на вокзалъ слишкомъ за часъ до отхода поѣзда. Смущеніе этихъ молодыхъ людей при видѣ жандармскаго офицера заставило сего послѣдняго обратить на нихъ особое вниманіе. Они все спѣшили взять билеты и нѣсколько разъ подходили къ кассѣ, которая все еще не открывалась. Въ то время былъ уже учрежденъ по всей линіи желѣзной дороги осмотръ паспортовъ и багажа, а у лицъ подозрительныхъ осматривали вещи и въ дорожныхъ мѣшкахъ. Эти молодые люди предъявили заграничные паспорты и, получивъ контрамарки, потребовали себѣ билеты въ кассѣ на Варшаву. Требованіе билетовъ на Варшаву еще болѣе усилило подозрѣніе Сабина. Подойдя къ нимъ, онъ спросилъ, почему они ѣдутъ на Варшаву и, замѣтивъ ихъ смущеніе, немедленно велѣлъ арестовать ихъ, при чемъ одному изъ нихъ сдѣлалось дурно, и онъ упалъ въ обморокъ. Оба арестованные были представлены Домейкѣ и его слугѣ; въ одномъ изъ нихъ, который былъ побойчѣе и поупрямѣе, найдено было что-то общее съ преступникомъ, но черный цвѣтъ волосъ, гладко выбритое лицо и надѣтое имъ платье не имѣли ничего общаго съ убійцею. Но, спустя нѣсколько дней, на одномъ изъ арестованныхъ молодыхъ людей, именно на томъ, который былъ побойчѣе, замѣтили что-то странное: волосы его стали принимать сначала фіолетовый, а потомъ и рыжій цвѣтъ. Ему смыли голову и убѣдились въ томъ, что волосы его были подкрашены. Послѣ этого онъ снова былъ предъявленъ жертвамъ, и тѣ признали его за того человѣка, который ихъ ранилъ. На первыхъ порахъ онъ сталъ было запираться, а потомъ во всемъ сознался. Фамилія его была Банъковскій. Другой же молодой человѣкъ, арестованный на вокзалѣ

вмѣстѣ съ Баньковскимъ, былъ другъ и сообщникъ сего послѣдняго, по фамиліи Чаплинскій; онъ то и упалъ въ обморокъ при арестованіи на вокзалѣ.

Оба преступника были родомъ изъ Варшавы. Баньковскій, цырюльникъ по ремеслу, лѣтъ 20 отъ роду, еще въ Варшавѣ нанялся совершить убійство, откуда вмѣстѣ съ Чаплинскимъ и посланъ былъ тамошнимъ революціоннымъ комитетомъ въ распоряженіе Виленскаго исполнительнаго отдѣла. Въ Вильнѣ исполнительный отдѣлъ далъ ему еще другого помощника, нѣкоего Мирочевскаго (онъ тоже былъ арестованъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ; фамилію его открылъ Баньковскій).

Въ первые дни послѣ покушенія Баньковскій скрывался у разныхъ лицъ, переодѣвался нерѣдко въ женское платье; разъ какъ-то ночевалъ на кладбищѣ, разсчитывая, что черезъ нѣсколько дней, когда строгія мѣры наблюденія ослабнутъ, ему удастся выбраться изъ города.

Для разслѣдованія шайки кинжальщиковъ была учреждена особая слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ генерала Соболевскаго; членами ея назначены были разные гвардейцы и, между прочими, преображенскаго полка полковникъ Шелгуновъ. Комиссія эта помѣщалась въ зданіи упраздненнаго францисканскаго монастыря. Всѣ главные преступники, какъ и кинжальщики, доставлялись сюда, гдѣ надъ ними производился военный судъ.

Баньковскій и Чаплинскій, какъ виновники покушенія на жизнь Виленскаго предводителя дворянства Домейки и его слуги, приговорены были военнымъ полевымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе; казнь совершена была въ Вильнѣ, на Лукишской площади, при огромномъ стеченіи народа.

Благодаря необыкновенной энергіи М. Н. Муравьева къ концу августа мятежъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи видимо началъ ослабѣвать: большихъ бандъ уже не было, остались только мелкія, имѣвшія въ составѣ своемъ отъ 20 до 25 человѣкъ; но, несмотря на свою малочисленность, онѣ наносили много вреда обывателямъ, тѣмъ болѣе, что трудно было изловить ихъ. Скрываясь въ лѣсахъ и помѣщичьихъ мызахъ, эти мелкія шайки своими набѣгами на имѣнія русскихъ и поляковъ, обнаружившихъ преданность правительству, наводили страхъ на мирныхъ жителей.

Чтобы уничтожить эти шайки, М. Н. Муравьевъ прибѣгъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ: а) онъ велѣлъ уничтожить до тла тѣ помѣщичьи мызы и шляхетскія околицы, въ которыхъ произведены были этими мелкими шайками неистовства и допущено водвореніе жандармовъ-вѣшателей; б) приказалъ выслать въ Сибирь на поселеніе всѣхъ тѣхъ жителей селъ и деревень, которые уличены были въ сношеніяхъ съ этими мелкими мятежными шайками; в) уполномочилъ военныя команды немедленно и безъ суда предавать смертной казни тѣхъ, кто только попадется въ ихъ руки изъ этихъ мелкихъ шаекъ и г) распорядился облагать большими штрафами тѣ селенія, которыя расположены на разстояніи 10—15 верстъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ укрывается какая-нибудь мелкая мятежная шайка, о которой своевременно не было донесено, кому слѣдуетъ.

Эти послѣднія мѣры Муравьева противъ мятежниковъ принесли въ высшей степени благотворные результаты. Мѣры эти къ концу сентября окончательно сломили силу мятежниковъ и положили преграду ихъ неистовствамъ; они увидѣли, что правительство серьезно взялось за усмиреніе края, да и оказалось сильнѣе ихъ.

Въ это время, между прочимъ, были арестованы нѣкоторые изъ членовъ литовскаго народнаго жонда: Здановичъ, Дарминовскій и Титъ Далевскій.

Здановичъ, кандидатъ С.-Петербургскаго университета, сынъ бывшаго профессора Виленскаго университета. Какъ членъ жонда, онъ завѣдывалъ всею хозяйственною и денежною частью мятежа. При обыскѣ въ домѣ Здановичей, на заднемъ дворѣ, за сѣновалomъ, нашли комнату, выходившую единственнымъ окномъ на пустынный берегъ р. Вилейки. Въ этой комнатѣ найдены были разные бланки, печать, акты, революціонные приказы и т. п.

Дарминовскій, молодой человѣкъ изящной наружности, родомъ былъ изъ Познани. Въ Вильну прибылъ въ началѣ лѣта и тутъ получилъ отъ жонда должность губернатора Вильны.

Титъ Далевскій, виленскій дворянинъ, отличался необыкновенною энергіею; онъ былъ адъютантомъ Константина Калиновскаго и разсылалъ его приказанія.

Всѣ эти три лица были казнены; первыя два—въ декабрѣ, въ одинъ день, а послѣдній — въ началѣ января 1864 г.

Но, несмотря на всю строгость и тщательные розыски, самые главные руководители Литовско-Бѣлорусской смуты не были арестованы, именно: поручикъ Малаховскій, Дюлоранъ и Константинъ Калиновскій.

Малаховскій, узнавши объ арестованіи Здановича, Дарминовскаго и Далевскаго, страшно перепугался и немедленно бѣжалъ въ Петербургъ. Но когда сдѣлано было распоряженіе объ арестованіи Малаховскаго въ Петербургѣ, то онъ скрылся изъ своей квартиры, выбрилъ голову, надѣлъ парикъ и исчезъ куда-то.

Вслѣдъ за Малаховскимъ бѣжалъ изъ Вильны и другъ его Дюлоранъ. Этотъ бѣжалъ въ Варшаву.

Послѣ бѣгства Дюлорана въ Вильнѣ остался одинъ только диктаторъ Калиновскій. Этотъ замѣчательный человѣкъ, несмотря на свою типичную физіономію, извѣстную всѣмъ, даже сыскной полиціи, жилъ въ Вильнѣ совершенно открыто; онъ постоянно гулялъ въ саду, обѣдалъ въ ресторанахъ, и никто изъ административныхъ лицъ не замѣчалъ его. Если бы онъ захотѣлъ бѣжать изъ Вильны и скрыться, то могъ бы сдѣлать это по крайней мѣрѣ разъ двадцать. Всѣ поляки, знавшіе его, говорили ему, чтобы онъ бѣжалъ, но онъ почему-то этого не сдѣлалъ. Въ Вильнѣ онъ жилъ по подложному паспорту и назывался „Витольдъ Витоженцъ".

Арестованіе Константина Калиновскаго совершилось только въ началѣ января и то благодаря указанію одного изъ его друзей. Именно:

Въ началѣ ноября Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ распорядился отправить въ Минскую губернію для производства слѣдствія надъ нѣкоторыми арестованными мятежниками полковника Лосева. Въ началѣ января въ руки Лосева, между прочимъ, попался одинъ молодой человѣкъ (полякъ и католикъ), посвященный во всѣ тайны польской справы и хорошо знакомый съ Калиновскимъ и даже состоящій съ нимъ въ перепискѣ. Полковникъ Лосевъ рѣшился воспользоваться свѣдѣніями этого молодого человѣка: онъ пригласилъ его къ себѣ, обласкалъ и обѣщалъ исходатайствовать ему полное прощеніе, если онъ раскроетъ всѣ нити мятежа и укажетъ главныхъ дѣятелей его. Тотъ согласился и открылъ все; между прочимъ онъ сообщилъ и о мѣстопребываніи Калиновскаго. О послѣднемъ обстоятельствѣ полковникъ немедленно далъ знать по телеграфу Михаилу Николаевичу Муравьеву. „Депеша", говоритъ очевидецъ всѣхъ событій въ Вильнѣ при графѣ Му-

равьевѣ, „пришла въ 9 часовъ вечера; въ ней были описаны примѣты Калиновскаго и при этомъ сказано, что Калиновскій съ фальшивымъ паспортомъ проживаетъ въ свенто-янскихъ мурахъ“. Это послѣднее обстоятельство было нѣсколько темно, такъ какъ подъ свенто-янскими мурами подразумѣвались всѣ зданія, принадлежавшія нѣкогда костелу св. Яна, занимающія почти цѣлый кварталъ и выходящія одной стороной къ дворцу; тутъ, между прочимъ, находились: гимназія, музей древностей, центральный архивъ, обсерваторія и множество квартиръ для служащихъ и даже частныя квартиры. Содержаніе телеграммы сохранено было въ глубокой тайнѣ. Полиціймейстеру было поручено лично справиться въ книгѣ о точномъ адресѣ Витоженца и, какъ всегда бываетъ при этомъ, имя его было пропущено. Пришлось оцѣпить войскомъ всѣ свенто-янскія зданія и сдѣлать обыскъ. Обыскъ произведенъ былъ въ 11 часовъ ночи и увѣнчался успѣхомъ.

Калиновскій уже другой мѣсяцъ нанималъ себѣ комнату въ квартирѣ одного учителя гимназіи, уѣхавшаго куда-то въ отпускъ. Калиновскаго застали на площадкѣ лѣстницы со свѣчею въ рукѣ, и когда спросили его фамилію, онъ самоувѣренно отвѣтилъ: „Витоженцъ“; въ ту же минуту онъ былъ арестованъ. Это было 7 января 1864 года. [illegible] ній же день мнимый Витоженцъ открылъ свое настоящее имя.

Два мѣсяца сидѣлъ въ тюрьмѣ Калиновскій; слѣдственная комиссія нѣсколько разъ призывала его къ допросу, но онъ никого и ничего не открылъ.

Казнь совершена была надъ Калиновскимъ 10 марта на Лукишской площади. „Было ясное и холодное утро, говоритъ очевидецъ; Калиновскій шелъ на казнь смѣло; придя на площадь, онъ сталъ прямо лицомъ къ висѣлицѣ и лишь по временамъ кидалъ взоры въ волную-

щуюся толпу". Когда ему читали конфирмацію, онъ сталъ было дѣлать замѣчанія; такъ напр., когда назвали его имя: дворянинъ Константинъ Калиновскій, онъ воскликнулъ: „у насъ нѣтъ дворянъ, всѣ равны!" Полиціймейстеръ покачалъ ему головой и просилъ его замолчать. Послѣ этого Калиновскій былъ казненъ [1]).

Почти въ одно время съ казнію членовъ народнаго литовскаго жонда былъ пойманъ самый отважный и самый энергичный довудца, ксендзъ Мацкевичъ.

Мацкевичъ былъ молодой ксендзъ. Состоя на приходѣ, онъ любилъ покутить и поиграть въ карты и потому сдѣлалъ большіе долги [2]). Онъ обладалъ замѣчательнымъ умѣньемъ вести партизанскую войну. Пошелъ въ мятежъ въ началѣ 1863 года. Въ маѣ онъ собралъ огромную шайку и все лѣто бушевалъ въ Ковенской губерніи. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ разбитъ на голову однимъ изъ русскихъ отрядовъ. Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ Дартузи и кассиромъ Родовичемъ, тѣснимый русскими конными разъѣздами, долго скитался по лѣсамъ Ковенской губерніи и прятался въ пещерахъ.

Въ началѣ декабря Мацкевичъ съ своими сообщниками порѣшилъ было пробраться къ Нѣману, перейти его и укрыться въ Пруссіи. Чтобы удобнѣе это сдѣлать или, лучше сказать, чтобы не попасться въ руки конныхъ русскихъ отрядовъ, они разбились поодиночкѣ, и каждый изъ нихъ избралъ себѣ особую тропу. Между тѣмъ ксендзъ Мацкевичъ, пробираясь къ Нѣману черезъ горы, овраги и крутизны, страшно

---

[1]) Молодой человѣкъ (имя его скрыто), указавшій мѣстопребываніе Калиновскаго, былъ помилованъ и по личному желанію отправленъ во внутреннія русскія губерніи.

[2]) Послѣднее обстоятельство, какъ мнѣ передавалъ близкій родственникъ кс. Мацкевича, было причиною, что онъ пошелъ въ мятежъ: ему не оставалось другого исхода.

изнурился и въ густой чащѣ лѣса прилегъ подъ вывернутымъ деревомъ отдохнуть; но тутъ его нашелъ штабсъ-капитанъ Озеровскій, производившій обыскъ въ лѣсу. Озеровскій со своимъ отрядомъ прошелъ было мимо Мацкевича, скрывавшагося подъ деревомъ, но шедшій позади его унтеръ-офицеръ указалъ ему подъ деревомъ на что-то сѣрое. Офицеръ бросился туда съ обнаженною саблею. Оказалось, что тамъ лежалъ человѣкъ; подскочили солдаты и моментально скрутили его по рукамъ и ногамъ, затѣмъ начали безпощадно наносить ему удары. „Не бейте меня!“ крикнулъ неизвѣстный. „я ксендзъ Мацкевичъ“. Но это не помогло: удары усилились, пока солдатъ не остановилъ Озеровскій [1]). Мацкевичъ доставленъ былъ въ Ковну.

---

[1]) *Примѣчаніе I.* Нужно замѣтить, что у солдатъ было страшное озлобленіе противъ мятежниковъ. Каждый разъ, при арестованіи кого нибудь изъ повстанцевъ, со стороны офицеровъ требовались большія усилія, чтобы остановить солдатъ и не дать имъ растерзать повстанца. Замѣчательно еще то, что самою большою жестокостію къ мятежникамъ отличались солдаты католики и поляки. Одинъ солдатъ, полякъ и католикъ, участвовавшій въ усмиреніи мятежа, однажды говорилъ мнѣ:

— Эхъ, баринъ! то-то я пожилъ во время усмиренія мятежниковъ въ Польшѣ и поколотилъ же этихъ пановъ, будутъ помнить.

— За что? спросилъ я, вѣдь, ты же самъ полякъ и католикъ.

— Вѣрно, отвѣтилъ онъ: я дѣйствительно полякъ и католикъ, но не панъ и не шляхтичъ. Когда мы были крѣпостными, они—разбойники—сгубили моего отца и мою мать. Если бы, заключилъ онъ, опять пасталъ мятежъ, то я выпросилъ бы у генералъ-губернатора разрѣшеніе поступить въ войско и опять началъ бы лупить пановъ.

Примѣчаніе II. О поимкѣ ксендза Мацкевича Озеровскій написалъ статью и помѣстилъ ее въ Виленскомъ Вѣстникѣ. Мы приводимъ эту статью цѣликомъ.

„5-го декабря по правому берегу Нѣмана, по направленію изъ Вильны къ Юрбургу, проходилъ, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ, транспортъ съ полушубками. На шестой верстѣ отъ ночлега одинъ стрѣлокъ, набивши въ трубку табаку, спросилъ у товарищей огня. Огня не оказалось, а курить хочется. Дѣло солдатское. Рядомъ стоявшая дрянная, крошечная хата, не смотря на свое

Въ Вильну дано было знать объ этомъ по телеграфу, и оттуда послѣдовалъ приказъ: судить его въ 48 час.

Сидя въ тюрьмѣ, Мацкевичъ писалъ письма военному начальнику, губернатору и начальнику края. Въ нихъ онъ умолялъ о помилованіи, обѣщаясь быть человѣкомъ полезнымъ.

убожество, привѣтливо манила курильщика къ себѣ, какъ бы предлагая ему свою посильную услугу. Какъ удержаться отъ столь невиннаго искушенія, тѣмъ болѣе, что пять-шесть шаговъ въ сторону ничего не значатъ?... И солдатъ, нимало не думая, пронося винтовку впередъ, нырнулся уже подъ низкою притолкою деревенской избы. При входѣ его, находившіяся тамъ личности крайне смутились: недоумѣніе, испугъ—съ перваго взгляда обнаружили ясно, что они не у себя дома. Одинъ только изъ нихъ, по виду хозяинъ, съ бородою, дремавшій въ углу, облокотясь на руку, остался совершенно спокоенъ при входѣ солдата и только, какъ бы недовольный пробужденіемъ, еще крѣпче оперся на руку и, потянувшись немножко, легонько захрапѣлъ, свѣся голову. Стрѣлокъ, смекнувшій въ чемъ дѣло, кликнулъ своего товарища и вмѣстѣ съ нимъ приступилъ къ обычнымъ разспросамъ незнакомцевъ: кто они, откуда, почему и т. д. Отвѣта не было, но панскія лица, длинные волосы, высокіе сапоги, спрятанное что-то за поясомъ подъ одеждою—наглядными образомъ указывали на ремесло незнакомцевъ и подстрекали еще болѣе солдатское любопытство. Во время этихъ разспросовъ погрузившійся было въ сонъ бородачъ, видя, что дѣло разгарается не на шутку, подошелъ съ видомъ совершеннаго равнодушія къ спорившимъ, сдѣлалъ незамѣтно шагъ къ дверямъ и выскользнулъ въ темныя сѣни, а тамъ и поминай, какъ звали... Когда дѣло объяснилось, то оказалось, что неизвѣстныя лица были не кто иные, какъ мятежники; унтеръ-офицеръ, находившійся со стрѣлками при транспортѣ, послалъ отобранное у нихъ оружіе къ начальнику отряда съ извѣстіемъ, что мятежники въ ихъ рукахъ, и что старшій изъ нихъ скрылся. Начальникъ отряда, получивши такое донесеніе, быстро распорядился сборомъ людей и отправилъ ихъ въ сотый, -можетъ быть, разъ на поиски. Я получилъ также приказаніе -выступить черезъ часъ къ Дубиссѣ и почевать въ Ормянишкахъ. Сознаюсь чистосердечно, что, возвратившись наканунѣ вечеромъ изъ экспедиціи и не имѣя времени отдать въ починку сапогъ, -я сильно пригорюнился, ничего не подозрѣвая касательно впереди ожидавшаго меня счастія. Дѣлать было нечего, пришлось занять сапоги у товарища и отправиться. Изъ разспросовъ оказалось, что ищутъ скрывшагося предводителя. Не стану описывать безуспѣшныхъ поисковъ моихъ товарищей; скрывшаяся

Наканунѣ казни въ тюрьму къ Мацкевичу допущенъ былъ отецъ-старикъ, простой крестьянинъ однодворецъ. Когда старикъ, войдя въ тюрьму, бросился къ сыну на шею и, обливаясь слезами, сталъ укорять его въ томъ, что онъ погубилъ и себя, и его, отца своего, увлекшись совѣтами неразумныхъ мятежниковъ, то ксендзъ Мацкевичъ оттолкнулъ отца и съ пафосомъ произнесъ:

борода, какъ оказалось впослѣдствіи, отправила нарочно въ сторону двухъ своихъ проводниковъ, чтобы сбить съ толку преслѣдующихъ ее погоньщиковъ, а сама отъ самой избушки пошла ссбѣ совершенно въ другую сторону.

Отправившись съ 30 гренадерами на поиски въ уголъ между Дубиссою и Нѣманомъ, я, согласно предписанію, хотѣлъ было подниматься на одну гору; но тутъ какое-то тайное предчувствіе и желаніе своимъ глазомъ осмотрѣть первоначальную мѣстность дѣйствія заставили меня направить путь на знаменитую избушку.

Оглядѣлъ я ее кругомъ: все было темно и сыро, одна только узкая тропинка вилась въ гору, да по рытвинѣ, при подошвѣ горы, гдѣ бѣжитъ ручей, кой-гдѣ виднѣлись чьи-то слѣды, которые по формѣ каблука съ подковою и изгибу ступни представляли мнѣ, какъ заинтересованному наблюдателю, довольно любопытный предметъ для изслѣдованія. Открылось ясно, что по тому мѣсту, гдѣ только бѣжитъ вода, кто-то недавно пробирался. Съ Богомъ, братцы, по этому слѣду! сказалъ я своимъ спутникамъ и сталъ взбираться на гору. Взобрался. Осмотрѣвшись кругомъ, я замѣтилъ, что слѣдъ поднимался на крутизну, словно на печку: такъ подъемъ былъ отвѣсистъ. Приказавъ командѣ слѣдовать за собою, я покарабкался впередъ. Слѣдъ путался страшно: то двоился, то пропадалъ; выйдя отъ Нѣмана, онъ вернулся опять къ нему обратно; вился змѣею въ разныя стороны и вдругъ снова пропадалъ совершенно. Видно, что шедшій на утекъ былъ знатокъ своего дѣла. На бѣду попался намъ свѣжій слѣдъ кованой лошади, который, дойдя до обвала, повернулъ круто въ сторону. Оказалось, по догадкамъ, что это былъ слѣдъ лошади казака, который, пожалѣвши, вѣроятно, мучить по такой трущобѣ своего коня, вернулся назадъ къ своему отряду. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, знакомый намъ прежній пѣшій слѣдъ отыскался ниже, въ обрывѣ. Такое открытіе хотя и удвоило наши усилія, но гористая и съ трудомъ проходимая мѣстность не слишкомъ приманчиво глядѣла на насъ. Дѣлать было нечего, служба прежде всего... Впередъ, ребятушки! закричалъ я своимъ. И вотъ съ

„Старикъ! ты знаешь ниву и посѣвы на ней; ты знаешь мирный плугъ, коимъ рыхлится земля; но тебѣ не данъ мечъ духовный, врученный мнѣ главою костела для защиты его всѣми и всяческими средствами".

Мацкевичъ казненъ 8-го декабря. Онъ шелъ смѣло на казнь.

Приближался конецъ 1863 г. Край былъ совершенно усмиренъ и по немъ безопасно могъ ѣздить всякій, о чемъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и донесъ въ Петербургъ государю, прося его при этомъ объ увольненіи отъ управленія краемъ вслѣдствіе совершеннаго разстройства здоровья. На свое донесеніе Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ удостоился получить высочайшій рескриптъ, въ которомъ государь благодарилъ Михаила Николаевича за усмиреніе мятежа и при

полчаса времени, то карабкаясь вверхъ по обледенѣлой мѣстности, то спускаясь въ овраги, мы преслѣдовали неотступно появлявшійся и снова исчезавшій слѣдъ. Одно только и было утѣшеніе при неизвѣстности исхода поисковъ: намъ тяжело, но и врагу не легче; а что это былъ врагъ, ясно говорило о томъ наше предчувствіе, вслѣдствіе искусной запутанности слѣда. Все идемъ впередъ, иногда и свалишься, а все-таки наблюдаешь знакомый каблукъ съ подковою. Вдругъ находившійся при мнѣ слѣва гренадеръ Никоновъ остановился и протянулъ палецъ. Гляжу, ничего не вижу, но полъоборота направо, шагахъ въ пяти отъ насъ, подъ зеленымъ навѣсомъ, запорошенной снѣгомъ ели лежало что-то сѣрое. Въ одинъ мигъ исполинскій скачокъ и я очутился верхомъ на какомъ-то человѣкѣ. „Ваше благородіе, держите за револьверъ, онъ подъ вами!" кричали подбѣгавшіе солдаты и вслѣдъ за тѣмъ кто вцѣпился въ волосы, кто за ноги, растянули лежавшаго человѣка и наконецъ обезоружили. Отобранный револьверъ, часы, табакерка, платокъ, портсигаръ съ огнивомъ и цѣлую канцелярію, найденную въ карманѣ, солдаты передали мнѣ. „Кто ты такой? Поднимайся-ка, панъ"! сказалъ я лежащему, а самъ крѣпко держу его руками и громко опрашивая: „говори, мятежникъ, гдѣ шайка?" Наконецъ эта блѣдная, худая, съ окладистой бородой личность довольно спокойнымъ, при подобномъ положеніи, голосомъ отозвалась: „Не трогайте меня, господа"... и, вздохнувъ, прибавилъ: я... я... ксендзъ Мацкевичъ".

этомъ просилъ его остаться еще на нѣкоторое время генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края. Исполняя волю государя императора, Михаилъ Николаевичъ остался. Съ этого времени онъ занялся внутреннимъ устройствомъ Сѣверо-Западнаго края въ смыслѣ упроченія въ немъ православно-русскихъ началъ.

Такимъ образомъ съ конца 1863 года или, лучше сказать, съ декабря мѣсяца 1863 г. въ Сѣверо-Западномъ краѣ начинается совершенно новый періодъ управленія Михаила Николаевича, періодъ внутренняго, спокойнаго преобразованія края.

Приступая къ внутреннему переустройству Сѣверо-Западнаго края, Михаилъ Николаевичъ прежде всего обратилъ вниманіе на присутственныя мѣста, именно на составъ служащихъ. Такъ какъ въ это время всѣ присутственныя мѣста сплошь наполнены были поляками, то Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ немедленно приказалъ большинству ихъ подать прошенія объ отставкѣ и въ то же время вызвалъ изъ внутренней Россіи множество опытныхъ чиновниковъ и вручилъ имъ разныя должности.

Затѣмъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ занялся обезпеченіемъ крестьянъ (вообще сельскимъ населеніемъ). Для этой цѣли Михаилъ Николаевичъ пригласилъ въ Вильну нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и другихъ дѣятелей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ положеніемъ крестьянъ въ этомъ краѣ и отношеніемъ ихъ къ панамъ. Образовалъ особую повѣрочную комиссію, предоставивъ ей право передѣлать такъ называемыя уставныя грамоты, которыя польскими помѣщиками были страшно измѣнены. Послѣднее распоряженіе Михаила Николаевича Муравьева такъ благодѣтельно подѣйствовало на крестьянъ, что они тысячами стали

присылать ему благодарственные адресы съ выраженіемъ въ нихъ безграничной преданности и любви къ государю императору. Во многихъ мѣстахъ народъ католическаго исповѣданія въ знакъ глубокой благодарности къ генералъ-губернатору сталъ строить православныя часовни во имя св. Александра Невскаго [1]).

Мѣры, направленныя противъ польскихъ пановъ относительно передѣлки уставныхъ грамотъ, сильно подѣйствовали на нихъ: многіе изъ нихъ пріуныли и упали духомъ; но, по словамъ Михаила Николаевича Муравьева, между ними нашлись и такіе, которые, будучи недовольны передѣлкою уставныхъ грамотъ, стали сноситься съ бродячими лѣсными мятежниками и вмѣстѣ съ ними составлять новыя банды. Тогда Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, чтобы предупредить дальнѣйшее развитіе этихъ вновь возникшихъ бандъ, приказалъ сдѣлать просѣки въ лѣсахъ; въ уѣздахъ разставилъ жандармскія команды человѣкъ въ 30, 40 и 50 и въ то же время сформировалъ сильныя стражи, доходившія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 1000 человѣкъ, и въ заключеніе обложилъ всѣхъ польскихъ помѣщиковъ 10% сборомъ отъ получаемыхъ ими доходовъ въ пользу казны.

Послѣ этого Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ обратилъ вниманіе на состояніе православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Прежде всего онъ улучшилъ матеріальное состояніе лицъ православнаго духовенства, какъ главныхъ проводниковъ русскихъ началъ среди польско-католическаго населенія: для этой цѣли онъ исходатайствовалъ у правительства на содержаніе духовенства ежегодной прибавки къ жалованью 400 т. р. Кромѣ того, надѣлилъ ихъ достаточнымъ количествомъ

[1]) См. „Русскую Старину“, т. 36-й, стр. 409 и 427, т. 37-й, стр. 139 или же Вѣстникъ Западной Россіи за 1863 и 1864 гг.

земли и приказалъ выстроить для духовныхъ лицъ казенныя помѣщенія. Православное духовенство ободрилось, вздохнуло свободнѣе и крѣпче взялось за дѣло своего служенія. Православные священники, бывшіе до Михаила Николаевича Муравьева въ угнетеніи и почти рабскомъ порабощеніи у польскихъ пановъ, теперь стали сами пренебрегать своими прежними властителями.

Затѣмъ, для поднятія православія, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ исходатайствовалъ у правительства огромную сумму денегъ какъ на постройку новыхъ православныхъ церквей въ Сѣверо-Западномъ краѣ, такъ и на приведеніе въ болѣе приличный видъ старыхъ. Въ одной Вильнѣ Михаилъ Николаевичъ поправилъ и возобновилъ четыре православные храма, именно:

I. Николаевскій каѳедральный соборъ. Виленскій православный каѳедральный соборъ передѣланъ въ 1839 году изъ костела св. Казимира. До Михаила Николаевича Виленскій православный соборъ, вслѣдствіе скудости средствъ, не имѣлъ того величія и изящной отдѣлки, какія онъ теперь имѣетъ. Поэтому въ 1864 г. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ исходатайствовалъ 30 т. р. для приведенія его въ надлежащій видъ. На эти деньги, а) устроенъ прекрасный иконостасъ, б) сдѣланъ мозаичный полъ, в) стѣны украшены лѣпными орнаментами и г) по стѣнамъ развѣшены дорогія картины священныхъ изображеній. Самый наружный видъ собора измѣненъ и передѣланъ.

II. Пречистенскій соборъ. Это одинъ изъ древнѣйшихъ православныхъ храмовъ въ Вильнѣ. Интересна судьба его. Храмъ этотъ построенъ Ольгердомъ въ 1346 году [1]). Храмъ строили зодчіе изъ Кіева. Въ

[1]) Ольгердъ, сынъ Гедимина, былъ православный. См. мою исторію Литовскаго государства, стр. 169.

1348 г. святитель Алексій, бывшій тогда еще въ санѣ Владимірскаго епископа, по приглашенію Ольгерда, прибылъ въ Вильну и освятилъ его. При великомъ литовскомъ князѣ Витовтѣ, когда русская митрополія раздѣлилась на двѣ части—восточную (Московскую) и западную (Литовскую)—храмъ этотъ сдѣлался каѳедральнымъ для всей литовской православной церкви. Первый православный митрополитъ, возсѣвшій на его каѳедру, былъ Григорій Цимвлакъ. Съ этого времени храмъ Пресвятыя Богородицы или Пречистенскій сталъ называться соборнымъ или митрополичьимъ. Въ 1506 г. въ немъ разрушился куполъ. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого князь Константинъ Ивановичъ Острожскій снова отстроилъ его. Въ 1522 году здѣсь совершилъ богослуженіе со многими другими епископами Константинопольскій патріархъ Іеремія. Послѣ Брестской церковной уніи Ипатій Поцѣй, второй уніатскій митрополитъ, въ день свв. ап. Петра и Павла, въ 1609 году, въ этомъ соборѣ провозгласилъ унію, и въ первый разъ храмъ этотъ огласился именемъ папы. Въ 1784 году храмъ этотъ подвергся пожару, и въ немъ прекратилось богослуженіе; но 37 лѣтъ спустя, послѣ обновленія, въ немъ опять началось богослуженіе (уніатское) и продолжалось до 1800 года. Въ этомъ году оно опять прекратилось, и самый храмъ, по ходатайству польскаго магната Адама Чарторыйскаго, обращенъ былъ въ анатомическій театръ, а потомъ—въ жидовскую кузницу.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, сдѣлавшись начальникомъ края, прежде всего обратилъ свое вниманіе на эту древнюю православную святыню. Онъ положилъ воздвигнуть ее изъ развалинъ и при этомъ дать ей такое великолѣпіе, которое представляло бы эту древнюю православную русскую святыню самымъ величественнымъ храмомъ во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. При-

ступая къ выполненію своего плана, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ въ 1864 г. испросилъ высочайшее разрѣшеніе на открытіе повсемѣстной подписки въ Россіи и въ этомъ же году обратился ко всѣмъ губернаторамъ имперіи съ просьбою посодѣйствовать возстановленію этой древней православной святыни. Пожертвованій была масса; постройка началась быстро; но Михаилу Николаевичу не суждено было видѣть окончанія дѣла рукъ своихъ: храмъ оконченъ черезъ годъ послѣ его смерти, именно въ 1867 году. И въ настоящее время этотъ храмъ дѣйствительно есть самый величественный во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ.

III. Пятницкая церковь. Эта церковь тоже одна изъ древнѣйшихъ православныхъ святынь въ г. Вильнѣ. Она построена годомъ раньше Пречистенскаго собора, именно въ 1345 году. Церковь эта построена была по распоряженію первой супруги Ольгерда, Маріи Ярославовны, княжны Витебской. Въ началѣ прошлаго столѣтія Пятницкая церковь была цѣла, въ ней отправлялось богослуженіе. Въ 1705 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ, императоръ Петръ I, будучи въ Вильнѣ, часто посѣщалъ эту церковь и слушалъ въ ней богослуженіе. Тутъ онъ крестилъ своего, извѣстнаго всѣмъ, Аннибала, дѣда Пушкина. Въ 1742 году Пятницкая церковь истреблена была пожаромъ; остались однѣ только стѣны. Въ такомъ видѣ она находилась до вступленія въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ Михаила Николаевича Муравьева. Въ 1864 году, по усмиреніи мятежа, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ возобновилъ и эту православно-русскую святыню.

IV. Николаевская церковь. Это самая древнѣйшая православно-русская святыня въ Вильнѣ. Время основанія этой церкви въ точности неизвѣстно. Извѣстно только то, что она при Гедиминѣ (умеръ въ 1341 г.)

уже существовала. Въ началѣ XVII столѣтія церковь св. Николая была отнята у православныхъ и отдана уніатамъ [1]). Съ этихъ поръ она стала все болѣе и болѣе приходить въ упадокъ и наконецъ совершенно разрушилась. Въ 1839 году, когда уніаты снова возвратились въ лоно православной церкви, церковь св. Николая была возобновлена; но вслѣдствіе скудости средствъ представляла изъ себя убогій храмъ. Но вотъ пріѣхалъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, онъ немедленно распорядился очистить ее внутри и снаружи и привести въ благолѣпный видъ. Теперь и эта церковь представляетъ по своему изяществу и архитектурѣ прекраснѣйшій храмъ въ Вильнѣ.

Кромѣ возстановленія четырехъ вышеупомянутыхъ православныхъ храмовъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ поправилъ и привелъ въ надлежащій видъ еще и другіе православные храмы въ Вильнѣ и основалъ женскій монастырь.

Въ другихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края, а также въ селахъ и деревняхъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ тоже много воздвигнулъ новыхъ церквей и массу старыхъ ремонтировалъ. Для этой цѣли онъ, какъ только пріѣхалъ въ Вильну, немедленно основалъ губернскій церковно-строительный комитетъ. Въ уѣздахъ для той же цѣли устроилъ церковные совѣты изъ лицъ духовнаго званія, мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ, чиновниковъ и православныхъ помѣщиковъ. Совѣты эти подчинялись губернскому церковно-строительному комитету. Постройка же сельскихъ церквей по большей части возлагалась на сельское населеніе подъ наблюденіемъ священниковъ. Всѣми же

---

[1]) Въ началѣ XVII ст. въ Вильнѣ было 20 православныхъ церквей, но когда была введена унія, то польское правительство

вообще работами завѣдывалъ академикъ Рязановъ и его помощникъ, губернскій архитекторъ Чагинъ, при чемъ самъ начальникъ края принималъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ: онъ очень любилъ заниматься съ названными лицами составленіемъ проектовъ, и за время его управленія краемъ всѣ архитектурные чертежи предварительно осматривались и провѣрялись самимъ генералъ-губернаторомъ.

Къ сему времени, между прочимъ, относится возстановленіе при церквяхъ древнихъ православныхъ братствъ или попечительствъ. Въ число братчиковъ, особенно при бѣдныхъ церквяхъ, записались многіе богатые Московскіе купцы, которые дѣлали крупныя пожертвованія.

Въ заключеніе мы должны еще прибавить слѣдующее: чтобы придать болѣе торжественности дѣлу православія среди польско-католическаго населенія, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ устроилъ юбилей 25-лѣтняго соединенія уніатовъ съ православною церковью. Торжество это происходило 25 марта 1864 г. Главный виновникъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, Виленскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, въ этотъ день удостоенъ былъ высочайшаго рескрипта съ пожалованіемъ золотого жезла, усыпаннаго драгоцѣнными камнями. Теперь правительство вполнѣ оцѣнило ту великую заслугу для русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какую оказалъ митрополитъ Іосифъ Сѣмашко возсоединеніемъ уніатовъ съ православною церковью. Только благодаря двухмилліонной массѣ православнаго населенія, бывшихъ уніатовъ, прави-

---

силою отняло 18 церквей; изъ нихъ пять или шесть отдало уніатамъ, а остальныя закрыло.

тельство скоро одолѣло мятежъ: оно опершось на это населеніе и сокрушило крамолу [1]).

Послѣ этого Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ обратилъ вниманіе на народное образованіе, на школы. Зная хорошо, что школа, послѣ религіи, имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ упроченія православно-русскихъ началъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ задумалъ совершенно преобразовать ее: изъ польской сдѣлать ее чисто русскою. Для этого великаго дѣла онъ нашелъ себѣ подходящаго человѣка въ лицѣ Ивана Петровича Корнилова. Въ качествѣ попечителя Виленскаго учебнаго округа, Иванъ Петровичъ Корниловъ оказалъ великую услугу русскому дѣлу въ Сѣверо-Западномъ краѣ. За свою дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ Иванъ Петровичъ можетъ быть причисленъ къ числу выдающихся дѣятелей этого края.

Отличительною чертою Ивана Петровича Корнилова въ его управленіи Виленскимъ учебнымъ округомъ была доступность и умѣнье отыскивать способныхъ и трудолюбивыхъ людей; найдя такого человѣка, онъ старался сблизиться съ нимъ, обласкать его и затѣмъ направить его въ ту или другую сторону, смотря по способностямъ и направленію. Иванъ Петровичъ Корниловъ по-

---

[1]) *Примѣчаніе.* Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко первый изъ всѣхъ русскихъ административныхъ лицъ Сѣверо-Западнаго края замѣтилъ революціонное движеніе поляковъ, а потому еще въ 1855 г. 10-го января подалъ оберъ-прокурору св. синода графу Протасову докладную записку, въ которой онъ прежде всего выставлялъ на видъ тотъ вредъ для края, какой происходитъ вслѣдствіе преобладанія въ краѣ административныхъ лицъ польской національности предъ административными лицами русской національности, а затѣмъ доводилъ до свѣдѣнія, что между поляками уже теперь происходитъ что-то подозрительное. Но правительство вслѣдствіе смерти Николая I и неудачныхъ военныхъ дѣйствій въ Крыму не обратило должнаго вниманія на донесеніе митрополита. См. сочиненіе Дылевскаго „Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ литовскій". С.-Петербургъ. 1869 г.

стоянно окруженъ былъ такими людьми и не только не тяготился ими, но какъ бы гордился; всѣ успѣхи свои всегда приписывалъ другимъ [1]).

Сдѣлавшись попечителемъ, Иванъ Петровичъ Корниловъ прежде всего постарался вырвать учебныя заведенія Сѣверо-Западнаго края изъ рукъ католическаго духовенства и такимъ образомъ освободить ихъ отъ вреднаго польскаго вліянія. Затѣмъ Иванъ Петровичъ Корниловъ уволилъ отъ службы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ преподавателей польской національности [2]), замѣнивъ ихъ преподавателями православно-русскими. Далѣе, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе шло исключительно на русскомъ языкѣ (не исключая и закона Божія р.-католической вѣры), а также чтобы и вся переписка велась на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, запрещено было ученикамъ польскаго происхожденія говорить по-польски въ стѣнахъ учебныхъ заведеній.

Вслѣдъ за преобразованіемъ школы Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ обратилъ свое вниманіе на книги, брошюры и др. предметы, распространяемые среди народа въ Сѣверо-Западномъ краѣ; оказалось, что большинство ихъ имѣло цѣлію пропаганду въ чисто польско-латинскомъ духѣ. Поэтому Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ распорядился выписать для распространенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ десятки тысячъ православныхъ молитвенниковъ, учебниковъ, написанныхъ въ русскомъ духѣ, картинъ духовнаго содержанія, портретовъ государя и государыни и т. п.

---

[1]) См. Русскую Старину, т. 40-й, стр. 614.

[2]) *Примѣчаніе.* Иванъ Петровичъ Корниловъ, устраняя изъ заведеній преподавателей-поляковъ, старался по возможности вознаградить ихъ матеріально. Большинство преподавателей-поляковъ, по выходѣ изъ заведеній, получили пенсіи, а остальные—мѣста внутри Россіи.

Независимо отъ этого Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ обратилъ вниманіе и на самую внѣшность городовъ; такъ, между прочимъ, онъ приказалъ во всѣхъ городахъ Сѣверо-Западнаго края уничтожить всѣ вывѣски на польскомъ языкѣ, замѣнивъ ихъ русскими надписями; запретилъ говорить по-польски въ присутственныхъ и общественныхъ мѣстахъ и въ то же время распорядился, чтобы въ магазинахъ счеты велись на русскомъ языкѣ.

Всѣ эти распоряженія, несмотря на свою, повидимому, маловажность, имѣли огромное значеніе: „они“ по справедливому замѣчанію очевидца всѣхъ событій въ Вильнѣ при Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, „укрѣпили въ сознаніи народа, въ массѣ населенія, православно-русскія начала, силу русской власти и преобладанія русскихъ началъ“.

И дѣйствительно, всѣ вышеозначенныя распоряженія Михаила Николаевича Муравьева для упроченія русскихъ началъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ сильно подняли духъ здѣшнихъ русскихъ дѣятелей и православнаго духовенства. Даже и простой народъ, почувствовавъ силу, сталъ заботиться объ упроченіи православно-русскихъ началъ и прежде всего выразилъ это въ содѣйствіи устройству православныхъ церквей, на сооруженіе которыхъ отпущены были Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ большія суммы изъ контрабандныхъ денегъ. Сами католики, особенно въ Минской губерніи, цѣлыми приходами начали переходить въ православіе, при чемъ костелы обращались въ православныя церкви. Словомъ, русское дѣло и православіе видимо ожили въ краѣ: повсюду стало распространяться убѣжденіе, что край искони русскій и православный, только неправильно захваченный католиками и ими насильственно олатинизированный. Мысль о воз-

рожденіи всего русскаго сдѣлалась всеобщею,—поляки и евреи стали массами поступать въ правительственныя школы и изучать русскій языкъ.

Къ числу мѣръ, предпринятыхъ Михаиломъ Николаевичемъ для водворенія внутренняго порядка въ Сѣверо-Западномъ краѣ и упроченія въ немъ православно-русскихъ началъ, между прочимъ, относятся мѣры, направленныя имъ для обузданія католическаго духовенства. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, католическое духовенство, какъ мы уже видѣли, принимало дѣятельное участіе въ мятежѣ. Поэтому Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, чтобы парализовать вредное вліяніе католическаго духовенства на народъ, поручилъ его строгому надзору мѣстныхъ властей; затѣмъ закрылъ множество костеловъ, особенно тѣ, которые выстроены были съ цѣлію пропаганды среди православно-русскаго населенія; потомъ упразднилъ 30 мужскихъ монастырей, юридически уличенныхъ въ участіи въ мятежѣ; далѣе: многихъ настоятелей костеловъ лишилъ мѣстъ, или перевелъ изъ одного прихода въ другой. Большую половину членовъ Виленскаго капитула за политическую неблагонадежность арестовалъ и выслалъ изъ края, а на мѣсто ихъ приказалъ выбрать болѣе спокойныхъ и благоразумныхъ; къ числу послѣднихъ, между прочимъ, принадлежали три человѣка: прелатъ Остробрамскаго костела Жилинскій, прелатъ Св.-Япскаго костела Нѣмкпча и прелатъ Тупальскій, ректоръ семинаріи. Всѣ трое отличались ученостію, важностью и сдержанностью. Во время мятежа ни одинъ изъ нихъ не увлекся безумными дѣйствіями своихъ собратьевъ по профессіи; напротивъ, всѣ трое до нѣкоторой степени старались идти рука-объ-руку съ правительствомъ. Благодаря своему благоразумію и сдержанности, эти три прелата принесли

много пользы своимъ собратіямъ по вѣрѣ и національности: они своимъ ходатайствомъ и заступничествомъ выхлопотали разныя облегченія какъ для монашествующаго и бѣлаго духовенства, такъ и для частныхъ свѣтскихъ лицъ [1]).

Къ числу мѣръ, предпринятыхъ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ для обузданія католическаго духовенства, между прочимъ, можно отнести закрытіе трехъ католическихъ обществъ, которыя учреждены были съ цѣлію благотворительности и улучшенія народной нравственности въ Литвѣ, а на самомъ дѣлѣ занимались латино-польскою пропагандою, а главное—подготовляли народъ къ мятежу. Вотъ эти общества:

I. Общество трезвости. Общество это основано было, съ папскаго разрѣшенія, въ 1860 г. для трехъ губерній—Виленской, Ковенской и Гродненской. Цѣль сего общества—уничтоженіе пьянства въ народѣ. Главными дѣятелями общества трезвости были духовныя лица, особенно два епископа—Виленскій Красинскій и Ковенскій Волончевскій. Общество это имѣло свои особыя правила. Обнародованіе этихъ правилъ произведено было во всѣхъ костелахъ и монастыряхъ означенныхъ губерній, при чемъ народу поставлено было въ обязанность безусловно повиноваться приказаніямъ своего духовенства, въ противномъ случаѣ ему угрожали папскимъ проклятіемъ и вѣчными мученіями въ загробной жизни. А правила эти, нужно замѣтить, составлены

---

[1]) Въ настоящее время эти три прелата уже не существуютъ на свѣтѣ. Но вотъ, что замѣчательно: эти прелаты, несмотря на то, что больше всѣхъ оказали услугъ своимъ соотечественникамъ, не пользовались ихъ расположеніемъ. Оказывается, что поляки по своему характеру любятъ и уважаютъ только тѣхъ лицъ своей національности, которыя безъ толку кричатъ, пропагандируютъ, не сообразуясь ни съ временемъ, ни съ обстоятельствами, и черезъ это губятъ и себя и другихъ.

были такъ хитро, что касались не одного только порока пьянства, а охватывали всю жизнь и дѣятельность человѣка, а слѣдовательно и подчиняли его въ этомъ отношеніи абсолютному контролю католическаго духовенства.

Такимъ образомъ, благодаря правиламъ общества трезвости, лица католическаго исповѣданія Виленской, Ковенской и Гродненской губерніи поставлены были въ безусловное распоряженіе своего духовенства, которое и направляло ихъ дѣятельность въ ту или другую сторону по своему усмотрѣнію, а больше всего, какъ потомъ выяснилось, противъ русскаго правительства.

Бывшій генералъ-губернаторъ Назимовъ видѣлъ все это, но не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы закрыть это общество. Ковенскій епископъ Волончевскій на предложеніе Назимова закрыть общество трезвости отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, а съ начала 1862 г. старался еще болѣе усилить вліяніе духовенства на народъ въ духѣ враждебномъ правительству.

Усмиривши мятежъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ въ декабрѣ мѣсяцѣ издалъ циркуляръ, которымъ строго запрещалъ всѣмъ католикамъ участвовать въ собраніяхъ общества трезвости, и самое общество объявилъ закрытымъ; ослушникамъ Михаилъ Николаевичъ грозилъ строгою отвѣтственностію.

II. Общество винцентинокъ. Это общество учреждено было госпожею Бучинскою въ 1861 г. и состояло подъ управленіемъ епископа Красинскаго. Цѣль этого общества—улучшеніе нравственности народа; но эта цѣль значилась только въ уставѣ его, для русскаго правительства; дѣйствительная же цѣль общества винцентинокъ та же, что и общества трезвости. Въ числѣ членовъ сего общества было много и русскихъ. О вредномъ направленіи этого общества Назимовъ догадался

только незадолго до пріѣзда Муравьева. Онъ попытался было закрыть его и по этому случаю издалъ циркуляръ, но на это никто не обратилъ вниманія, и общество продолжало существовать до тѣхъ поръ, пока пріѣхалъ Муравьевъ. Муравьевъ закрылъ это общество тогда же, когда было закрыто и общество трезвости. Передъ закрытіемъ его Михаилъ Николаевичъ прежде всего велѣлъ арестовать главныхъ дѣятельницъ сего общества: Бучинскую, Лопацинскую и Плятеръ, которыхъ, послѣ суда, приказалъ выслать во внутреннія губерніи.

III. Общество благотворительное. Послѣ закрытія двухъ вышеозначенныхъ обществъ, Михаилъ Николаевичъ закрылъ еще и третье общество (послѣднее), существовавшее подъ именемъ „благотворительнаго". Общество это основано было въ 1861 г. нѣкоею Домбровскою. Въ немъ участвовали почти всѣ жители Сѣверо-Западнаго края посредствомъ производившихся съ нихъ поборовъ. Цѣль сего общества была чисто благотворительная, именно: призрѣніе вдовъ, сиротъ и вообще бѣдныхъ. Но эта цѣль опять-таки существовала только для отвода глазъ правительству [1]). Дѣйствительная же цѣль его состояла въ томъ, чтобы собирать деньги на покупку оружія для мятежниковъ и доставку необходимыхъ средствъ жонду для борьбы его съ Россіею.

Михаилъ Николаевичъ закрылъ это общество въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 г., т. е. послѣ окончательнаго усмиренія мятежа.

---

[1]) Члены благотворительнаго общества имѣли въ городахъ Литвы и собственные дома будто-бы для призрѣнія бѣдныхъ, а на самомъ дѣлѣ тамъ почти никто не жилъ. Они устроены были тоже для отвода глазъ правительству.

Уничтоженіе трехъ вышеозначенныхъ обществъ и особенно устройство крестьянъ, и огражденіе ихъ отъ произвола пановъ касательно взиманія съ нихъ непомѣрныхъ оброковъ возбудили страшный вопль по всему Сѣверо-Западному краю, наполнившій, по словамъ Михаила Николаевича, возгласами даже Петербургъ; а это повело къ тому, что поляки нашли сочувствіе въ Петербургѣ, среди многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Эти лица сильно осуждали, какъ говоритъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, дѣйствія его, называя ихъ ретроградными, негуманными и даже вредными для края. Мало того, они даже старались подорвать довѣріе къ Муравьеву государя императора [1]). Послѣднее дѣйствіе противниковъ Муравьева заставило его отправиться въ Петербургъ и лично просить государя объ отставкѣ.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ выѣхалъ въ Петербургъ 24 апрѣля, въ субботу, на Святой недѣлѣ. Провожавшихъ его была масса. Прощаніе было въ высшей степени трогательное. Но при этомъ всѣ до одного человѣка просили Михаила Николаевича Муравьева скорѣе вернуться въ Вильну. Когда поѣздъ тронулся, и Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, стоя у

---

[1]) *Примѣчаніе.* Особенно отличался своею ненавистью къ М. Н. Муравьеву и его дѣйствіямъ князь Суворовъ, тотъ самый, который, будучи генералъ-губернаторомъ Прибалтійскихъ губерній (Эсто-латышскаго края), потворствомъ своимъ далъ развиться до безобразія нѣмецкимъ притязаніямъ. Онъ публично называлъ М. Н. Муравьева „людоѣдомъ“. Одинъ стихотворецъ, скрывшій свое имя, писалъ Суворову въ то время, когда приготовлялся благодарственный адресъ усмирителю мятежа:

Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что русскаго честимъ мы „людоѣда“,
Мы русскіе, Европы не спросясь.

Затѣмъ письмо оканчивалось слѣдующими стихами:

Но мнится намъ, что дѣдъ вашъ знаменитый
Скрѣпилъ бы адресъ подписомъ своимъ.

См. Душеполезное чтеніе 1891 г. Августъ.

окна. снялъ шляпу и, кланяясь стоявшимъ, сказалъ: „прощайте, господа!“ то всѣ въ одинъ голосъ, какъ бы по командѣ, крикнули: „до свиданія, до свиданія!“

На всемъ пути отъ Вильны до Петербурга Михаилу Николаевичу Муравьеву были устроены торжественныя встрѣчи: народъ массами собирался къ вокзаламъ, когда къ нимъ приближался поѣздъ, въ которомъ находился Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Въ Петербургѣ ожидалъ его особенно блестящій пріемъ. На платформѣ Петербургскаго вокзала Михаила Николаевича Муравьева встрѣтили: два министра—государственныхъ имуществъ Зеленый и путей сообщенія Мельниковъ, сенаторъ Гедеоновъ, Батюшковъ и многія другія высокопоставленныя лица; командиръ преображенскаго полка, всѣ офицеры этого полка—въ парадной формѣ и цѣлая масса народа. Когда Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ показался изъ вагона, то пронеслось оглушительное „ура!“

На квартирѣ встрѣтили Михаила Николаевича Муравьева съ хлѣбомъ и солью дамы высшаго петербургскаго круга во главѣ съ Антониною Дмитріевною Блудовою. Затѣмъ, квартира постоянно наполнена была высокопоставленными лицами, которыя пріѣзжали къ нему засвидѣтельствовать свою признательность.

Московское купечество, узнавши о прибытіи Михаила Николаевича Муравьева въ Петербургъ, прислало свою депутацію изъ почетнѣйшихъ представителей съ выраженіемъ искренней признательности за усмиреніе мятежа.

Недѣлю спустя послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, Михаилъ Николаевичъ представился государю императору (раньше онъ не могъ явиться—съ дороги болѣлъ). Государь императоръ принялъ его весьма милостиво и благодарилъ за управленіе краемъ. М. Н.

Муравьевъ сталъ было просить императора уволить его отъ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, но императоръ не согласился: государь просилъ Муравьева еще потрудиться на пользу родины. Михаилъ Николаевичъ не осмѣлился ослушаться, онъ только просилъ государя утвердить тѣ мѣры, которыя онъ проектируетъ провести во внутреннемъ управленіи Сѣверо-Западнаго края. Государь согласился и приказалъ представить объ этомъ записку.

14 мая Муравьевъ представилъ государю свою записку, которая затѣмъ была передана для разсмотрѣнія въ совѣтъ министровъ; спустя семь дней, она была возвращена одобренною и утвержденною за весьма незначительными измѣненіями.

25 мая Михаилъ Николаевичъ поспѣшилъ уже вернуться въ Вильну, гдѣ всѣ русскіе встрѣтили его съ необыкновеннымъ восторгомъ, потому что всѣ боялись, чтобы онъ не остался въ Петербургѣ, а вмѣсто него не назначили бы кого-либо другого.

Михаилъ Николаевичъ поспѣшилъ въ Вильну какъ потому, что ему предстояло совершить еще много дѣлъ впереди, такъ еще болѣе потому, что государь императоръ въ это время намѣревался ѣхать за границу и на пути обѣщался побывать въ Вильнѣ. 27 мая государь императоръ дѣйствительно проѣхалъ черезъ Вильну за границу, а 7-го іюля, возвращаясь оттуда, остановился въ этомъ городѣ на одни сутки. Въ 7 часовъ утра, 8-го іюля, онъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, а въ 12 часовъ дня уже выѣхалъ изъ Вильны. Его величество назначилъ столь скорый отъѣздъ изъ Вильны вслѣдствіе нежеланія принять польскихъ шляхетскихъ депутатовъ и сдѣлать для нихъ какое-нибудь снисхожденіе. Польское дворянство дѣйствительно съ нетерпѣніемъ ожидало возвращенія государя изъ-за границы,

надѣясь испросить прощеніе, но никто изъ его среды не былъ принятъ государемъ. Государь императоръ не удостоилъ даже посѣщеніемъ католическаго каѳедральнаго костела, какъ прежде это дѣлалъ. Когда государь, возвращаясь со смотра войскъ, проѣзжалъ мимо каѳедральнаго костела, то не обратилъ на него никакого вниманія, несмотря на то, что тамъ, собравшись подъ фронтономъ собора, стояло все католическое духовенство съ крестомъ и въ облаченіяхъ. Напротивъ, государь изволилъ заѣхать въ православный Св.-Духовскій монастырь, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ со всѣмъ духовенствомъ, а при выходѣ изъ него удостоилъ принять губернатора и прочихъ виленскихъ гражданскихъ чиновниковъ.

Выѣзжая изъ Вильны, императоръ выразилъ полное свое удовольствіе и благорасположеніе Михаилу Николаевичу за управленіе краемъ.

Въ благодарность за управленіе краемъ государь императоръ еще утромъ, на смотру войскъ, передъ фронтомъ самъ лично отдалъ честь Михаилу Николаевичу и назначилъ его шефомъ Пермскаго полка, а это такая монаршая милость, какой рѣдко кто удостоивается изъ подданныхъ, но Муравьевъ, очевидно, вполнѣ заслужилъ эту милость.

По отъѣздѣ государя императора изъ Вильны началась усиленная дѣятельность слѣдственной комиссіи, такъ какъ въ то время арестовано было нѣсколько весьма важныхъ политическихъ преступниковъ, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, былъ и упомянутый нами выше Іосафатъ Огрызко.

Объ арестованіи Огрызки передаютъ такъ:

Въ началѣ 1863 г. польскій Петербургскій революціонный кружокъ отправилъ въ Вильну одного изъ

своихъ агентовъ, какого-то офицера-дизертира (имя его неизвѣстно). Этотъ офицеръ-дизертиръ, по прибытіи въ Вильну, былъ командированъ жондомъ въ Минскую губернію, Новогрудскій уѣздъ, гдѣ онъ составилъ значительную шайку. Но шайка эта скоро была разбита наголову. Послѣ этого агентъ этотъ долго скрывался въ Минской губерніи и никакъ не могъ бѣжать въ Петербургъ: у него не было паспорта. Но вотъ вдругъ онъ получаетъ паспортъ и инструкцію, какъ добраться до Петербурга. Поѣхалъ. Но дорогою былъ схваченъ и привезенъ въ Вильну, въ слѣдственную комиссію. Тутъ его подвергли допросу.

На первомъ допросѣ агентъ этотъ открылъ всѣхъ членовъ Петербургскаго революціоннаго кружка, за исключеніемъ Огрызки, при чемъ заявилъ, что однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этого кружка—инженеръ Эммануилъ Юндзиллъ. Дано было знать въ Петербургъ, при чемъ приказано было арестовать Юндзилла и доставить въ Вильну. Юндзиллъ дѣйствительно былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму; но передъ отправленіемъ въ Вильну онъ по чьему-то тайному приказанію былъ выпущенъ и бѣжалъ за границу [1]). Побѣгъ его скрылъ многое, „которое“, какъ говоритъ Гоголь въ своей книгѣ, если бы было во время открыто, можетъ быть, не допустило бы совершиться святотатственному покушенію 4-го апрѣля“.

На второмъ показаніи этотъ офицеръ-дизертиръ открылъ и Огрызку, при чемъ назвалъ его самымъ главнымъ руководителемъ всѣхъ петербургскихъ революціонеровъ. Снова дано было знать въ Петербургъ

---

[1]) Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Юндзиллъ выпущенъ былъ генералъ-губернаторомъ Петербурга Суворовымъ. См. Русскую Старину, т. 37-й, стр. 132.

съ приказаніемъ арестовать Огрызку и доставить въ Вильну. Огрызку арестовали и привезли въ Вильну.

По свидѣтельству очевидца, сначала Огрызко, когда его подвергли допросу въ Виленской слѣдственной комиссіи, началъ было рисоваться, употребляя разныя чиновническія увертки, и утверждать, что онъ не виноватъ ни въ чемъ. На это слѣдователь замѣтилъ:

— Г. Огрызко! вы человѣкъ умный, законы сами знаете, — сознайтесь во всемъ, не запирайтесь, а то будетъ поздно; если вы теперь сознаетесь, то ваша участь будетъ значительно облегчена.

— Послушайте, г. слѣдователь, въ свою очередь сказалъ Огрызко, если я дѣйствительно умный человѣкъ, то какъ же вы хотите, чтобы я во всемъ сознался? вѣдь я отлично понимаю, если допустить даже, что я виновенъ, все-таки, пока я не сознаюсь, меня не казнятъ, иначе весь Петербургъ, въ которомъ у меня много друзей, закричитъ, что я несправедливо казненъ; если же я сознаюсь, тогда меня вправѣ будутъ казнить.

— Но рано или поздно комиссія убѣдитъ васъ сознаться во всемъ.

— Это весьма интересно знать, какой же это геніальный человѣкъ засѣдаетъ въ вашей комиссіи, который бы такъ подѣйствовалъ на меня, что я раскрылъ бы ему всю свою душу? спросилъ съ насмѣшкою Огрызко.

— Да хоть бы я, отвѣтилъ слѣдователь.

— Мелко плаваете, сказалъ Огрызко на эти слова.

Но черезъ недѣли три этому слѣдователю Огрызко дѣйствительно раскрылъ всю свою душу и выдалъ всѣхъ своихъ товарищей. Онъ упалъ къ ногамъ слѣдователя, рыдалъ какъ ребенокъ, цѣловалъ руки, локти, плечи, прося даровать ему жизнь

Полевой судъ приговорилъ Огрызку къ смертной казни, но начальникъ края даровалъ ему жизнь, замѣнивъ казнь ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ.

Между тѣмъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ продолжалъ реформы въ Сѣверо-Западномъ краѣ, служившія для его обрусѣнія. И дѣйствительно, менѣе чѣмъ въ два года весь Сѣверо-Западный край изъ польско-латинскаго сдѣлался православно-русскимъ, за что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ заслужилъ глубокую признательность русскаго населенія всей имперіи. Признательность эта прежде всего выразилась въ тѣхъ многочисленныхъ адресахъ, которые присланы были Михаилу Николаевичу со всѣхъ концовъ Россіи и отъ всѣхъ сословій. Многіе изъ этихъ адресовъ сопровождались дорогими подарками: св. иконами (преимущественно съ изображеніемъ архангела Михаила и святителя Николая), альбомами, драгоцѣнными вещами и крупными денежными суммами. М. Н. Муравьевъ самъ говоритъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ: „сочувствіе ко мнѣ всѣхъ слоевъ русскаго общества для меня была наградой, превосходившей все, что можетъ получить человѣкъ, который посвятилъ себя на служеніе отечеству“.

Несмотря на такое глубокое сочувствіе къ дѣятельности Муравьева всѣхъ слоевъ русскаго общества, нашлись люди, которые были сильно недовольны этою дѣятельностію. Эти лица желали, чтобы управленіе краемъ было болѣе кроткое и снисходительное по отношенію къ полякамъ; между ними нашлись и такія, которыя, заискивая расположенія Европы, желали бы и теперь, по словамъ Муравьева, видѣть эти провинціи

автономными [1]). Вслѣдствіе этого лѣтомъ 1864 г. М. Н. Муравьеву назначили помощникомъ Потапова, который въ то время былъ управляющимъ собственною его величества канцеляріею и начальникомъ штаба корпуса жандармовъ.

Между тѣмъ М. Н. Муравьевъ, вслѣдствіе непомѣрныхъ трудовъ, сталъ все чаще и чаще подвергаться болѣзненнымъ припадкамъ, а потому снова рѣшился просить отставки.

Въ началѣ марта 1865 года Михаилъ Николаевичъ уѣхалъ въ Петербургъ и черезъ недѣлю снова представился государю императору, которому и заявилъ о своемъ желаніи оставить управленіе краемъ, при чемъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Государь согласился на отставку Михаила Николаевича, но при этомъ просилъ его указать человѣка, достойнаго сдѣлаться его преемникомъ. Михаилъ Николаевичъ указалъ на двухъ: Хрущова, бывшаго помощника своего въ управленіи, и Кауфмана, директора канцеляріи военнаго министерства. Оба эти лица, по словамъ Муравьева, отличались глубокою преданностію Россіи и православію. Но такъ какъ въ это время государь торопился въ Ниццу, гдѣ находился больной наслѣдникъ, то онъ не сдѣлалъ выбора, никого не утвердилъ, обѣщаясь это сдѣлать изъ Ниццы.

7 апрѣля государь выѣхалъ въ Ниццу, а 17-го состоялось назначеніе Кауфмана на мѣсто Муравьева; Потаповъ же по прежнему остался помощникомъ.

Вѣсть объ оставленіи М. Н. Муравьевымъ Сѣверо-Западнаго края съ быстротою молніи пронеслась по

---

[1]) См. Русскую Старину за 1882—3 г. „Записки М. Н. Муравьева о польскомъ мятежѣ 1863 г.“, а также Русскую Старину за 1891 г. „Дневникъ профессора Никитенки“ и „Душеполезное чтеніе“ за 1891 г. августъ стр. 553, примѣчанія.

сему послѣднему. Поляки, услышавъ объ этомъ. сильно обрадовались и сейчасъ же проявили свою радость тѣмъ, что снова начали устраивать манифестаціи и пѣть революціонные гимны; вездѣ показался трауръ и польскій языкъ опять сдѣлался общимъ для всего польскаго населенія; явно стало обнаруживаться презрѣніе ко всему русскому и даже къ лицамъ, занимавшимъ служебныя мѣста. Словомъ, все начало показывать наступленіе для поляковъ Сѣверо-Западнаго края новой эры, и пропаганда въ краѣ, по словамъ Муравьева, стала проявляться вездѣ. Русскіе люди, видя это, стали приходить въ отчаяніе, и многіе хотѣли уѣзжать внутрь Россіи. Но вотъ пріѣхалъ Кауфманъ; онъ съ первыхъ же дней своего вступленія въ должность генералъ-губернатора далъ понять всѣмъ, что ни на шагъ не отступитъ отъ системы управленія своего предшественника; это сразу подняло русскихъ и обрадовало ихъ, а поляковъ ошеломило и опечалило.

Послѣ оставленія должности генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ не долго жилъ: по пріѣздѣ въ Петербургъ 29 августа 1866 г., онъ умеръ [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* О послѣднихъ дняхъ жизни М. Н. Муравьева передаютъ слѣдующее: 26-го августа 1866 г. М. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ Петербурга въ свою деревню Сырецъ для освященія храма, построеннаго имъ въ память воиновъ, павшихъ при усмиреніи польскаго мятежа 1863 г. 28-го было освященіе храма. Послѣ обѣда М. Н. Муравьевъ самъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, посадилъ вокругъ храма нѣсколько деревьевъ въ воспоминаніе освященія его. Въ пять часовъ дня принималъ докладъ по дѣлу Каракозова, положилъ резолюцію и распорядился, чтобы на другой день, 29 августа, послѣ панихиды по убитымъ воинамъ, ѣхать въ Петербургъ. Проводя вечеръ въ семействѣ, до 12 ч. ночи М. Н. Муравьевъ чувствовалъ себя здоровымъ и легъ спать. Но ему уже не суждено было встать: онъ отошелъ въ вѣчность.

Въ заключеніе мы приведемъ двѣ корреспонденціи изъ иностранныхъ газетъ о М. Н. Муравьевѣ и самомъ мятежѣ. Въ нѣмецкой газетѣ „National Zeitung“ въ концѣ августа 1863 г. помѣщено было слѣдующее: „Англійскія газеты „Standard“ и „Herald“ отправили въ Вильну корреспондента, чтобы узнать черезъ его посредство не лучше ли генералъ Муравьевъ той молвы, которая идетъ о немъ въ Европѣ. Газеты эти не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, и русскій герой, чернимый поляками и ихъ друзьями въ Европѣ, вышелъ совершенно чистымъ. Корреспондентъ нашелъ городъ Вильну полнымъ жизни и торговаго движенія. По улицамъ безпрерывно двигались экипажи и телѣги; рынокъ запруженъ былъ поселянами, явившимися для продажи куръ, яицъ и огородныхъ овощей; разнощики занимались обычнымъ своимъ промысломъ; жители казались спокойными и довольными. Только значительное число войскъ, изрѣдка казнь наемныхъ убійцъ давали знать, что обычное спокойствіе было нарушено. Генералъ Муравьевъ принялъ англійскаго корреспондента очень любезно и далъ ему всѣ средства ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ; онъ показалъ ему также польскій кинжалъ—длинный, широкій, обоюдуострый. Муравьевъ нѣсколько походитъ на ветерановъ нашихъ войскъ,—говоритъ англійскій корреспондентъ,—въ Ость-Индіи и колоніяхъ: черты лица его нѣсколько рѣзки и огрубѣли отъ дѣйствія непогоды; видно, что онъ много участвовалъ въ походахъ и можетъ еще долго участвовать. Его манеры—открытыя и свободныя, свойственныя воину, заставляютъ вѣрить, что онъ готовъ высказать всю правду, безъ малѣйшей утайки. Онъ желалъ, чтобы истина обнаружилась, и радовался, что явился англичанинъ, который можетъ ее сообщить. Онъ дѣйствительно таковъ, каковъ долженъ быть че-

ловѣкъ, который приказывалъ перепечатывать въ Виленскомъ Вѣстникѣ самыя ярыя нападки, какими осыпали его англійскія и французскія газеты; онъ слишкомъ прямъ, чтобы притворяться, и слишкомъ горлъ, чтобы что-либо скрывать. Нашъ корреспондентъ „Standard“ не отрицаетъ того, что генералъ поступалъ въ отношеніи къ повстанцамъ съ строгостію; но оправданіе его политики заключается въ успѣхѣ его дѣйствій, въ томъ фактѣ, что онъ водворилъ въ странѣ спокойствіе и тѣмъ самымъ возбудилъ къ себѣ сочувствіе въ массѣ тамошняго народонаселенія. Слабая, скрытная политика могла бы только продлить безнадежную борьбу, повела бы къ опустошенію страны и протянула бы партизанскую войну, съ которой неразрывно связаны всякаго рода жестокости. Мы не защищаемъ нимало нѣкоторыхъ мѣръ, къ которымъ будто бы прибѣгалъ генералъ Муравьевъ; нѣтъ такихъ, заслуживающихъ довѣрія, доказательствъ тому, что онъ дѣйствительно прибѣгалъ къ подобнымъ мѣрамъ; при томъ настоящее положеніе дѣлъ въ Вильнѣ можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ. Строгость, какую обнаруживаетъ генералъ Муравьевъ, можетъ быть вполнѣ оправдана жестокостями, совершенными инсургентами. Какъ бы то ни было, масса народонаселенія въ Литвѣ очень довольна образомъ дѣйствій генерала Муравьева“.

Затѣмъ въ газетѣ „Morning-Herald“ 12 августа 1863 г. напечатана была слѣдующая корреспонденція:

„Когда судить о Россіи, то не слѣдуетъ примѣнять къ польской революціи тотъ строгій регуляторъ, который служитъ барометромъ въ европейскихъ войнахъ. Народная война является самою кровопролитною и самою неумолимою, и существуетъ множество поводовъ къ оскверненію этой честной войны такимъ громаднымъ числомъ преступленій, какимъ не ознаменовы-

ваются иныя войны. Мы видимъ не только олигархическую революцію, требующую національности, которою въ сущности она не обладаетъ, но также и возстаніе, до сихъ поръ распространяющееся помощію тысячи неизвѣстныхъ путей. Мы видимъ, что эта революція прибираетъ къ рукамъ своимъ всѣ аттрибуты права и обязанности устроеннаго правительства, издаетъ декреты, взимаетъ подати, учреждаетъ налоги и караетъ своихъ враговъ. Мы видимъ ее съ ножомъ въ рукахъ, но мы не въ силахъ разорвать покровъ, прикрывающій ея лицо. Каждый ея шагъ отмѣчается кровавымъ слѣдомъ. Каждая прокламація этого мнимаго правительства отличается ложью и основывается на лжи. Несмотря на то, въ виду такихъ преступныхъ, кровавыхъ сатурналій, насъ увѣряютъ, что мы свидѣтели святой борьбы, борьбы честнаго края, стремящагося оживить свою онѣмѣлую національность, что мы видимъ предъ собою серьезную попытку народа возстановить съ оружіемъ въ рукахъ свою политическую и религіозную свободу. Человѣкъ не можетъ взирать на подобныя зрѣлища. Русскіе солдаты храбры. Мы были свидѣтелями ихъ мужества и самоотверженія во многихъ случаяхъ. Они были и остались храбрыми. Но даже и самаго храбраго человѣка ужасаетъ мысль умереть подъ ножомъ убійцы или же попасть въ засаду и быть убитымъ, повѣшеннымъ, удушеннымъ, не имѣя возможности защищаться. Русскій солдатъ знаетъ, что его товарищи пропадаютъ, и что ихъ исчезновеніе доказываетъ несомнѣнность существованія такъ называемаго національнаго правительства. Онъ знаетъ также, что когда незначительный отрядъ попадается въ руки мятежникамъ, то послѣдніе нерѣдко избиваютъ солдатъ съ возмутительнымъ изувѣрствомъ.

Ему извѣстно, что мирные и безоружные поселяне, ввѣренные его защитѣ, подвергаются такому же преслѣдованію и такимъ же покушеніямъ со стороны иностранцевъ. Онъ не читаетъ описанія этихъ жестокостей и ужасовъ въ какой-нибудь газетѣ, печатающейся за полторы тысячи верстъ отъ театра борьбы, но онъ видитъ ихъ своими глазами. Припомнимъ поступки нашихъ собственныхъ войскъ во время индѣйскаго возстанія, прежде чѣмъ порицать образъ дѣйствій менѣе образованныхъ солдатъ сѣвера. Вотъ все, что мы можемъ сказать о солдатахъ; но что касается высшихъ военныхъ властей, то онѣ принадлежатъ къ другой категоріи, и намъ не мѣшало бы съ достовѣрностію знать факты, за которые онѣ несутъ отвѣтственность. Въ нумерѣ вашей газеты отъ 3 августа сказано, что генералъ Муравьевъ „приказалъ разстрѣлять и сослать нѣсколько поляковъ, единственное преступленіе которыхъ заключалось въ отъявленномъ сочувствіи революціоннымъ стремленіямъ своихъ соотечественниковъ“. Если бы это извѣстіе было справедливо, то Россія не могла бы болѣе надѣяться на сочувствіе Европы. Она была бы Измаиломъ европейскихъ націй, и рука образованныхъ народовъ поднялась бы противъ нея. Но это обвиненіе ошибочно, и я спѣшу опровергнуть его въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ изложено было переданное мнѣ сообщеніе.

Единственныя лица, которыхъ разстрѣляли или повѣсили, принадлежатъ къ слѣдующимъ сословіямъ:

Офицеры арміи или гражданскіе чиновники, арестованные, какъ мятежники, съ оружіемъ въ рукахъ.

Предводители шаекъ и иные повстанцы, задержанные съ оружіемъ въ рукахъ и совершившіе ужасныя убійства, умертвившіе русскихъ безоружныхъ крестьянъ,

которые отказались служить дѣлу революціи или же склоняли къ отказу своихъ соотечественниковъ.

Католическіе священники, ксендзы, предводительствовавшіе шайками и убившіе своими собственными руками безоружныхъ поселянъ, отказавшихся внимать ихъ революціоннымъ внушеніямъ.

Ксендзы, которые съ каѳедры, въ своихъ непристойныхъ проповѣдяхъ, подстрекали народъ къ возстанію и убійствамъ и читали возмутительныя прокламаціи мнимаго національнаго правительства.

Гражданскіе чиновники русской службы, уличенные въ убійствахъ, и дворяне, которые, проживая въ тѣхъ губерніяхъ, куда революція не проникала, совершали неожиданныя нападенія на русскихъ, имѣвшія характеръ грабежа и сопровождающіяся убійствами, поджогами и тому подобными преступленіями.

Единственныя лица, сосланныя въ каторжныя работы, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя арестованы были съ оружіемъ въ рукахъ или же были агентами какого-либо революціоннаго комитета; но, къ несчастію, многія изъ нихъ присоединились къ новымъ шайкамъ, къ крайнему неудовольствію русскихъ солдатъ, жертвовавшихъ своею жизнію, когда брали ихъ въ плѣнъ.

Никакого приговора къ смертной казни или къ ссылкѣ въ каторжную работу не послѣдовало безъ предварительной сентенціи законнымъ образомъ учрежденныхъ военно-судныхъ комиссій и произнесенія надъ виновными состоявшагося приговора.

Сосланы въ отдаленныя мѣста Россіи тѣ лица, которыхъ участіе въ возстаніи было подтверждено положительными доказательствами, какъ напримѣръ: письмами, документами, свидѣтельствовавшими о снабженіи

повстанцевъ оружіемъ, или подстрекательствами къ возстанію

Тюремному заключенію подвергались люди, противъ которыхъ поступили формальныя обвиненія. По разсмотрѣніи этихъ обвиненій, многимъ арестантамъ возвращена была свобода; продолжаютъ содержаться въ тюрьмахъ только тѣ лица, виновность которыхъ слишкомъ очевидна.

Секвестрована, но не конфискована, собственность только тѣхъ помѣщиковъ, которые, не соглашаясь подчиниться законному правительству, содѣйствовали успѣху мятежниковъ своимъ имуществомъ и доходами.

Чтобы судить о настоятельной необходимости и справедливости исполненія смертныхъ приговоровъ, читатель долженъ представить себѣ тѣ факты, которыми вызывались эти мѣры. Трудно составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе, спокойно сидя въ уютномъ кабинетѣ, въ Англіи, о кровопролитной борьбѣ, обуздать которую въ силахъ одне лишь строгія мѣры. Русское правительство, имѣло подъ рукою неопровержимыя, убѣдительныя доказательства. Оно узнавало ежедневно, что цѣлыя деревни были сожжены, что нѣсколько крестьянъ было убито, что его вѣрноподданные офицеры и солдаты умирали подъ ножами невидимыхъ убійцъ. Ужасъ и смятеніе господствовали во всемъ краѣ, и его честные, преданные слуги нерѣдко противъ воли повиновались распоряженіямъ революціоннаго комитета. Имѣло ли право правительство, въ виду такихъ ужасныхъ злоупотребленій, дѣйствовать нерѣшительно и колебаться? Развѣ оно не было обязано защищать своихъ подданныхъ, которыхъ рѣзали и грабили? Повстанцы составляютъ одну десятую долю всего населенія Сѣверо-Западныхъ провинцій; остальныя девять десятыхъ просятъ защиты у своего мо-

нарха, котораго они любятъ и уважаютъ, и у правительства, которому они повинуются. Могъ ли этотъ монархъ и это правительство не исполнить подобныхъ желаній? Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Если бы правительство, попеченію котораго ввѣрены были упомянутыя провинціи, не радѣло о своихъ обязанностяхъ, если бы оно не рѣшилось обуздать революцію помощію энергическихъ мѣръ и допустило виновныхъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, если бы оно, наконецъ, терпѣло, чтобы невинные страдали за виновныхъ, то тѣ же самые люди, которые въ настоящую минуту такъ сильно сокрушаются не о своей измѣнѣ, а о состоявшемся надъ ними приговорѣ, составляющемъ прямое слѣдствіе преступленія, возвѣстили бы при трубныхъ звукахъ свою побѣду предъ цѣлой Европой и, быть можетъ, не безъ основанія провозгласили бы, что русское правительство болѣе не существуетъ.

Разсмотримъ наказанія, присуждаемыя по нашимъ собственнымъ законамъ за измѣну, и мы убѣдимся, что во всякомъ случаѣ подобныя преступленія были бы наказываемы у насъ съ тою же строгостію, и что такія наказанія были бы съ точностію исполняемы. Англія не щадила мятежниковъ, пока господствовало возстаніе. Нерѣдко, въ минуту торжества, она великодушно прощала крамольниковъ; но пока участь ея владычества не была обезпечена, она постоянно прибѣгала къ правосудію и не допускала помилованія.

Не мѣшало бы остановиться мимоходомъ на извѣстной категоріи крамольниковъ; мы хотимъ говорить о католическихъ ксендзахъ. Французскія газеты поголовно возставали противъ нечестиваго, оскорбляющаго святыню, наказанія подобныхъ людей; Франція одушевлена такими благочестивыми и благоговѣйными чувствами, что содрогается при одной мысли о подобномъ

оскорбленіи святыни. Государственные люди и воины могутъ думать иначе и полагать, что поступки, противные призванію служителей алтаря, лишаютъ ихъ покровительства законовъ. Съ церковныхъ каѳедръ, съ которыхъ возвѣщаются слова мира и любви, ксендзы проповѣдывали мятежъ. Именемъ Бога Всемогущаго вооружалась рука вѣрующаго, преклоняющагося предъ Его святыней, на совершеніе злодѣйствъ ради дѣла, которому давалось названіе дѣла религіи. Ксендзы на самыхъ алтаряхъ принимали присяги, возлагавшія на христіанъ обязанность совершать самыя гнусныя политическія преступленія. Подобные люди мученики или предатели? Должны ли мы оплакивать ихъ участь, или же они подверглись заслуженному наказанію? Римъ остается вѣренъ своей старинной политикѣ. Онъ можетъ измѣнить ее, но ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ нея. Россія отстала, какъ говорятъ, на двѣсти лѣтъ отъ Европы, а между тѣмъ Римъ навязываетъ ей ту самую политику, которой руководствовался онъ двѣсти лѣтъ тому назадъ относительно Европы. Въ Польшѣ прибѣгаютъ къ лукавству и къ ученію іезуитовъ, поэтому необходимо употребить средства, соотвѣтствующія въ главныхъ чертахъ тѣмъ, помощію которыхъ іезуитизмъ былъ нѣкогда подавленъ.

Единственное средство, которое употребилъ генералъ Муравьевъ для подавленія мятежа, заключается въ обложеніи землевладѣльцевъ десятипроцентнымъ налогамъ.

Чтобы понять необходимость этой мѣры, мы должны разсмотрѣть общій характеръ возстанія въ Сѣверо-Западныхъ провинціяхъ. Въ нихъ всѣ помѣщики-поляки, сочувствующіе повстанцамъ. Въ обширныхъ лѣсахъ образуются шайки, руководствующіяся предписаніями помѣщиковъ. Нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ открыто

примкнули къ возстанію, другіе снабжаютъ мятежниковъ оружіемъ, одеждою, провіантомъ, лошадьми. Польскіе чиновники русской службы также содѣйствуютъ успѣхамъ повстанцевъ и увѣдомляютъ ихъ о всѣхъ передвиженіяхъ русскихъ войскъ. Шайки, въ свою очередь, сознаютъ услуги помѣщиковъ и потворствуютъ имъ, убивая крестьянъ и русскихъ священниковъ, не участвующихъ въ возстаніи и извѣщавшихъ начальство о движеніяхъ повстанцевъ. Когда шайки открывались и разсѣивались, мятежники разбѣгались и укрывались отъ преслѣдованія въ имѣніяхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, которые, по удаленіи русскихъ войскъ, снова собирали шайки. Такъ дѣйствовали до прибытія генерала Муравьева всѣ безъ исключенія польскіе помѣщики, одни по убѣжденію, другіе подъ вліяніемъ страха, внушаемаго мятежниками. Какимъ образомъ уничтожить такую цѣпь преступленій? Правда, что помѣщики могли быть уличены и наказываемы въ немногихъ случаяхъ. Но опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ козни открываются случайно, всякое преступленіе совершается наудачу, а преступникъ увѣренъ, что будетъ въ состояніи устранить опасность, которая ему угрожаетъ, и если другіе попадутся, то онъ все-таки выйдетъ изъ бѣды; единственное средство остановить преступленіе — это сдѣлать наказаніе неминуемымъ. Тутъ все сословіе помѣщиковъ было виновно, и потому правительство рѣшилось карать ихъ такъ, какъ надлежитъ карать цѣлое сословіе. Если бы правительство руководствовалось варварскими и кровожадными взглядами, которые ему приписываютъ его враги, то не было бы трудно найти достаточные поводы къ обвиненію большей части помѣщиковъ въ предательствѣ. Несмотря на то, русское правительство предпочло дѣйствовать въ отношеніи къ польскому дворянству съ большимъ великодушіемъ, но съ немень-

шей энергіей. Вслѣдствіе этого правительство обложило доходы помѣщиковъ упомянутою податью. Мѣра эта убѣдила каждаго польскаго землевладѣльца, что участіе въ мятежѣ для него невыгодно, и заставила благонамѣренныхъ уклоняться отъ совокупнаго дѣйствія съ повстанцами. Иные поспѣшили воспользоваться предлогомъ, который создало для нихъ правительство, другіе же, одушевленные разумнымъ и предусмотрительнымъ патріотизмомъ, отступились отъ революціи, чтобы спасти свое достояніе.

Въ статьяхъ, вызвавшихъ насъ на объясненія, встрѣчается еще другое ошибочное обвиненіе, а именно, что генералъ Муравьевъ подстрекалъ крестьянъ не платить оброка за земли, которыми они пользуются на извѣстныхъ условіяхъ.

Осенью минувшаго года, когда началась революція, крестьяне отказывались работать на мятежныхъ помѣщиковъ. Во избѣжаніе кровопролитнаго столкновенія между обѣими сторонами, правительству оставалось предпринять одно изъ двухъ: или заставить крестьянина подчиниться власти помѣщика, или же обезпечить исправный взносъ оброка, взимая его непосредственно съ поселянъ. Дѣйствуя въ духѣ разумной политики, правительство рѣшилось прибѣгнуть ко второму способу, и законъ 1-го марта отмѣнилъ обязательный трудъ, замѣнивъ его ежегоднымъ платежомъ оброчныхъ денегъ правительству, которое отвѣчаетъ теперь предъ помѣщиками за исправный взносъ крестьянами оброка. Поэтому, хотя генералъ Муравьевъ и прибѣгнулъ къ упомянутой мѣрѣ, тѣмъ не менѣе вся отвѣтственность лежитъ на правительствѣ, предписаніе котораго онъ приводитъ въ исполненіе. Чтобы уразумѣть значеніе мѣръ, принятыхъ генераломъ Муравьевымъ, необходимо

принять въ соображеніе исторію и прежнее положеніе ввѣренныхъ ему провинцій.

Всѣ безъ исключенія члены тамошняго высшаго дворянства и шляхты, а также большинство гражданскихъ чиновниковъ—поляки, тогда какъ большая часть земледѣльческаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ уѣздовъ, состоитъ изъ русскихъ и литовцевъ.

Императоръ Александръ, вступая на престолъ, нанесъ смертельный ударъ польскому господству въ западныхъ провинціяхъ уничтоженіемъ крѣпостного права. Если бы поляки отказались въ то время отъ мнимыхъ правъ своихъ на русскія провинціи, входившія въ составъ польскаго королевства 1772 года, они могли бы достигнуть полной автономіи Польши 1815 года. Они предпочли сдѣлать послѣднее усиліе съ цѣлію возстановить королевство 1772 года и поддержать въ принадлежавшихъ ему провинціяхъ олигархическій принципъ, обусловливавшій жизнь прежней Польши. Они были послѣдовательны въ своихъ намѣреніяхъ; иначе были бы принуждены отказаться, въ возстановленной Польшѣ 1815 года, отъ своихъ собственныхъ видовъ, потому что ея національное правительство и самоуправленіе отличаются отъ тѣхъ аристократическихъ формъ, которыхъ они требуютъ. И хотя мы осудили ихъ дальнѣйшія дѣйствія, тѣмъ не менѣе они были логическимъ результатомъ ихъ политическихъ принциповъ. Они обнаружили послѣдовательность въ своихъ стремленіяхъ и прежде возстанія, когда объявили, что предпочитаютъ присоединеніе западныхъ губерній возстановленію Польши 1815 года. Рѣшившись прибѣгнуть къ оружію, они полагали встрѣтить поддержку въ общемъ неудовольствіи русскаго дворянства и въ другихъ революціонныхъ элементахъ, которые они надѣялись возбудить въ Россіи. Они разсчитывали на слабость Россіи

и на помощь западныхъ державъ и старались путемъ печати ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе, надѣясь, что европейскія державы подчинятся его вліянію. Въ западно-русскихъ губерніяхъ польское меньшинство домогалось нравственнаго и матеріальнаго господства надъ массою населенія, состоящаго изъ русскихъ и литовцевъ. Вотъ почему польская революція находитъ опору въ богатствахъ польскихъ землевладѣльцевъ, во вліяніи низшихъ чиновниковъ, которые всѣ почти поляки, въ римско-католическомъ духовенствѣ, имѣющемъ большое вліяніе на женщинъ и на поселянъ католическаго исповѣданія, и, наконецъ, въ системѣ устрашенія, убивая русскихъ крестьянъ, едва успѣвшихъ избавиться отъ мертвящаго гнета крѣпостнаго права".

Цѣна 1 руб. 50 коп.
съ пересылкою.

2

СОЧИНЕНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

I. „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ.“ Вильна. 1889 г. Цѣна 4 руб. съ пересылкою. Сочиненіе одобрено Ученымъ Ком. М. Н. Пр. для библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

II. „Очеркъ Древней Литвы и Западной Россіи.“ Вильна. 1891 г. Цѣна 60 коп. съ пересылкою. Сочиненіе одобрено Ученымъ Ком. М. Н. Пр. для библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также и для народныхъ (сельскихъ) училищъ Сѣверо-Западнаго края.

Адресъ: Вильна, реальное училище, П. Дм. Брянцеву, или же въ книжный магазинъ А. Г. Сыркина, въ Вильнѣ.

2007099201